

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

На правах рукописи

ЧИГАРЬКОВА СВЕТЛАНА ВЯЧЕСЛАВНА

**ЛИЧНОСТНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ**

19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:
доктор психологических наук, профессор
Солдатова Галина Уртанбековна

Москва – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования межкультурной компетентности личности и предикторов ее формирования	15
1.1. Основные подходы в исследовании компетентности в психологии	16
1.2. Межкультурная компетентность личности как объект исследования в отечественной и зарубежной психологии	21
1.2.1. Предпосылки и этапы становления проблемного поля исследований межкультурной компетентности	21
1.2.2. Систематизация подходов, теорий и моделей исследования межкультурной компетентности	30
1.3. Культурный интеллект в структуре межкультурной компетентности личности	54
1.3.1. Концепция культурного интеллекта и ее развитие	55
1.3.2. Эмпирические исследования культурного интеллекта в различных сферах психологии	60
1.3.3. Методы исследования культурного интеллекта	68
1.3.4. Культурный интеллект и межкультурная сензитивность как компоненты межкультурной компетентности личности	70
1.4. Предикторы межкультурной компетентности личности	75
1.4.1. Социокультурные предикторы межкультурной компетентности	75
1.4.2. Психологические предикторы межкультурной компетентности	79
1.5. Выводы	95
Глава 2. Личностные предикторы сформированности межкультурной компетентности	97
2.1. Программа эмпирического исследования	97
2.1.1. Процедура и методы исследования	99
2.1.2. Выборка исследования	103
2.2. Адаптация методики «Расширенная шкала культурного интеллекта»	107
2.2.1. Этапы адаптации русскоязычной версии «Расширенной шкалы культурного интеллекта»	107
2.2.2. Процедура и методы адаптации методики	109
2.2.3. Описание результатов адаптации	111
2.2.4. Обсуждение результатов адаптации и выводы	116
2.3. Связь компонентов межкультурной компетентности с личностными характеристиками	120
2.3.1. Результаты	120
2.3.2. Обсуждение результатов и выводы	123
2.4. Модель личностных предикторов межкультурной компетентности	129
2.4.1. Результаты	129
2.4.2. Обсуждение результатов	134

2.5. Типы межкультурной компетентности личности.....	144
2.5.1. Характеристики особенностей межкультурного опыта у групп с разным типом межкультурной компетентности	148
2.5.2. Сравнение личностных характеристик у групп с разным типом межкультурной компетентности	156
2.5.3. Обсуждение результатов	164
2.6. Выводы.....	174
Заключение.....	177
Список литературы.....	182
Приложение 1. Пункты методики «Расширенная шкала культурного интеллекта» (оригинал и перевод).....	225
Приложение 2. Анкета и методики исследования.....	227
Приложение 3. Социально-демографические показатели по выборке.	245
Приложение 4. Результаты корреляционного анализа культурного интеллекта и межкультурной сензитивности с другими методиками	251

Введение

Актуальность. Одной из ключевых характеристик современного общества становится рост сложности и многообразия мира. На фоне глобальных процессов происходит, с одной стороны, интенсификация межкультурной коммуникации, наблюдающаяся в различных сферах: от повседневного общения, участия в поликультурных учебных или рабочих коллективах до международных переговоров, с другой – рост культурной гетерогенности мирового сообщества, в том числе, связанный с процессами глокализации. Так, различия между расами, народами, культурами, религиями и субкультурами не нивелируются, а остаются выпуклыми и зримыми на всех континентах и во всех странах. Данная ситуация порождает острую необходимость в выработке стратегий успешного взаимодействия в условиях многообразия культур, что делает межкультурную компетентность одним из важнейших навыков XXI века. Глобальные процессы не только определяют возрастание разнообразия и сложности различных областей жизни, но и усиливают в них степень неопределенности (Асмолов, 2015; Белинская, 2014; Корнилова, 2010; Леонтьев, 2015; Марцинковская, 2015; Солдатова, Шайгерова, 2015). Это ставит перед личностью новые задачи, требующие широкого репертуара стратегий активности человека для достижения успеха в межкультурных контекстах. В таких условиях недостаточно только освоения норм собственной культуры, задающих определенную траекторию поведения и освобождающих личность от принятия решений в типичных для данной культуры ситуациях, недостаточно даже адаптации к другой культуре, основанной на присвоении новых культурных кодов и способности вести себя в соответствии с ними. В условиях увеличения скорости изменений растет роль личности, как способной адаптироваться к актуальному межкультурному контексту, так и обладающей потенциалом для успешной деятельности в межкультурном контексте вне зависимости от рамок конкретной ситуации. Такая личность

готова гибко приспосабливаться к нормам другой культуры, а также конструировать новые способы взаимодействия на перекрестках разных культурных миров.

Такая ситуация развития общества делает актуальными задачи, с одной стороны, понимания ключевых способностей, определяющих эффективность личности в межкультурном взаимодействии, с другой стороны, исследования предикторов такой эффективности. В научном дискурсе данный вопрос был поставлен в середине XX века в рамках концептуализации феномена межкультурной компетентности (МК). В связи с этим появляется целый ряд работ, обосновывающих и уточняющих измерения МК, в основе которых лежит общая идея об адаптивности как одной из ключевых характеристик МК, а также комплексности и многомерности ее природы (например, Abe, Wiseman, 1983; Gudykunst, Hammer, 1984; Koester, Oebele, 1988; Wiseman, Abe, 1986). В поисках содержательных характеристик МК исследования разворачиваются по нескольким направлениям: изучение личностных характеристик, обеспечивающих эффективность межкультурной коммуникации (например, Cleveland, Mangone, Adam, 1960; Harris, 1973), анализ поведения взаимодействующих сторон в межкультурном контексте (например, Ruben, Kealey, 1979), и, наконец, рассмотрение феномена МК с точки зрения интеграции личностных характеристик и коммуникативного поведения для более полного понимания эффективности межкультурной коммуникации (например, Gudykunst, Hammer, Wiseman, 1977).

В конце XX – начале XXI вв. при сохранении многообразия точек зрения распространяется представление о МК как о сложном личностном образовании, включающем когнитивный, поведенческий и аффективно-мотивационный компоненты (Spitzberg, Cupach, 1984; Bennett, 2001; Chen, Starosta, 1996; Ting-Toomey, 1999). Исследовательское поле данного феномена расширяется за счет разработки многочисленных моделей МК, отражающих набор личностных свойств, важных в межкультурном взаимодействии (Chen, Starosta, 1996; Gudykunst, 2004; Van der Zee, Van

Oudenhoven, 2000), этапы развития МК (Bennett, 1986), стратегии адаптации к инокультурной среде (Berry et al., 1989), причинно-следственные связи между различными компонентами МК (Arasaratnam, 2008). На основе теоретических изысканий разрабатывается соответствующий методический инструментарий (Ang et al., 2007; Bennett, Hammer, 1998; Matsumoto et al., 2001, Van der Zee, Van Oudenhoven, 2000).

К настоящему времени накоплен значительный объем знаний в контексте изучения различных аспектов успешности в межкультурной коммуникации, что нашло свое отражение во множестве подходов, концепций и моделей (Гриценко и др., 2020а, 2020б; Солдатова, Шайгерова, 2015; Spitzberg, Changnon, 2009). Тем не менее, в отечественной науке эмпирические исследования МК только начинаются. В российских исследованиях чаще используются отдельные методики для оценки таких феноменов как толерантность, этническая идентичность, этноцентризм, социальная дистанция, эмпатия, коммуникативная компетентность, являющиеся важными в межкультурном взаимодействии, но дающие только косвенное представление о МК. Таким образом, остро встает вопрос о необходимости расширения соответствующего методического инструментария для измерения уровня МК на русском языке. Несмотря на большое количество аккумулированного эмпирического материала в области социокультурных и психологических особенностей, влияющих на успешность в межкультурном взаимодействии, ощущается недостаток в их систематизации и комплексности рассмотрения, а также верификации в российских реалиях. Высокое прикладное значение для диагностики и развития МК имеют исследования, позволяющие выделить типы или профили межкультурной компетентности, которые на данный момент остаются достаточно редкими (Гридунова, 2018; Логашенко, 2015; Манойлова, 2011). В условиях возрастающей неопределенности и сложности современного мира требуется расширение оптики понимания успешной адаптации личности в межкультурном контексте и, следовательно, функций

МК как инструмента не только эффективного приспособления к конкретной ситуации межкультурной коммуникации (актуальная адаптивная активность), но и предвосхищения встречи с культурным разнообразием (преадаптивная активность) и генерации в творческом межкультурном диалоге/полилоге новых смысловых пространств и способов взаимодействия (неадаптивная активность).

Цель – исследование личностных характеристик как предикторов сформированности межкультурной компетентности, обеспечивающей различные виды адаптивной активности личности в межкультурном контексте.

Объект – межкультурная компетентность личности.

Предмет – роль личностных характеристик в формировании межкультурной компетентности личности.

Общая гипотеза исследования:

Личностные характеристики, позволяющие эффективно взаимодействовать в ситуациях неопределенности, сложности и разнообразия в поликультурном контексте, опосредуют формирование межкультурной компетентности, связанной с различными видами адаптивной активности личности.

Частные гипотезы исследования:

1. Такие личностные черты, как экстраверсия, открытость опыту, добросовестность, доброжелательность и эмоциональная стабильность положительно связаны с уровнем выраженности компонентов МК.
2. Типы этнической идентичности связаны с выраженностью компонентов МК личности: позитивная этническая идентичность – положительно, гиперидентичность – отрицательно.
3. Личностные характеристики, позволяющие эффективно действовать в ситуациях неопределенности, сложности и разнообразия, – толерантность, жизнестойкость, эмпатия, толерантность к неопределенности – положительно связаны с выраженностью компонентов МК.

4. Лица, характеризующиеся выраженностью таких ценностных ориентаций, как гедонизм, индивидуализм, низкая соревновательность, низкий уровень избегания неопределенности, долгосрочная ориентация, средняя дистанция власти, отличаются более высоким уровнем МК.
5. Личностные характеристики, способствующие осуществлению различных видов адаптивной активности субъекта в межкультурном контексте, и социокультурные характеристики (владение языками, частота и интенсивность социальных связей с представителями разных культур, опыт проживания за границей) могут выступать предикторами выраженности компонентов МК.
6. Между группами лиц, характеризующихся различным соотношением мотивационного, когнитивного, поведенческого и аффективного компонентов МК, существуют различия в выраженности личностных и социокультурных характеристик, позволяющих более эффективно взаимодействовать в ситуациях неопределенности, сложности и разнообразия в межкультурном контексте.

Задачи исследования

Теоретические:

1. Провести анализ подходов к изучению межкультурной компетентности личности в отечественных и зарубежных исследованиях и выделить основные ее характеристики.
2. Представить концепцию культурного интеллекта, обосновать его соотношение с межкультурной сензитивностью как основу для изучения межкультурной компетентности и систематизировать результаты эмпирических исследований данного феномена.
3. Проанализировать основные личностные и социокультурные предикторы формирования межкультурной компетентности личности.

Методические:

1. Провести адаптацию русскоязычной версии методики «Расширенная шкала культурного интеллекта» (Van Dyne et al., 2012).

2. Подобрать методический инструментарий для исследования компонентов межкультурной компетентности, а также предположительно связанных с ней личностных и социокультурных характеристик.

Эмпирические:

1. Изучить наличие и характер связи уровня межкультурной компетентности с показателями выраженности типов этнической идентичности, толерантности, жизнестойкости, эмпатии, толерантности к неопределенности, шкал Большой пятерки личностных черт, ценностных ориентаций.
2. Исследовать роль личностных и социокультурных характеристик в сформированности межкультурной компетентности.
3. Выделить типы межкультурной компетентности личности и провести их сравнение для выявления различий между ними по ряду социокультурных и личностных характеристик, связанных с потенциалом осуществления разных видов адаптивной активности в межкультурном контексте.

Теоретико-методологическая основа исследования. Общими теоретико-методологическими основаниями работы являются системный подход, положения культурно-исторического и историко-эволюционного подходов (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Г. Асмолов, М. Коул и др.).

При анализе межкультурных взаимодействий и МК мы опираемся на разработки в области этнопсихологии (И.С. Кон, Н.М. Лебедева, Л.Г. Почебут, Т.Г. Стефаненко, Г.У. Солдатова, О.Е. Хухлаев, Е.И. Шлягина), исследования в сфере психологии межэтнических отношений (В.В. Гриценко, С.Д. Гуриева, Н.М. Лебедева, Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко, А.Н. Татарко, В.Ю. Хотинец), кросс-культурной психологии (Дж. Берри, Д. Мацумото, Г. Триандис), психологии межкультурных коммуникаций (В. Гудикунст, С. Тинг-Туми, Ф. Тромпенаарс, Э. Холл, Б. Шпицберг). Для понимания МК и ее личностных предикторов особую значимость представляют концепции и идеи, связанные с разработкой таких феноменов как «культурный интеллект» (С. Анг, Л. Ван Дайн, К. Эрли), «межкультурная

сензитивность» (М. Беннет, У. Староста, М. Хаммер, Г.-М. Чен), «позитивная этническая идентичность» (Г.У. Солдатова).

При разработке типологии МК мы основываемся на концепции неадаптивной и преадаптивной активности личности В.А. Петровского и А.Г. Асмолова, а также на методологии диалогизма М.М. Бахтина и В.С. Библера. В рамках работы личностные предикторы рассматриваются через понимание динамической природы личности с опорой на концепции личностного и интеллектуально-личностного потенциала (Д.А. Леонтьев, Т.В. Корнилова).

Методы исследования. В исследовании использовался комплекс методов, включающий авторскую анкету, которая направлена на получение социодемографических данных, информации об этнокультурной, языковой идентичности и контекстуальных факторах межкультурной коммуникации, а также ряд психодиагностических методик для исследования компонентов МК: адаптированная в рамках диссертации «Расширенная шкала культурного интеллекта» Г.У. Солдатовой, С.В. Чигарьковой и Е.И. Рассказовой и «Шкала межкультурной сензитивности» О.Е. Хухлаева, М.Ю. Чибисовой в модификации Ю.А. Логашенко. Для изучения личностных характеристик использовались следующие методики: «Большая пятерка личностных черт» Р. Маккрае и П. Коста в адаптации А.Б. Хромова, «Краткая версия теста жизнестойкости» Е.Н. Осина и Е.И. Рассказовой, экспресс-опросник «Индекс толерантности» Г.У. Солдатовой, «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой, О.А. Кравцовой, О.Е. Хухлаева, Л.А. Шайгеровой, «Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности» Т.В. Корниловой, «Модуль исследования ценностей» Г. Хофстеде, «Культурно-ценностный дифференциал» Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой, «Кто Я?» М. Куна, Т. Макпартленда, «Диагностика уровня эмпатических способностей» В.В. Бойко.

Обработка данных проводилась в программе SPSS 23.0 и пакете R (версия 3.3.2) методами описательной статистики, процедур корреляционного анализа, сравнения групп, конфирматорного факторного,

дисперсионного, регрессионного и кластерного анализа, а также методом путевого анализа (разновидности структурного моделирования) для построения модели предикторов компонентов МК.

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 1545 человек, 1047 женщин и 498 мужчин (средний возраст $28.46 \pm 11,82$ лет) из 10 городов 5 федеральных округов Российской Федерации.

Научная новизна. Межкультурная компетентность впервые рассматривается через комплекс таких феноменов как культурный интеллект и межкультурная сензитивность, полно отражающих ее сложную структуру, которая включает мотивационный, аффективный, когнитивный, метакогнитивный, поведенческий компоненты. Проведена адаптация методики «Расширенная шкала культурного интеллекта» и представлены новые данные о феномене культурного интеллекта, его связи с рядом личностных характеристик для русскоязычной выборки. Получены новые эмпирические данные о связи ряда личностных характеристик с МК и их вклада в уровень ее сформированности, в первую очередь, позитивной этнической идентичности как наиболее значимого ее предиктора.

Впервые представлена типология МК, основанная на интеллектуально-личностном потенциале, способствующем реализации различных видов адаптивной активности личности в межкультурном контексте. Выявленные различия между выделенными типами МК позволяют продемонстрировать их специфику на основе уникальных сочетаний социокультурных факторов и личностных характеристик.

Теоретическая значимость. Анализ МК сквозь призму исследования готовности и способности к осуществлению различных видов адаптации личности в межкультурной среде расширяет теоретико-методологические основания ее изучения, в первую очередь, за счёт рассмотрения преадаптивной и неадаптивной активности. Полученные результаты дополняют современные представления о личностных предикторах формирования МК и дают возможность выделить позитивную этническую

идентичность как значимую детерминанту в системе предикторов. Данные исследования позволяют углубить представления о феномене культурного интеллекта и его связях с рядом личностных и социокультурных характеристик. Выделенные типы МК эмпирически подтверждают нелинейную природу процесса формирования МК и позволяют на основании социокультурных и индивидуальных различий определить особенности личностного потенциала для осуществления взаимодействий в межкультурном контексте.

Практическая значимость. Модель личностных предикторов уровня МК и специфика личностных типов может лечь в основу разработки соответствующих стратегий развития МК в рамках практико-ориентированных программ и тренингов. Выделенные типы МК могут стать основой для оценки перспектив адаптации и успешности взаимодействия в межкультурном контексте. Апробированная методика «Расширенная шкала культурного интеллекта» может использоваться как надежный и валидный психодиагностический инструмент не только в научных исследованиях, но и для оценки ключевых аспектов МК в организациях при отборе на позиции, связанные с учебой или работой в поликультурной среде. Полученные результаты исследования применяются в рамках курса «Психология межкультурных коммуникаций» (факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова).

Надёжность и достоверность результатов обеспечивается теоретической и методологической обоснованностью методов, адекватных предмету, целям и задачам исследования; достаточной репрезентативностью выборки исследования; корректным применением современных математико-статистических методов обработки данных в соответствии с проверяемыми гипотезами, а также содержательным анализом выявленных фактов и закономерностей.

Положения, выносимые на защиту

1. Межкультурная компетентность как интегральная динамическая личностная характеристика включает метакогнитивный, когнитивный, аффективный, мотивационный и поведенческий компоненты и обеспечивает различные виды адаптивной активности личности в межкультурном контексте, актуализирующиеся в расширении репертуара стратегий преодоления неопределенности, управлении ситуациями культурного разнообразия и конструировании нового пространства взаимодействия посредством диалога культур.

2. Позитивная этническая идентичность выступает ключевым предиктором в системе личностных характеристик, связанных с возможностью индивида эффективно осуществлять различные виды адаптивной активности личности в ситуациях неопределенности, сложности и разнообразия поликультурного контекста.

3. Установлены типы личности, определяемые спецификой межкультурной компетентности: «преадаптанты», «сензитивные адаптанты», «немотивированные адаптанты», «избегающие адаптанты», «дезадаптанты». Они различаются по выраженности ряда личностных и социокультурных характеристик и определяют разные виды адаптивной активности в межкультурном контексте.

4. Адаптированная русскоязычная версия методики «Расширенная шкала культурного интеллекта», направленная на изучение мотивации к межкультурной коммуникации, знаний о других культурах, стратегии межкультурного взаимодействия и поведения в ситуациях культурного разнообразия, является надежным и валидным психодиагностическим инструментом для исследования компонентов межкультурной компетентности личности.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования обсуждались на всероссийских и международных конференциях: XIV Международной научно-практической конференции молодых ученых «Векторы развития современной России» (Москва, 17–18 апреля 2015 г.);

Всероссийской конференции «От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете» (Москва, 29 сентября – 1 октября 2015 г.); V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития» (Москва, 20–21 ноября 2015 г.); V международной научной конференции «Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии» (Смоленск, 27–28 мая 2016 г.); Международном форуме «Восточный вектор миграционных процессов: диалог с русской культурой» (Хабаровск, 16–17 ноября 2016 г.); Международной научно-практической конференции «Социальная психология личности и акмеология» (Саратов, 19–20 октября 2017 г.); VII Сибирском психологическом форуме «Комплексные исследования человека: психология», (Томск, 28–29 ноября 2017 г.); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Инновационные ресурсы социальной психологии: теории, методы, практики», посвященной 45-летию кафедры социальной психологии (Москва, 5–7 декабря 2017 г.); 26 Европейском психиатрическом конгрессе (Ницца, 3–6 марта 2018 г.); XVI Европейском психологическом конгрессе (Москва, 2–5 июля 2019 г.); «Ломоносовских чтениях 2020» (Москва, 20 октября 2020).

Структура диссертации. Диссертация представлена на 257 страницах; состоит из введения, двух глав, выводов, заключения, списка литературы, включающего 415 источников (из них – 282 на иностранных языках), и 4 приложений. Работа иллюстрирована 30 рисунками и 14 таблицами.

Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования межкультурной компетентности личности и предикторов ее формирования

Интенсификация глобальных процессов, происходящая в течение последних десятилетий, стала вызовом для различных стран и народов и повысила степень разнообразия, сложности и неопределенности мира, в том числе, в контексте межкультурной коммуникации. Перед мировым сообществом остро встал вопрос о способах преодоления межкультурного непонимания, выстраивания диалога между культурами и разработки стратегий интегративного межкультурного взаимодействия. В ответ на данный общественный запрос на практические решения проблемы межкультурного взаимодействия в междисциплинарном поле, включавшем как прикладные, так теоретико-методологические работы, зародилось понятие МК, получившее разнообразное содержательное наполнение и широкое применение в исследованиях и практике. Разработка феномена МК ведется в рамках психологии межкультурных коммуникаций, базирующейся на достижениях целого ряда таких гуманитарных дисциплин как культурная и психологическая антропология, культурология, философия, социология, лингвистика, лингводидактика, педагогика и психология.

В данной главе мы кратко рассмотрим подходы к изучению компетентности, подробно остановимся на особенностях феномена МК и наиболее известных концепциях с ним связанных, рассмотрим на основании эмпирических и теоретических работ основные предикторы сформированности МК, изложим авторское понимание содержания и структуры МК.

1.1. Основные подходы в исследовании компетентности в психологии

В психологии и педагогике феноменом компетентности в различных ее аспектах занимался целый ряд как отечественных авторов (Асмолов, Солдатова, 2007; Вербицкий, Ларионова, 2009; Жуков, 2003; Зимняя, 2012; Петровская, 1989; Холодная, 2008; Хуторской, 2003; и др.), так и зарубежных (Равен, 2002; Роджерс, Фрейберг, 2002; Спенсер, Спенсер, 2010; Хомский, 1972; Hoffman, 1999; McClelland, 1973; и др.). Перед тем как приступить к анализу работ по МК, для более полного понимания данной исследовательской области кратко остановимся на обзоре основных подходов к изучению феномена компетентности, в первую очередь социальной компетентности (Жиганов, 2007; Социальная компетентность..., 2006).

Когнитивный подход к исследованию компетентности берет начало в психолингвистике, в первую очередь, в работах Н. Хомского (Chomsky, 1965; Smithworth, Daswani, 1974). Его ключевой характеристикой является четкое разграничение между компетентностью, как преимущественно когнитивным феноменом, и поведением. В таком подходе компетентность представляется лишь как предпосылка или возможность соответствующего поведения. Таким образом, в рамках данного подхода понятие компетентности сводилось к знаниям: например, социальная или коммуникативная компетентность приравнивались, по сути, к понятию лингвистической – знанию лексики и структуры языка. Обладание такими знаниями предполагало возможность человека действовать соответствующим образом в различных социальных ситуациях (Pylyshyn, 1973), а развитие компетентности означало обучение набору общих формальных правил, которые бы могли использоваться в различных ситуациях. Таким образом, содержание компетентности, социальной или коммуникативной, в определенной степени обезличивалось – индивидуальные особенности

коммуникативного поведения человека выносились за скобки (Социальная компетентность..., 2006).

Поведенческий подход, напротив, фокусируется на исследовании коммуникативного поведения человека. Основой такого подхода стал постулат о зависимости компетентности не только от знаний, но и от навыков их использования (Hymes, 1971). Такая парадигма предполагала понимание компетентности как способности живого организма осуществлять взаимодействие с окружающей средой, позволяющее ему поддерживать собственный статус, расти и развиваться (Argyris, 1965; Vochner, Kelly, 1974). Так, именно адаптивная эффективность оказывается ключевой функцией компетентности (Heath, 1977).

С позиций поведенческого подхода социальная компетентность подразумевала не только обладание лингвистическими знаниями, но и знаниями о возможных социальных взаимодействиях, набором определённых навыков, соответствующих контексту различных ситуаций и межличностных отношений. При таком подходе центральной задачей становится формирование специфических социальных навыков взаимодействия с окружающими в различных ситуациях (Социальная компетентность..., 2006).

Эти два подхода оказываются не только взаимосвязанными, но и взаимодополняющими друг друга, образуя когнитивно-поведенческое направление как одно из ключевых в исследовании и практике компетентности. Так, знание социокультурных норм и социальные навыки, реализующиеся в коммуникативном поведении в конкретной ситуации – это тесно связанные аспекты социальной компетентности (Жиганов, 2007). На пересечении когнитивного и поведенческого подходов формируются два содержательных компонента компетентности, которые можно условно обозначить как «знания что» (например, знания общих социокультурных правил и норм) и «знания как» (как эти правила могут быть применены в конкретной ситуации) (Wiemann, 1977).

Параллельно с компетентностным подходом, фокусирующемся на формировании отдельных знаний, навыков и умений, в психологии и педагогике начинает складываться гуманистический подход, ориентированный на целостное развитие личности. В основу данного направления легли, в первую очередь, идеи известного американского психотерапевта К. Роджерса и его ученика Дж. Фрейберга, подвергших в начале 1960-х гг. серьезной критике существовавшую образовательную политику США.

На замену классическому директивному подходу в учебном процессе ими был разработан новый человекоцентрированный подход, основанный на понимании цели обучения как «фасилитации изменения и учения». По мнению К. Роджерса, «образованным является только тот, кто научился учиться; кто научился приспосабливаться и меняться; кто осознал, что безопасность зиждется не на самом знании, а на умении его добыть. Изменчивость, доверие к динамичному (а не статичному) знанию – вот единственная разумная цель образования в современном мире» (Роджерс, Фрейнберг, 2002, с. 224).

С такой позиции феномен компетентности стал операционализироваться не столько через зримые и фиксируемые результаты деятельности или стандарты выполнения определенных видов работ, а в первую очередь, через личностные качества и мотивационные детерминанты, определяющие эффективность той или иной деятельности.

Идеи К. Роджерса имели широкий общественный резонанс и инспирировали возникновение различных вариантов человекоцентрированного подхода, в том числе, направленных на содействие личностному росту и самосовершенствованию, формированию ролевой позиции свободного гражданина и социальных навыков (Adler, 1982). Исследователи и практики гуманистического направления рассматривают компетентность как динамичную, развивающуюся характеристику личности,

которая включает в себя набор социальных, когнитивных и эмоциональных навыков, необходимых для успешной адаптации к окружающей среде.

В отечественной школе рассмотрение феномена компетентности выходит за рамки компетентностного подхода благодаря методологии культурно-исторической психологии. Так, при изучении социальной компетентности в образовательной среде исследовательский коллектив под руководством А. Г. Асмолова и Г. У. Солдатовой разрабатывает феномен компетентности не только в рамках компетентностного подхода как, например, адекватность и пригодность личности к действию или как способность к эффективному поведению, а более широко – как продукт социальной ситуации развития, как способность к адаптации, сотрудничеству, изменению и контролю ситуации, как совокупность базовых личностных характеристик, детерминирующих эффективность действий на работе и в других ситуациях (Социальная компетентность..., 2006). Авторы определяют компетентность как «знание в действии», при этом действие в опоре на идеи Л.С. Выготского, А.А. Леонтьева и А.Р. Лурии понимается как «живое направленное действие, за которым стоят мотивы личности» (Асмолов, Солдатова, 2007).

В рамках своей работы авторы выделяют функции и структуру социальной компетентности. Так, опираясь на концепцию взаимосвязанности адаптивной и неадаптивной активности личности (Петровский, 1996), делается важный шаг в расширении методологических оснований исследования социальной компетентности не только как освоения определенных социальных норм и практик, то есть адаптации к актуальному социальному контексту. Наряду с адаптивной функцией, выделяемой многими исследователями, предлагается рассматривать и преобразующую функцию социальной компетентности. Вхождение в новое социокультурное пространство требует не только воспроизводства освоенных способов взаимодействия, но и новых видов активности. Источником новой деятельности становится надситуативная неадаптивная активность

(Петровский, 1996), во многом противостоящая актуальному адаптивному поведению и определяемая, в том числе, такими феноменами как «интеллектуальная инициатива», «бескорыстный риск», «сверхзадача» (Асмолов, 2002а). Таким образом, с такой позиции социальная компетентность направлена не только на приспособление личности к социальной ситуации и воспроизводство социальных отношений без каких-либо трансформаций, но и преобразование окружающего социального контекста на основе надситуативной активности личности. Такая личность формируется уже не в рамках «культуры полезности», основанной на стремлении к равновесию и самосохранению и ориентированной на выживание, а в контексте «культуры достоинства» (Асмолов, 1990), обращенной к проблемам уникальности, саморазвития, к поиску личностных смыслов и новых практик взаимодействия.

При анализе структуры социального интеллекта выделяются три компонента – мотивационно-ценностный, когнитивный и поведенческий. При этом в качестве содержательных критериев социальной компетентности предлагается рассматривать овладение такими метакомпетентностями как толерантность, понимаемая широко в диапазоне от нервно-психической устойчивости и толерантности к неопределенности до социально-психологической устойчивости, и социальный интеллект, представляющий системный, интегральный когнитивно-поведенческий конструкт, определяющий успешность коммуникации и социальной адаптации личности (Социальная компетентность..., 2006).

На основе проведенного анализа можно выделить общую тенденцию к постепенному смещению исследовательского интереса от концентрации на исключительно когнитивно-поведенческих аспектах компетентности к ее комплексному рассмотрению через призму мотивационно-потребностной сферы личности.

В соответствии с проанализированными работами мы будем рассматривать компетентность как интегральное динамическое личностное

образование, способствующее осуществлению ситуативной и надситуативной адаптивной активности, включающее когнитивный, поведенческий, аффективный и мотивационный компоненты.

1.2. Межкультурная компетентность личности как объект исследования в отечественной и зарубежной психологии

1.2.1. Предпосылки и этапы становления проблемного поля исследований межкультурной компетентности

Проблема МК не может рассматриваться в отрыве от развития такого научного направления как психология межкультурных коммуникаций. Формирование психологии межкультурных коммуникаций происходило в междисциплинарном контексте и основывалось на научных разработках культурной и психологической антропологии, культурологии, философии, лингвистики, лингводидактике, психологии (в первую очередь, этнопсихологии и социальной психологии). Теоретико-методологические основания для развития психологии межкультурной коммуникации закладываются в первой половине XX в. (Садохин, 2009). Так, активно разрабатываются теории и модели культур (Р. Бенедикт), концепции культурного релятивизма (М. Мид, М. Херсковиц), культурного шока (К. Оберг, С. Бочнер, А. Фарнхам), базовой структуры личности (А. Кардинер, Р. Липтон), проводятся исследования в области межкультурного взаимодействия (Э. Холл, Р. Брислин), невербальной коммуникации (М. Аргайл, Р. Бёрдвистелл), национальных культурных ценностей (М. Рокич), особенностей национального характера (С. Клакхон, Ф. Стродбек, Т. Кнутсон) и др. Повышение значимости межкультурных взаимоотношений в XX веке детерминирует развитие философско-культурологических теорий диалога культур М.М. Бахтина, В.С. Библера, М. Бубера и создание концепций диалога культурных миров (Г.Г. Померанц), диалога цивилизаций (Г.А. Аванесова, Б.С. Ерасов), полилога межкультурных отношений (О.Н. Астафьева, К.Э. Разлогов).

Психология межкультурных коммуникаций как самостоятельное научно-исследовательское направление начинает активно разрабатываться во второй половине XX века в связи с усилением процессов миграции после Второй мировой войны и расширением границ политико-экономических интересов США за пределы страны. Возникновение межкультурной коммуникации как самостоятельной научной дисциплины связывают с выходом в США в 1954 г. книги Э. Холла и Д. Трагера «Culture as Communication». Несколько позже феноменом межкультурной коммуникации начинают заниматься в Европе вследствие усиления процессов интеграции внутри Европы, а также увеличения мигрантских потоков. В отечественной науке данный феномен изначально оказывается объектом исследовательского интереса в лингвистике, а в психологии начинает активно разрабатываться лишь в 90-е годы в связи с активизацией межэтнических процессов на постсоветском пространстве.

Переходя непосредственно к анализу теоретико-методологических аспектов исследований МК, нельзя не отметить неоднородность разработок в данной области (Солдатова, Шайгерова, 2015). Данная разрозненность начинается с многообразия различных конструктов, которые используют ученые и практики для обозначения ключевой характеристики личности, обеспечивающей успешность межкультурного взаимодействия: «межкультурная компетентность», «межкультурная коммуникативная компетентность», «кросскультурная компетентность», «этнокультурная компетентность», «социокультурная компетентность», «глобальная компетентность», «межкультурная осведомленность», «межкультурная эффективность», «межкультурная сензитивность», «кросскультурный интеллект», «культурный интеллект». Неопределенность терминологии отражает разнообразие теоретико-методологических подходов к исследованию данного феномена. При этом часть терминов, по сути, употребляются синонимично и являются взаимозаменяемыми, часть же имеет концептуальную специфику и семантические ограничения (Черняк,

2016; Chiu et al., 2013; Deardorff, 2006; Wolff, Borzikowsky, 2018). Так, в рамках метаанализа исследований американскими учеными была предпринята попытка синтезировать различные обозначения межкультурной коммуникативной компетентности, в результате которой они заключили, что понятие межкультурной эффективности эквивалентно понятию межкультурной коммуникативной компетентности (Bradford, Allen, Beisser, 2000). Чен и Староста обосновали концептуальные различия между феноменами межкультурной сензитивности и межкультурной компетентности (Chen, Starosta, 2000). Было показано, что межкультурная компетентность и межкультурная коммуникативная компетентность используются взаимозаменяемо (Arasaratnam, 2016).

Анализ частоты встречаемости терминов выявил, что понятие «межкультурная компетентность» («intercultural competence») оказалось наиболее разработанным из всех упомянутых: точный поиск по фразе в Google – 12500 выдач на русском и 808000 на английском, РИНЦ – 576 статей, Scopus – 1288. В работе мы используем понятие межкультурной компетентности как более распространенный и универсальный термин, отражающий исследуемый феномен. В самом широком смысле под межкультурной компетентностью понимается комплексный феномен, включающий различные измерения личности, которые необходимы для адекватного и эффективного взаимодействия с представителями других культур (Earley, Ang, 2003; Chiu et al., 2013; Fantini, Tirmizi, 2006; Schnabel et al., 2015; Wolff, Borzikowsky, 2018). Однако остается спорным, какие измерения и в каком соотношении описывают МК наиболее подходящим образом. Например, на основе анализа различных концепций было выявлено 325 измерений межкультурной компетентности, хотя и во многом пересекающихся (Spitzberg, Changnon, 2009). Тем не менее, большинство исследователей сходятся во мнении, что под МК подразумевается способность адекватно и эффективно осуществлять взаимодействие между людьми, относящимися к разным культурам и, соответственно,

представляющими различные аффективные, когнитивные и поведенческие системы (Spitzberg, Changnon, 2009).

В последние годы делаются попытки структурирования множества теорий и моделей, связанных с феноменом МК, и составления классификаций, способствующих более целостному осмыслению научных разработок в этой области (Гридунова, 2018; Гриценко и др., 2020а, 2020б; Солдатова, Шайгерова, 2015; Черняк, 2016; Gudykunst, 2002; Leung et al., 2014; Spitzberg, Changnon, 2009; Wiseman, 2002). В нашей работе мы не будем останавливаться на культурно-специфических моделях МК, направленных на адаптацию к конкретной культуре, а ограничимся анализом только универсальных моделей. Такие модели представляются исследователям более наукоемкими (Arasaratnam, Doerfel, 2005; Matsumoto, Hwang, 2013; Rathje, 2007), что также подтверждается экспертами в межкультурной коммуникации, описывающими универсальные для разных культур компоненты МК (Deardorff, 2006).

На основе обобщения работ, анализирующих проблемное поле МК, рассмотрим содержание основных этапов исследований МК (Черняк, 2016; Arasaratnam, 2016; Spitzberg, Changnon, 2009).

1. 1950-е гг. –1960-е гг. Начальный этап формирования проблемной области.

Одновременно с зарождением дисциплинарной области психологии межкультурных коммуникаций берет свое начало история исследований МК. Одним из триггеров к оформлению данной научной сферы послужило введение в 1954 году в научный лексикон антропологом К. Обергом понятия «культурного шока», отражающего сложные переживания человека при вхождении в новую культуру (Черняк, 2016). Именно тезис о последовательном преодолении культурного шока как основного элемента поэтапной адаптации к инокультурной среде положен в основу ряда моделей межкультурной адаптации (Черняк, 2016; Spitzberg, Changnon, 2009).

В 1962 г. Дж. Гарднер предлагает понятие «универсальный коммуникант», под которым понимается индивид, чьи личностные

особенности обеспечивают особую успешность в межкультурном взаимодействии. В список этих особенностей вошли способность к комплексности и интеграции, экстраверсия, личностная стабильность, вера в общечеловеческие ценности, прохождение социализации в культурно-универсальной среде, хорошо развитая интуиция (Hatzer, Layes, 2010). Предложенное понятие было одной из первых попыток описания личностных характеристик субъекта, обладающего высоким уровнем МК, за которым последовали другие, также опирающиеся на разнообразный репертуар личностных черт, способностей и установок.

Таким образом, на этом этапе делаются первые шаги в исследовании феномена МК, в первую очередь, в контексте проблем экспатриантов и через рассмотрение различий культур по принципу «аборигены и пришельцы» (Черняк, 2016).

2. 1970-е – 1980-е гг. – формирование различных подходов к изучению феномена МК. На этом этапе также происходит поиск и разработка методического инструментария для измерения и оценки уровня МК.

Так, происходит широкое внедрение в научный и деловой дискурс таких терминов как межкультурная компетентность, межкультурная эффективность и межкультурная адаптация (например, Hammer, Gudykunst, Wiseman, 1978; Ruben, 1976; Ruben, Kealey, 1979; Wiseman, Abe, 1986). Стоит отметить рост интереса к проблеме МК именно со стороны бизнеса. Неудачи и потери, связанные с неспособностью американских сотрудников адаптироваться в инокультурных контекстах, приводят к формированию заказа со стороны бизнеса на разработку методик для оценки МК работников. В связи с этим основными целями создания инструментария для измерения межкультурной компетентности становится рефлексия и профилактика неудач, с которыми столкнулись сотрудники в иностранных командировках, прогнозирование успешности сотрудников за рубежом, разработка стратегий отбора персонала, чья деятельность связана с межкультурными контекстами, разработка, внедрение и оценка эффективности обучающих программ

повышения МК (Sinicrope et al., 2007). При этом одним из результатов этого периода становится возникновение интереса к проблемам МК и в Европе, в особенности в Германии (Черняк, 2016).

Методические разработки по измерению МК стали опережать теоретические изыскания в этой области, что привело к определенному дисбалансу между теорией и практикой. В центре работ этого времени лежит общая идея об адаптивности как одной из ключевых характеристик МК, а также комплексности и многомерности ее природы. Были предприняты определенные усилия по разработке, обоснованию и уточнению измерений МК (например, Abe, Wiseman, 1983; Gudykunst, Hammer, 1984; Hammer, 1987; Hammer et al., 1978; Koester, Olebe, 1988; Martin, Hammer, 1989; Wiseman, Abe, 1986). Формируются три основных направления исследования МК (Hammer, Gudykunst, Wiseman, 1978). В рамках первого направления исследователи пытаются определить личностные характеристики, обеспечивающие эффективность межкультурной коммуникации (например, Cleveland, Mangone, Adam, 1960; Harris, 1973). В рамках второго – фокусируются на анализе поведения взаимодействующих сторон в межкультурном контексте (например, Ruben, Kealey, 1979). Еще одна группа исследователей интегрирует в своих концепциях личностные характеристики и коммуникативное поведение для более полного понимания эффективности межкультурной коммуникации (например, Gudykunst, Hammer, Wiseman, 1977).

В 1980-е годы объектом исследования в контексте МК становится не только экспатрианты, но и принимающая сторона и общество в целом. Задача гармоничного сосуществования общества на фоне интенсификации глобальных процессов делает МК актуальной не только для представителей этнокультурных меньшинств, но и для любого члена общества. Эти процессы активизируют исследования этнокультурной идентичности, которая начинает рассматриваться рядом ученых как основа МК (Черняк, 2016). В это же время ученые Б. Шпицберг и У. Кьюпач предлагают описывать коммуникативную

компетентность не только с точки зрения эффективности поведения, достигаемой за счет управления социальным окружением для реализации своих целей, но и с позиции приемлемости поведения – ожидаемого и одобряемого партнерами по взаимодействию и соответствующего социальному контексту (Spitzberg, Cupach, 1984). Такой подход значительно продвигает исследования МК, поскольку включает разные стороны, участвующие в межкультурной коммуникации. Эффективность и приемлемость поведения становятся хрестоматийными критериями, на которые опираются исследователи при определении межкультурной компетентности в различных концепциях.

Еще одним достижением этого периода стало определение контакта с другой культурой как необходимого условия для развития МК, при этом интенсивность и продолжительность межкультурного взаимодействия положительно влияет на динамику развития данной компетентности (Gudykunst, 1977). Также исследователями ставится вопрос, какой способ наиболее продуктивен для обучения: через непосредственное погружение в инокультурную среду или искусственное воссоздание условий межкультурного контакта в рамках учебных занятий различного формата. Попытки ответить на данный вопрос порождают два поныне актуальных направления исследований МК.

Одним из итогов данного этапа стал выход в свет в 1989 г. тематического выпуска одного из ведущих журналов в области межкультурного взаимодействия – «International Journal of Intercultural Relations», полностью посвященного проблемам МК. Этот выпуск стал одним из показателей роста значимости данной проблематики в научной сфере (Lieberman, Gamst, 2015).

3. 1990-е гг. – настоящее время – соответствует этапу широкого распространения исследований МК в мировом научном дискурсе, построения более сложных моделей, разработки новых измерительных инструментов и попытки обобщения существующих концепций.

1990-е годы характеризуются значительным ростом внимания к проблемам МК в Европе (Garcea, 1998), Азии (Kim, 2010) и России (Черняк, 2016). В Европе МК становится одной из ключевых компетентностей, на формирование которых направлен образовательный процесс. В России также внимание МК уделяется в контексте образования, а конкретнее – в обучении иностранным языкам, и только несколько позже оказывается объектом исследований в психологии (Черняк, 2016). Исследования МК в Азии ведутся по линии дополнения европоцентристского подхода в изучении межкультурной коммуникации, во многом упрощающего сложность культур «не западного» типа, и создания «азиатской школы», рассматривающей сложность и возрастающую неоднородность азиатских стилей коммуникации. «Азиатская школа» опирается на анализ восточных традиций как основы для разработки концепций межкультурной коммуникации и переосмысляет достижения западной исследовательской парадигмы (Garcea, 1998). Итогом этих процессов в 2000-х гг. становится включение курсов, посвященных особенностям межкультурной коммуникации, в широкий диапазон специальностей во множестве мировых университетов, а формирование МК понимается как часть процесса гуманизации образования (Черняк, 2016).

Период 1990-х – начало 2000-х также характеризуется разработкой инструментария для измерения МК, базирующегося на более сложных концептуальных моделях (например, Byram, 1997, 2003; Byram, Nichols, Stevens, 2001; Milhouse, 1993; Precht, Lund, 2007), в том числе, ориентированных как на контекстуальные (например, Kim et al., 2003; Martin, Hammer, Bradford, 1994), так и на процессуальные аспекты межкультурного взаимодействия (например, Hajek, Giles, 2003). Большинство этих исследований направлено на оценку когнитивных и поведенческих компонентов МК (Bradford, Allen, Beisser, 2000) и зачастую игнорирует аффективно-мотивационный компонент, значимость которого уже была продемонстрирована в других моделях (например, Spitzberg, Cupach, 1984).

Тем не менее, достижением этого этапа можно считать появление исследований, учитывающих все три измерения: когнитивного, поведенческого и аффективно-мотивационного (Bennett, 2001; Chen, Starosta, 1996; Earley, Ang, 2003; Fritz, 2001; Graf, 2004; Müller, Gelbrich, 2001; Spitzberg, 2000; Ting-Toomey, 1999).

Интерес к разработке методик на этом этапе приводит в 2010-х гг. к попыткам систематизировать их и выделить наиболее «работающие». Промежуточные итоги по существующим методикам измерения МК подвели Д. Матсумото и Х.С. Хванг (Matsumoto, Hwang, 2013). При анализе содержательной, конструктивной и экологической валидности 10 основных используемых тестов по измерению МК наиболее соответствующими выделенным критериям оказались три методики: «Intercultural Adjustment Potential Scale» («Шкала Способности к Межкультурной Адаптации»; Matsumoto et al., 2001), «The Multicultural Personality Questionnaire» («Оценка Мультикультурной Личности»; Van der Zee, Van Oudenhoven, 2000) и «Cultural Intelligence Scale» («Шкала Культурного Интеллекта»; Ang et al., 2007). На этом этапе также были выделены три методических подхода для измерения МК (Leung et al., 2014). Были выделены методы: 1) основанные на самоотчете, 2) основанные на оценке наблюдателей, хорошо осведомленных об активности индивида в межкультурной среде (отчеты коллег, супервизоров, руководителей); 3) основанные на оценке непосредственного поведения при выполнении определенных задач на межкультурное взаимодействие, например, в формате упражнений. Н.В. Черняк сделала обзор существующего инструментария для измерения МК на русском языке (Черняк, 2016). Анализ данной подборки демонстрирует недостаток русскоязычных методик, созданных на основании комплексного подхода в измерении МК. В отечественных исследованиях МК чаще используются отдельные методики для оценки таких феноменов как толерантность, этническая идентичность, этноцентризм, социальная дистанция, эмпатия, коммуникативная компетентность. Данные феномены несомненно связаны с

межкультурным взаимодействием, но представляют самостоятельные конструкты и лишь косвенно могут дать представление о МК.

Последнее десятилетие характеризуется осмыслением концептуально разрозненного поля теорий и моделей МК. Ниже мы остановимся на нескольких обобщающих работах, синтезирующих накопленный опыт в данной области.

1.2.2. Систематизация подходов, теорий и моделей исследования межкультурной компетентности

В данном параграфе мы рассмотрим МК на нескольких методологических уровнях (Юдин, 1997), в первую очередь, на общенаучном и конкретно-научном. На данный момент с точки зрения методологических уровней наиболее хорошо разработанными можно считать конкретно-научный и отчасти технологический. Так, объем эмпирических данных, направленных на исследование моделей МК, методов и техник ее оценки и развития превалирует над теоретико-методологическим осмыслением феномена МК.

На общенаучном уровне выделен ряд подходов, на которые можно опереться при изучении феномена МК. В качестве таких подходов можно привести системный подход, который лежит в основе структурных моделей МК, рассматривающих ее как систему взаимосвязанных элементов; целостный подход, на котором базируется функциональные модели, определяющие МК как интегративное качество личности; генетический подход, предлагающий динамические модели, анализирующие стадии развития МК. К общенаучному уровню также относятся деятельностный подход, рассматривающий МК как предпосылку к деятельности в межкультурном контексте; процессуально-результативный подход, фокусирующийся на уровнях, критериях и показателях МК; личностный подход, рассматривающий субъекта межкультурной деятельности и его личностные характеристики; диалогический подход, в центре внимания

ставящий диалог как условие развития МК. Среди общенаучных подходов можно обозначить и антропологический подход, основывающийся на междисциплинарности и определяющий МК как объект исследования целого спектра наук о человеке (Гридунова, 2018).

Особое внимание хотелось бы уделить слабому использованию в осмыслении феномена МК теоретико-методологической базы отечественной психологии и гуманитарной науки: культурно-деятельностной психологии, а также концепции диалогизма М.М. Бахтина (Солдатова, 2006; Солдатова, Шайгерова, в печати). Отдельно хотелось бы отметить возможности историко-эволюционного подхода А.Г. Асмолова и теорий неадаптивной и преадаптивной активности личности В.А. Петровского и А.Г. Асмолова. Кратко остановимся на том, как данные теоретико-методологические разработки могут быть применены к области исследования МК личности.

Культурно-исторический подход уделяет внимание культуре не как одному из факторов развития личности, а как его основному источнику. Л.С. Выготский связывает развитие высших психических функций индивида с процессом овладения им культурой: «... культура создаёт особые формы поведения, она видоизменяет деятельность психических функций, она надстраивает новые этажи в развивающейся системе поведения человека». (Выготский, 1983, с. 29). Так, культура, опосредуя развитие высших психических функций, определяет особенности поведения индивида. В таком случае, развитие МК как специфического личностного свойства связано с наличием в самой культуре способствующих этому импульсов. Такими стимулами могут выступать наличие представителей различных этнических групп в окружении ребенка, уважительное и позитивное отношение значимых взрослых к своей собственной и другим культурам, общие установки в социуме на толерантность и признание инаковости и вариативности как возможности для развития. Ребенок будет получать и интериоризировать данный опыт, что будет содействовать развитию позитивной этнической идентичности, толерантных и этнорелятивистских

установок, которые станут личностными ресурсами для формирования высокого уровня МК. При этом МК может выступать специфическим психологическим орудием, овладение которым опосредует трансформацию знакового пространства участников межкультурной коммуникации через его расширение за счет новых культурных кодов и приводит посредством их интеграции к возникновению нового смыслового пространства.

С точки зрения деятельностного подхода (Леонтьев, 1975), межкультурную коммуникацию как любой вид коммуникации необходимо рассмотреть в качестве особого вида деятельности, которая должна иметь личностный смысл, развиваться на основании внутренних мотивов и быть включена в число задач жизненной важности. Невозможно принудить к присвоению орудия или значения, если оно не вписывается в структуру деятельности личности, то есть не отвечает его мотивам, не имеет для него смысла. Так, МК выступает предпосылкой к деятельности в межкультурном контексте, а ее формирование может быть успешным при понимании важности межкультурного контекста в глобальном мире и осмыслении ее необходимости в повседневном контексте деятельности как инструмента управления разнообразием. Таким образом, в формировании МК ключевое место занимает мотивационная сфера личности.

Мотивационная сфера в межкультурной коммуникации играет роль и в другом ракурсе. В этом контексте особое значение получает идея Л.С. Выготского: «При понимании чужой речи всегда оказывается недостаточным понимание только одних слов, но не мысли собеседника. Но и понимание мысли собеседника без понимания его мотива, того, ради чего высказывается мысль, есть неполное понимание. Точно так же в психологическом анализе любого высказывания мы доходим до конца только тогда, когда раскрываем этот последний и самый утаенный внутренний план речевого мышления: его мотивацию» (Выготский, 1999, с. 320). При рассмотрении механизмов межкультурного взаимодействия необходимо учитывать знаковую опосредованность человеческого сознания. Понимание мотивации партнера

может оказывать более сильное воздействие на успешность процесса межкультурной коммуникации, компенсируя недостаточное знание или понимание языка. Лингвистический компонент, зачастую выступающий главенствующим в различных моделях МК, оказывается не столь значимым. Это подтверждается эмпирическими исследованиями, в которых успешность адаптации мигрантов оказалась не зависимой от знания языка в отличие от установок и ожиданий (Солдатова, Шайгерова, 2001).

Идеи, разработанные в рамках историко-эволюционного подхода, могут способствовать новому пониманию процесса конструирования межкультурной реальности и адаптации к инокультурной среде. А.Г. Асмолов выделяет две противоборствующие тенденции в эволюции любых развивающихся систем – тенденции к сохранению и тенденции к изменению данных систем (Асмолов, 1986). При этом психика человека рассматривается в контексте открытой саморазвивающейся системы. Данные постулаты оказываются полезны при анализе межкультурного взаимодействия. Так, под влиянием опыта межкультурного взаимодействия происходит самоорганизация, самонастраивание и саморазвитие психики вступающих во взаимодействие субъектов. При этом эти процессы могут по-разному происходить в зависимости от доминирования той или иной тенденции. В существующих моделях МК рассматривается главным образом линия, связанная с актуальной адаптацией, основанной на идеи уподобления другой культуре, отражая одну из обозначенных парадигм, направленных на поддержание гомеостаза системы. В то же время потенциал преадаптивных или неадаптивных моделей поведения в межкультурном взаимодействии остается за скобками. В отечественном научном дискурсе все большее внимание уделяется данным проблемам, в том числе, в контексте исследования преадаптации к неопределенности (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2017, 2018). Неопределенность как ключевая характеристика современности особую актуальность приобретает в контексте межкультурной коммуникации. Идея о том, что «адаптации выступают как

приспособления, основанные на уже приобретенном опыте, а преадаптации нацелены на новизну и непредсказуемость будущего» (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2017, с. 5), способствует пониманию необходимости дополнения существующих представлений о соотношении актуальных адаптивных и преадаптивных стратегий и в межкультурном взаимодействии.

Идея надситуативной неадаптивной активности личности В.А. Петровского (Петровский, 1992) также расширяет существующие подходы к пониманию МК, основанные, прежде всего, на концепции актуальной адаптации и аккультурации. Стратегическое мышление в межкультурном контексте (метакогнитивный компонент культурного интеллекта – подробнее рассмотрен ниже) обеспечивает создание новых способов и содержаний взаимодействия на границе культурных миров, поскольку воспроизводство, копирование или уподобление чужим культурным практикам поддерживает инвариантность культурных пространств, не создавая инструментов для построения нового совместного равноправного пространства. Неадаптивная активность в межкультурном контексте может выражаться в направленности индивида не только на решение конкретных поставленных задач, но и на творческий подход в межкультурном взаимодействии. Такой подход включает выход за рамки привычных адаптивных стратегий и предложение иных форматов межкультурного взаимодействия, построенных не столько на основании приемлемости поведения существующим культурным нормам, сколько на создании новых для обеих культур смыслов и содержаний совместной деятельности.

Неотъемлемым условием указанного выше равноправного пространства выступает диалог культур. Концепция диалога культур М.М. Бахтина, развитая в дальнейшем в работах В.С. Библера, способствует выходу за господствующий в изучении межкультурной коммуникации монологизм. Диалог культур предполагает не только обогащение достижениями другой культуры, но и осознание уникальности собственной культуры: «... культура есть там, где есть две (как минимум) культуры, и что

самосознание культуры есть форма её бытия на грани с иной культурой» (Библер, 1991, с. 85). В процессе диалога культур происходит осознание этнокультурной идентичности – собственной и своего партнера по коммуникации, ее влияния на межкультурное взаимодействие для каждой из сторон, что также должно учитываться как важная составляющая МК (метакогнитивный компонент культурного интеллекта). Таким образом, диалог культур представляет взаимодействие, основанное на равноправном обмене культурными артефактами, который при сохранении своей уникальности создает новообразования в каждом участнике межкультурной коммуникации.

После рассмотрения общих методологических аспектов остановимся более подробно на конкретно-научном уровне изучения МК. Как указывалось выше, одним из наиболее общих принципов классификации моделей МК стало разделение на универсальные и культурно-специфические модели, в основе которых лежит методология *etic* и *emic* подходов (Ang et al., 2007).

Широко используемой стала классификация моделей МК Шпицберга и Чангнона, которые выделили пять основных типов: композиционные, коориентационные, динамические, адаптационные и каузальные (Spitzberg, Changnon, 2009). Схожую классификацию предлагает Н.В. Черняк, выделяя дополнительно тип структурных моделей, но не маркируя отдельно адаптационные, что, на наш взгляд, представляется менее удачным подходом. На основании данной классификации автор провела анализ 66 моделей МК, разработанных авторами из 13 стран: Великобритании, Германии, Голландии, Дании, Канады, Латвии, Литвы, Новой Зеландии, России, США, Финляндии, Франции и Швеции (Черняк, 2016). Из них наиболее распространенными оказались структурные модели – 36, а остальные распределились следующим образом: 11 каузальных, 8 номенклатурных, 8 динамических моделей и 3 коориентационных.

Рассмотрим основные характеристики выделенных типов и приведем примеры соответствующих моделей.

1) **Композиционные** модели состоят из различных компонентов МК, отношения между которыми не определены. Такие модели представляют списки соответствующих установок, навыков, знаний и особенностей поведения, обладание которыми вместе составляет МК. В качестве зарубежных примеров таких моделей можно привести модели Г.-М. Чена и У. Старосты (Chen, Starosta, 1996) и У. Гудикунста (Gudykunst, 2004), построенные на подходе Б. Шпицберга и У. Кьюпача, рассматривающих коммуникативную компетентность с точки зрения не только эффективного, но и приемлемого поведения (Spitzberg, Cupach, 1984). Чен и Староста выделяют три составляющие МК, каждая из которых включает ряд личностных характеристик, умений, установок: аффективную (межкультурную сензитивность), когнитивную (межкультурная осведомленность) и поведенческую (межкультурную искусность/ловкость) (рис. 1).

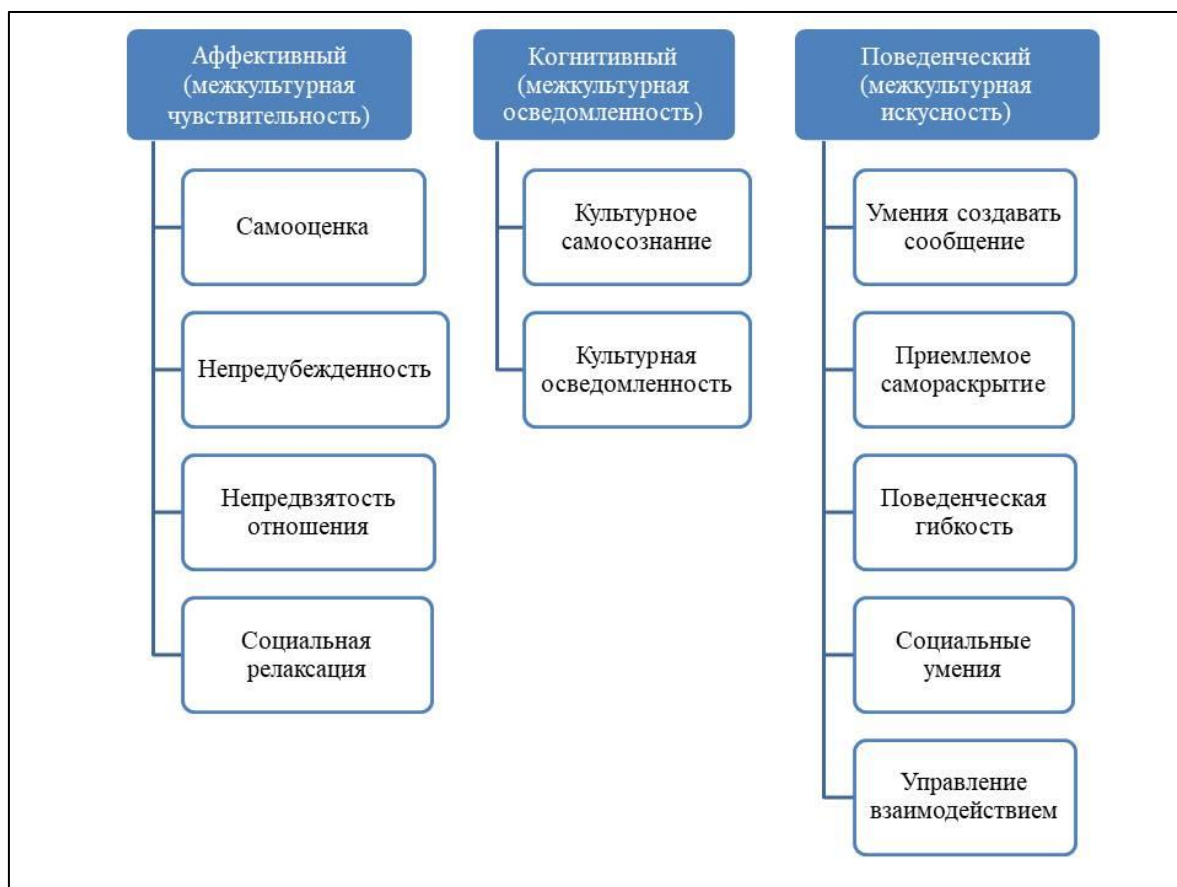

Рис. 1. Модель межкультурной компетентности Г.-М. Чена и У. Старосты

Схожий набор компонентов представляет МК в модели Гудикунста: мотивация (желание устанавливать отношения с представителями других культур), знания (осведомленность и понимание) и умения (способности предпринимать действия, соответствующие культурному контексту). В качестве вариантов композиционных моделей в отечественном научном дискурсе можно отметить модели специалиста в области теорий коммуникации О.А. Леонтович (Леонтович, 2003) и культуролога А.П. Садохина (Садохин, 2007). Несмотря на определенные содержательные различия, оба автора сходятся в том, что МК состоит из языковой, коммуникативной и культурной компетентности (рис. 2).

Рис. 2. Модель межкультурной компетентности О.А. Леонтович

2) **Коориентационные** модели направлены на изучение процесса межкультурного взаимодействия с учетом множества контекстуальных факторов. На их основе исследуются влияние факторов межкультурного взаимодействия на межкультурную компетентность, особенности формирования представлений о партнере и процессе межкультурной

коммуникации, порождение новых смыслов, совмещение знаковых систем культур и установление межкультурного понимания.

В качестве примера приведем спектральную («rainbow» – радужная) модель МК Б. Купки с коллегами (Kupka et al., 2007). Опираясь на теорию систем, авторами выделяются следующие элементы, участвующие в процессе межкультурной коммуникации (рис. 3):

- а) объекты – представители разных культур;
- б) атрибуты – воспринимаемые (наблюдаемые – «perceptas», например, эмпатия, паттерны поведения) и скрытые (внутренние – «conceptas», например, самосознание, мотивация, знания) характеристики людей из разных культур;
- в) внутренние отношения – коммуникативные действия и реакции;
- г) среда – «шумовые факторы» межкультурной коммуникации, включающие климатические (например, жара), ситуационные (например, формальное и неформальное взаимодействие), физиологические (например, стресс), психологические (например, предрассудки), семантические (общение на иностранном языке) условия.

В ходе межкультурного взаимодействия через преодоление неопределенности происходит «сонастройка» разных культурных систем, к которым относятся взаимодействующие индивиды, а результатом успешного взаимодействия становится создание общего символического пространства и обретение взаимопонимания представителями разных культур, что и определяет МК.

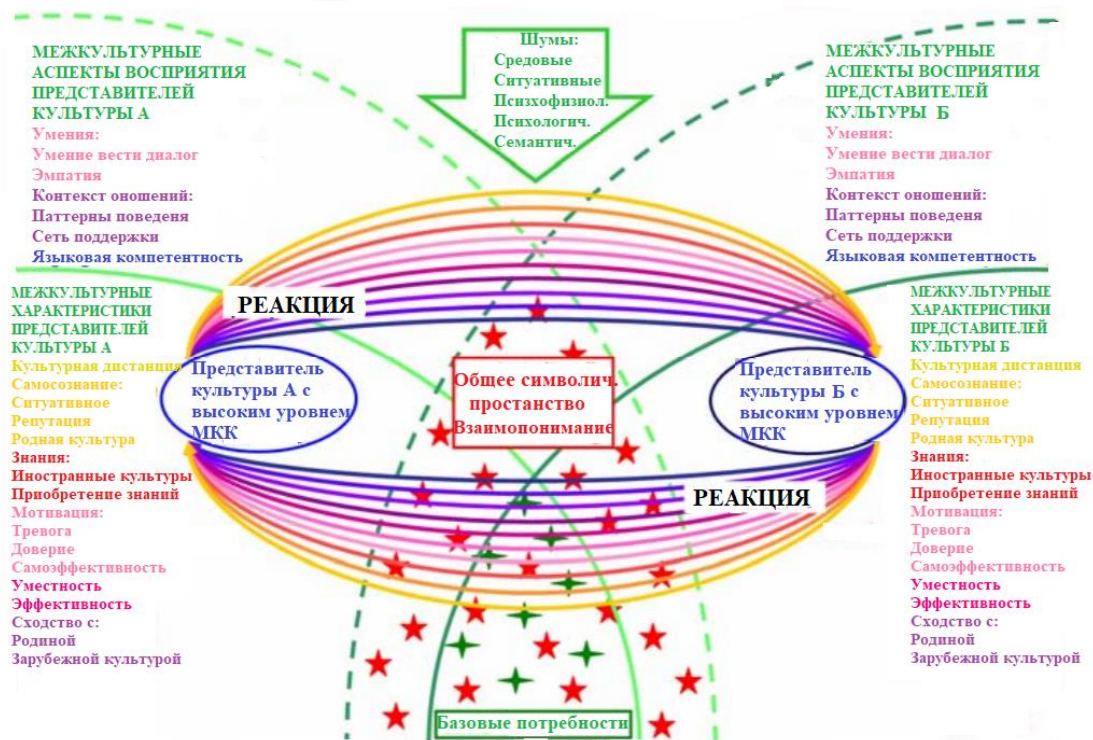

Рис. 3. Спектральная модель межкультурной коммуникативной компетентности в процессе коммуникации (Kurka et al., 2007, p.25).

3) *Динамические* модели описывают этапы развития, на которых формируется МК. Наиболее известной динамической моделью является модель развития межкультурной сензитивности (Developmental Model of Intercultural Sensitivity; DMIS) М. Беннета (Bennett, 1986, 1993). М. Беннет полагает, что освоение другой культуры происходит с помощью развития межкультурной сензитивности и состоит из шести стадий. Первые три стадии характеризуются этноцентристскими установками, направленными на выстраивание отношений с миром через призму доминирования собственной культуры, а последующие три – этнорелятивистскими установками, связанными с представлениями о равноправности культур при их многообразии (Рис. 4). Несмотря на то, что модель достаточно широко известна, рассмотрим стадии более подробно, поскольку для нашей работы она имеет важное значение.

Этноцентристские стадии:

1. *Отрицание культурных различий.* Собственная культура воспринимается как единственно реальная. При этом столкновение с другими

культурными мирами избегается как на психологическом и/или физическом уровне посредством отрицания различий. На данной стадии люди обычно не интересуются культурными различиями, но могут вести себя агрессивно, чтобы не сталкиваться с другими культурными способами существования.

2. *Защита от культурных различий.* Собственная культура (или принятая культура) воспринимается как единственно позитивная. Актуализируется бинарное разделение мира на «мы» и «они». Культурные различия воспринимаются людьми, находящимся на данной стадии, как угрожающие равновесному состоянию мира. Такие люди склонны критически относиться к другим культурам, независимо от статуса их представителей в обществе.

3. *Преуменьшение культурных различий.* Элементы собственного культурного мировоззрения считаются универсальными. Так другие культуры могут восприниматься упрощенно или романтизировано, а абсолютизация собственной культуры как универсальной мешает воспринимать культурные различия. Люди на данной стадии ожидают при столкновении с другими культурами сходства с собственной культурой, при этом они могут быть настойчивыми в корректировке поведения других в соответствии со своими ожиданиям.

Этнорелятивистские стадии:

1. *Принятие культурных различий.* Собственная культура воспринимается как одно из множества одинаково сложных мировоззрений. Принятие не означает полного согласия – культурные различия могут быть оценены негативно, но при этом не будут осуждаться с этноцентричной позиции. Люди, принимающие культурные различия, относятся к ним с любопытством и уважением.

2. *Адаптация к культурным различиям.* На этой стадии опыт взаимодействия с другой культурой приводит к пониманию ее культурных особенностей и к поведению, соответствующему ее культурным нормам. При этом собственное мировоззрение расширяется, чтобы включать конструкции из других культурных парадигм. В этом случае люди способны смотреть на

мир через призму другой культуры и могут намеренно корректировать или менять свое поведение для более эффективного взаимодействия в инокультурном контексте.

3. *Интеграция культурных различий.* Переживание своего «Я» расширяется за счет возможности погружения и переключения между различными культурными мировоззрениями. При интеграции люди часто сталкиваются с проблемами собственной «культурной маргинальности».

Рис. 5. Модель развития межкультурной сензитивности М. Беннета.

На основании данной модели была разработана широко используемая методика «Опросник оценки межкультурного развития» («Intercultural Development Inventory», IDI) (Hammer, Bennett, Wiseman, 2003).

4) *Адаптационные* модели фокусируются на том, как люди приспосабливаются к инокультурной среде, как компетентность проявляется во взаимном изменении поведения, установок и понимания, основанного на взаимодействии с представителями другой культуры.

Проблема сосуществования двух разнонаправленных тенденций – с одной стороны, стремление к адаптации к другой культуре, и поддержание собственной культурной идентичности – с другой, представляется одной из ключевых в исследованиях МК (Spitzberg, Changnon, 2009). Данная диалектика нашла отражение в разработке модели аккультурации Дж. Берри с коллегами (Berry et al., 1989). В данной модели адаптация к другой культуре и сохранение собственной культурной идентичности рассматриваются как дихотомии, которые порождают четыре потенциальных

стратегии аккультурации: ассимиляция, интеграция, сегрегация, маргинализация (рис. 6). Ассимиляция характеризуется выбором в пользу ценности адаптации за счет поглощения культурной идентичности принимающей стороной. Интеграция, напротив, допускает возможность существования индивидов в рамках системы мультикультурных сообществ. Каждая группа и ее члены сохраняют свою самобытность, но признают важность поддержания сообщества, включающего разные альтернативные культуры. При отсутствии заинтересованности в статусе других этнокультурных групп и при этом наличии установки на сохранение собственной культурной идентичности, возникает еще одна стратегия – принудительная сегрегация или добровольная сепарация. В ситуации, когда не возникает желания как принять другую культурную идентичность, так и сохранить собственную, возникает аккультурационный стресс, который приводит к еще одному варианту аккультурации – маргинализации.

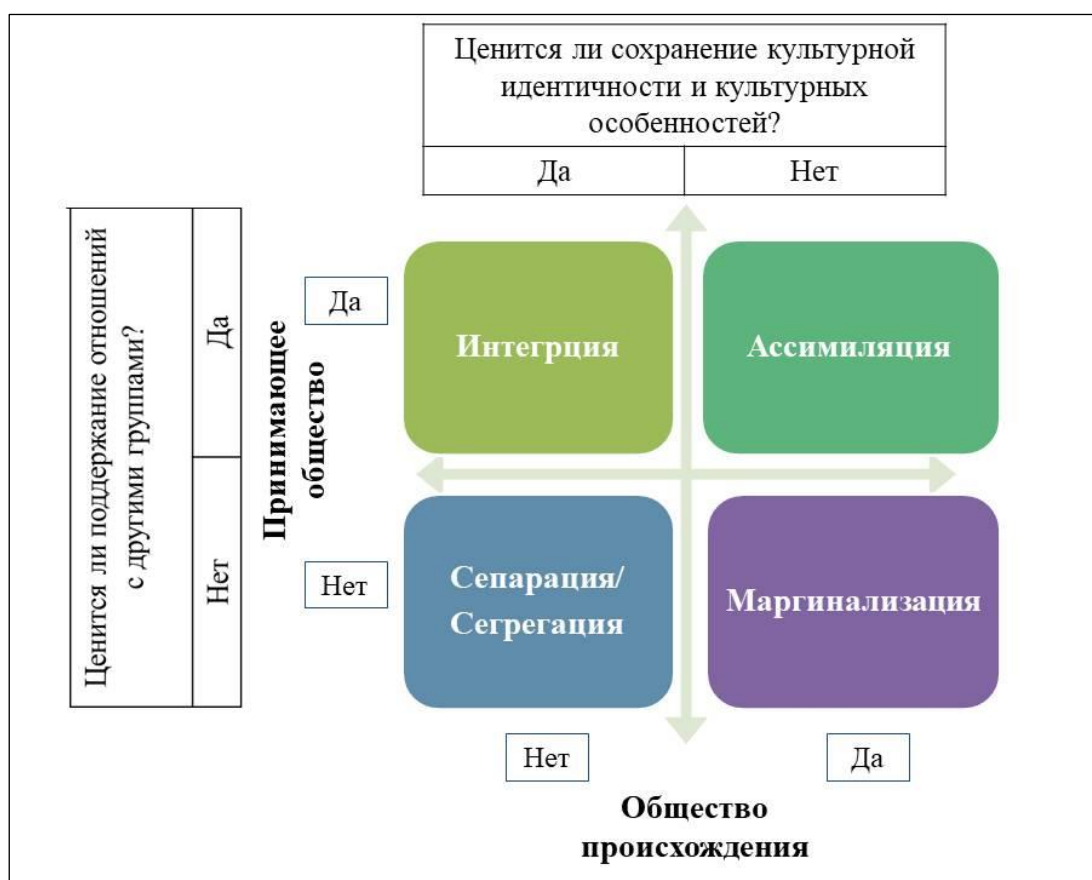

Рис 6. Модель аккультурации (Berry, Kim, Power, Young, and Bujaki, 1989; адаптация визуализации Spitzberg, Changnon, 2009, p. 27).

В рамках такого подхода МК будет определяться по степени соответствия стратегий, используемых одной этнокультурной группой, представлениям и целям другой этнокультурной группы.

5) **Каузальные** модели основываются на установлении конкретных причинно-следственных связей между различными компонентами МК.

Д. Гриффит и М. Харви предлагают каузальную модель МК (Griffith, Harvey, 2000), в которой понимание культур и коммуникативная компетентность влияют друг на друга, напрямую предсказывая качество отношений и косвенно детерминируя их через опыт межкультурного и коммуникативного взаимодействия (рис. 7). Данная модель предполагает, что коммуникативная компетентность является одним из компонентов системы межкультурных конструктов, которые в совокупности дают возможность оценить уровень МК на основании критерия качества отношений.

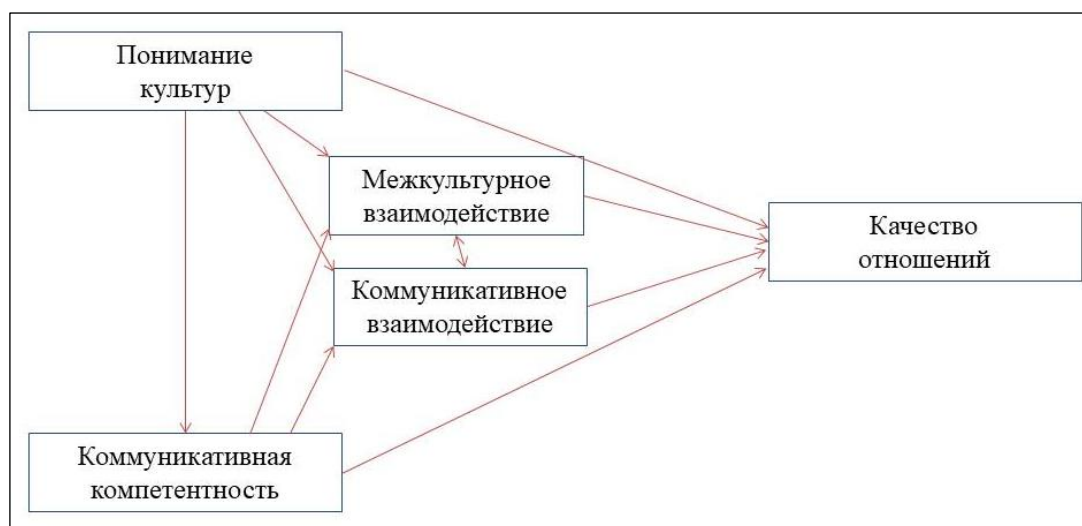

Рис. 7. Модель межкультурной коммуникации качества отношений Д. Гриффит и М. Харви.

Еще одна каузальная модель представлена в работе Л. Арасаратнам (Arasaratnam, 2008). В данной модели такое личностное свойство как эмпатия не только оказывает непосредственное влияние на уровень МК, но и опосредованно детерминирует его через воздействие на такие переменные как вовлеченность в диалог и глобальные установки, которые также зависят от опыта межкультурного взаимодействия (рис. 8). Предполагается, что эти переменные в совокупности влияют на мотивацию к межкультурному

взаимодействию, которая, в свою очередь детерминирует сформированность МК.

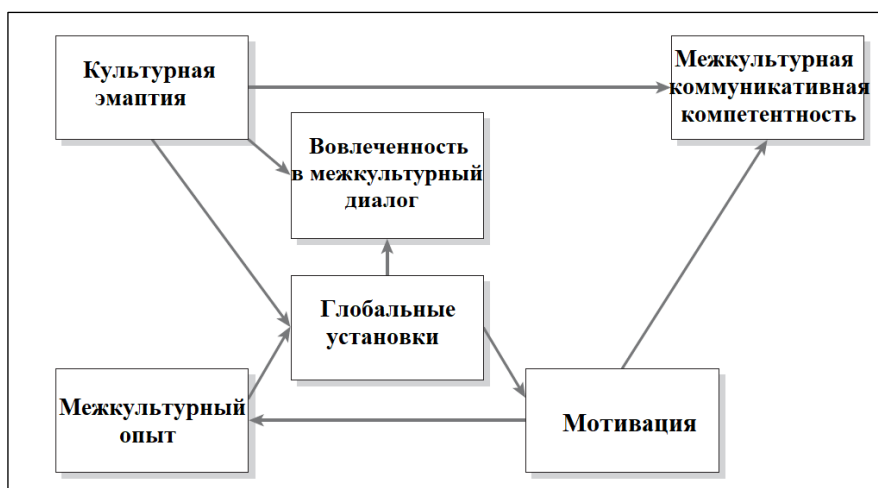

Рис. 8. Модель межкультурной коммуникативной компетентности Л. Арасаратнам.

В отечественной психологии модель МК по типу каузальной разработала и эмпирически подтвердила Л.Г. Почебут (Почебут, 2012). Опираясь на теорию М. Беннета, Л.Г. Почебут рассматривает межкультурную сензитивность как необходимое условие формирования МК. Тем не менее, ядром МК оказалась межэтническая толерантность, которая в свою очередь детерминируется показателями межличностной толерантности, социального доверия и сензитивности (Рис 9.). Также автор, анализируя структуру МК, выделяет когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты.

Рис. 9. Модель межкультурной коммуникативной компетентности Л.Г. Почебут (Почебут, 2012, с.18).

Данная классификация представляется удобной для разделения моделей МК с точки зрения их внешних структурных характеристик

(например, каузальные модели подразумевают наличие связи между рассматриваемыми феноменами, динамические – наличие цикла или стадий) и систематизации решаемых в рамках данных моделей задач и их направленности (например, коориентационные модели направлены на исследование процесса взаимодействия двух культур; номенклатурные – на выделение ключевых феноменов, составляющих МК; адаптационные – на определение степени адаптации как основного показателя МК).

Другим критерием классификации моделей могут стать содержательные характеристики, определяющие, какие личностные характеристики лежат в основе МК. Леунг с коллегами предложили разделить существующие концепции МК в зависимости от того, на каких феноменах они основываются: на личностных чертах, установках и мировоззрении, способностях, или на включении личностных черт, установок или способностей в рамках одной модели – смешанные (mixed) модели (Leung et al., 2014).

МК также может основываться на специфических *личностных чертах*, значимых в межкультурном взаимодействии и, возможно, определяющих устойчивую модель поведения в различных ситуациях (Costa, McCrae, 1992, Funder, 2001). В разных концепциях выделяют различные личностные черты, важные для межкультурного взаимодействия: открытость (Van der Zee, Van Oudenhoven, 2000), открытость различиям (Lloyd, Härtel, 2010), толерантность к неопределенности (Bird et al., 2010; Deardorff, 2006), когнитивная сложность (Lloyd, Härtel, 2010), гибкость (Matsumoto, LeRoux, Ratzlaff, 2001; Van der Zee, Van Oudenhoven, 2000).

В качестве примера таких моделей можно привести модель мультикультурной личности, основанную на представлении о том, что стабильные диспозиции являются надежными предикторами поведения (Van der Zee, Van Oudenhoven, 2000). Опираясь на исследования экспатриантов, авторы выделили следующие специфические личностные черты, обладающие прогностической силой при оценке межкультурной

эффективности: открытость, эмоциональная устойчивость, социальная инициативность и гибкость. Выделенные черты легли в основу «Опросника Мультикультурной Личности» («The multicultural personality questionnaire», Van der Zee, Van Oudenhoven, 2000, 2001), признанного одним из эффективных инструментов для оценки МК (Matsumoto, Hwang, 2013).

Модели МК, основанные на межкультурных установках и мировоззрении, сосредоточены на том, как люди воспринимают другие культуры в целом, получают, оценивают и производят информацию за пределами своих собственных культурных миров. Установки по отношению к другим культурам и межкультурным взаимодействиям могут быть как позитивными, так и негативными. Позитивное отношение к межкультурным контактам характеризует индивидов с высокой МК. Оптика восприятия мира может быть настроена этноцентрично, т. е. мир видится с точки зрения мировоззрения исключительно собственной культуры, либо, наоборот, направлена на сложность и противоречивость разных культур (Bennett, 1986, 1993; Srinivas, 1995), с одной стороны, а с другой – на сходства, лежащие под поверхностными различиями. В качестве примеров конструкторов, используемых в таких моделях, можно привести этноцентрическое или этнорелятивистское мировоззрение (Bennett 1986, 1993; Hammer, 2011), космополитические взгляды (Bird et al. 2010, Javidan, Teagarden, 2011), установку на принятие категориальных различий (Bird et al., 2010). Одну из наиболее ярких моделей данного типа, модель развития межкультурной сензитивности Беннета, мы уже привели выше.

Модели МК, построенные на использовании концепции способностей, анализируют психологические характеристики, обеспечивающие эффективность в межкультурных взаимодействиях. В разных моделях это могут быть знания о другой культуре (Earley, Ang, 2003; Javidan, Teagarden, 2011; Redmond, Bunyi, 1993; Spitzberg, Cupach, 1984); культурный интеллект (Earley, Ang, 2003); лингвистические навыки (Imahori, Lanigan, 1989); социальная гибкость (Bird et al., 2010); коммуникативная адаптивность

(Gudykunst, 1993; Lloyd, Härtel, 2010); регуляция межкультурных контекстов для удовлетворения совместных интересов (Leung, Cheng, 2014).

Смешанных моделей достаточно много. Приведем пример модели компетентности глобального лидерства, созданной на основании синтеза теорий глобального лидерства и исследований экспатриантов (Bird et al., 2010). Модель включает 17 измерений, объединенных на нескольких уровнях и организованных в виде пирамиды, в основании которой лежат знания (рис. 10). Эта модель включает личностные черты (например, любознательность), установки и мировоззрение (например, космополитизм), и способности (например, социальная гибкость (social flexibility) в построении отношений).

Рис. 10. Модель компетентности глобального лидера.

В целом, такая классификация предоставляет возможность для анализа той феноменологии, которая стоит за той или иной моделью или концепцией. Тем не менее, отнесение различных характеристик, составляющих модели МК, к одной из трех предложенных категорий не всегда представляется столь однозначным.

Солдатова Г.У. и Шайгерова Л.А. предложили классификацию теорий и подходов межкультурной коммуникации, которые лежат в основе моделей МК (Солдатова, Шайгерова, 2015). На основании существующих классификаций и собственного анализа порядка сорока подходов и концепций были выделены следующие теоретические основания, которые используются для построения моделей МК: 1) теории идентичности, 2)

теории адаптации, 3) теории, фокусирующиеся на результате взаимодействия, 4) теории, направленные на осмысление процесса развития МК и 5) интегральные теории.

Теории идентичности опираются на этнокультурную идентичность как ключевой элемент межкультурной коммуникации и нередко используют концепцию И. Гофмана о «face-work» – о необходимости создания и поддержания «лица», «фасада», имиджа как средства обеспечения положительного впечатления о себе у других людей или коррекцию неблагоприятного впечатления в процессе коммуникативного взаимодействия (Goffman, 1955). Данный подход отражен в модели «сохранения лица» (Ting-Toomey, Kugori, 1998), которую мы рассмотрим подробнее ниже; реляционной модели межкультурной коммуникативной компетентности (Imahori, Lanigan, 1989), в дальнейшем концептуализированной в теории управления идентичностью У. Кьюпача и Т. Имахори (Cupach, Imahori, 1993); модели МК М.Д. Колиер (Collier, 1989), опирающейся на теорию культурной идентичности (Collier, Thomas, 1988) и определяющей в качестве основного критерия МК соответствие между культурной идентичностью, приписываемой индивиду и признаваемой им.

Компетентностная модель «сохранения лица» разработана для тренинговых программ, направленных на разрешение ситуаций межкультурного конфликта (Ting-Toomey, Kugori, 1998). Она базируется на разделении культур по распространенному в классификациях культур измерению коллективизм-индивидуализм и рассматривает взаимодействие двух типов идентичности, соответствующих данным измерениям. Компетентность достигается путем интеграции знаний, осознанности и навыков общения, относящихся как к управлению собственным лицом, так и поддержанию лица партнера в межкультурной коммуникации (рис. 11). Критерием успешности межкультурного взаимодействия выступает сохранение лица его участников.

Рис. 11. Модель «сохранения лица» в межкультурном взаимодействии.

Теории адаптации сосредотачиваются на детерминантах адаптации индивида в инокультурной среде, полагая, что МК обеспечивает успешность данного процесса. Примером такого подхода может стать теория культурного научения К. Уард (Ward, Wilson, 2014). МК – ключевой индикатор социокультурной адаптации, выражающийся в способности успешно включаться в новое культурное окружение и осуществлять в нем повседневную активность. При этом речь идет о социокультурной адаптации, связанной с поведенческой сферой, а не психологической, определяющей эмоциональную сферу и общее психологическое благополучие в процессе перехода из одной культуры в другую. В своей модели К. Уард выделяет личностные и ситуационные факторы, последним из которых уделяется особое внимание (рис. 12). Длительность пребывания за рубежом, предыдущий опыт межкультурного взаимодействия, прохождение кросскультурных тренингов, наличие межкультурных контактов способствует процессу культурного научения, то есть вхождения в культуру. Результатом такого научения является выработка культурно приемлемых и эффективных навыков и моделей поведения.

Рис. 12. Модель межкультурной компетентности К. Уард (адаптация визуализации Ward, 2016)

Теории, направленные на осмысление процесса *развития межкультурной компетентности*, соотносятся с динамическими моделями МК, которые мы рассмотрели выше.

В качестве моделей МК, основанных на теориях, фокусирующиеся *на результате взаимодействия*, можно привести модель У. Гудикунста (Gudykunst, 2004). В основе модели лежит теория управления тревожностью и неопределенностью, которые выступают «глубинными» факторы, основой межкультурной адаптации и эффективности в межкультурной коммуникации (рис. 13). В модели также выделяются «поверхностные» факторы, к которым автор относит Я-концепцию, мотивацию на межкультурное взаимодействие, социальную категоризацию, реакцию на представителей иной культуры, ситуационные процессы и взаимоотношения с представителями других культур. Осознанность связывает поверхностные и глубинные факторы, определяя успешность межкультурной коммуникации. Осуществление взаимодействия в новой культурной среде может провоцировать переживания тревожности и неопределенности, что детерминирует возникновение негативных ожиданий, этноцентристских установок, сложности в интерпретации сообщений и прогнозировании поведения представителя другой культуры. Осознанность выступает инструментом

управления тревожностью и неопределенностью, обеспечивая достижение оптимального уровня их переживания и осуществление эффективной коммуникации. Автор также подчеркивает нелинейность развития МК, выражающуюся в возможности регресса или отсутствия существенного роста даже в условиях направленного воздействия на ее развитие, например в формате тренингов или обучающих программ.

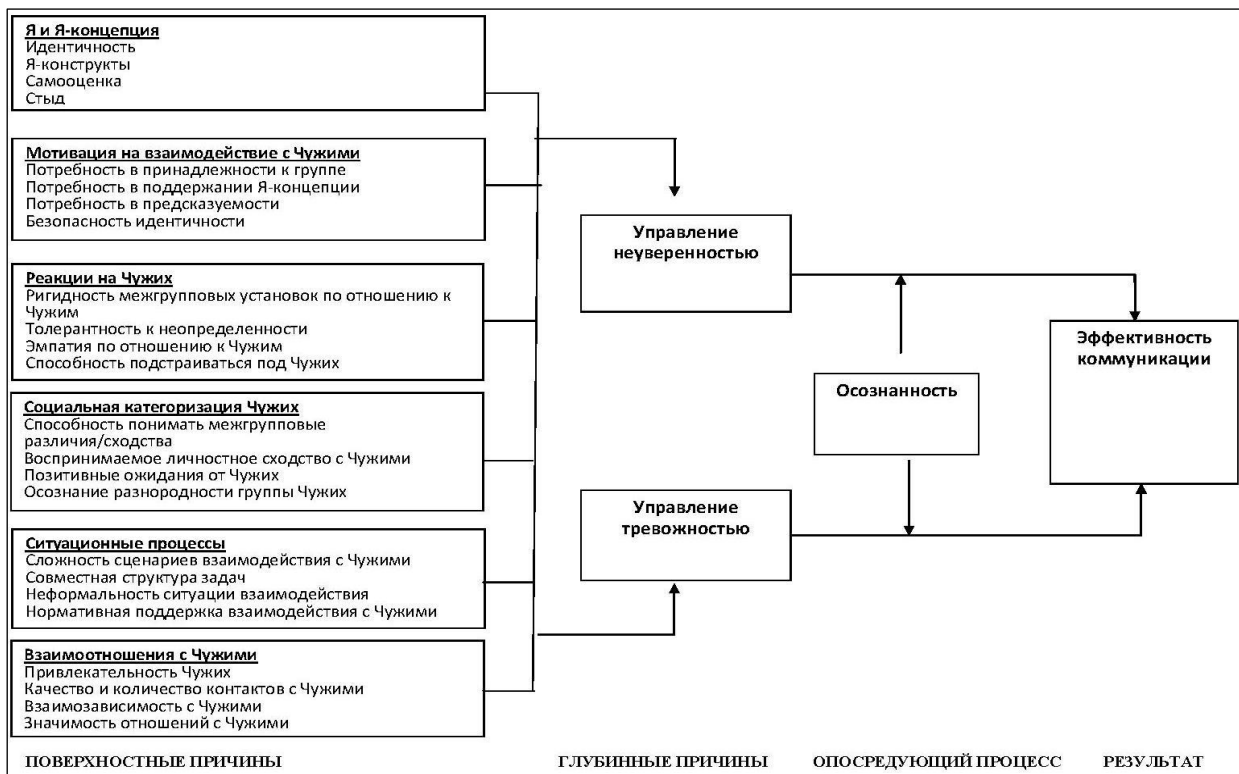

Рис. 13. Модель управления тревогой/неопределенностью У. Гудикунста (адаптация визуализации, Gudykunst, 1998)

В качестве примера моделей, построенных на *интегральной теории*, можно привести интегративную модель МК Б. Шпицберга (Spitzberg, 1997). В данной модели основными критериями МК выступают приемлемость, выражающаяся в соответствии ожиданий взаимодействующих сторон друг от друга, и эффективность, проявляющаяся в совпадении поставленных целей с результатами межкультурного взаимодействия (рис. 14).

Автор предлагает три уровня анализа МК: индивидуальная система, эпизодическая система и система взаимоотношений. Индивидуальная система включает в себя те характеристики, обладание которыми облегчают индивиду конкурентное взаимодействие в межкультурном пространстве.

Эпизодическая система включает в себя те особенности индивида, вступающего в межкультурное взаимодействие, которые способствуют формированию его восприятия со стороны партнера как компетентного в конкретном эпизоде взаимодействия. Система взаимоотношений включает в себя те компоненты, которые помогают человеку быть успешным на протяжении всего периода взаимоотношений, а не только в отдельном эпизоде взаимодействия. Каждый последующий системный уровень включает в себя логику и предикторы предыдущего. Модель изображает процесс диадического межкультурного взаимодействия и включает мотивацию двух индивидов к общению, знания особенностей процесса коммуникации в соответствующем межкультурном контексте и навыки для реализации мотивации и знаний.

Автор модели также основывается на принципе нелинейности развития компетентности. Так, могут случаться коммуникативные неудачи, связанные со слишком высокими показателями одного из компонентов.

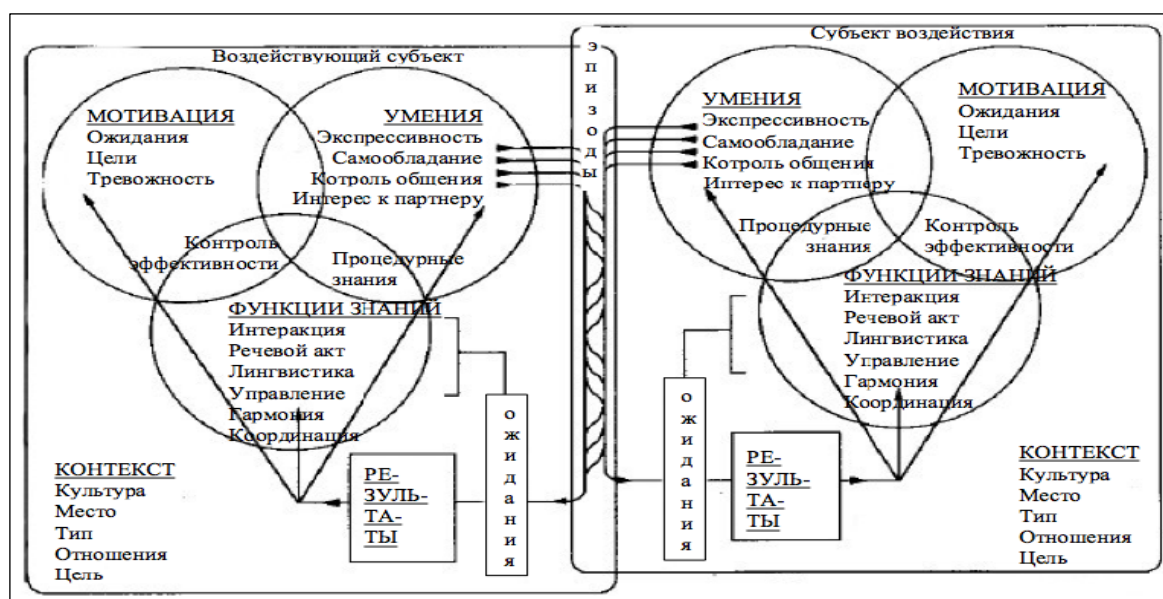

Рис. 14. Интегративная модель межкультурной компетентности Б. Шпицберга (визуализация Н.В. Черняк, 2016, с. 176)

Таким образом, в рамках работы рассмотрено три подхода к классификации моделей МК на основании: а) отношений между компонентами модели (композиционные, коориентационные, динамические, адаптационные, каузальные модели); б) личностных феноменов,

определяющих содержание ключевых компонентов модели (личностные черты, установки и мировоззрение, способности, смешанные модели); в) теорий, лежащих в обосновании модели (теории идентичности; теории адаптации; теории, фокусирующиеся на результате взаимодействия; теории, направленные на осмысление процесса развития МК; интегральные теории). Рассмотренные выше подходы к классификации МК систематизируют пространство исследований данной области на основании разных принципов, позволяя взглянуть на проблему через различные оптики. Как культурное разнообразие, которое само по себе может требовать отражения своей сложности в параллельной разработке альтернативных моделей, так и принцип постмодернистского разнообразия в научном дискурсе объясняет множество моделей МК.

1.3. Культурный интеллект в структуре межкультурной компетентности личности¹

В данном параграфе мы хотим подробнее рассмотреть феномен культурного интеллекта (КИ), не так давно появившегося в отечественном научном дискурсе (Беловол, Шкварило, Хворова, 2012; Солдатова, Чигарькова, 2015; Чигарькова, Солдатова, 2018). В этой части работы будут представлены теоретико-методологические истоки концепции, ее содержание и развитие, проанализированы существующие эмпирические исследования в разных отраслях психологии, описан методический инструментарий для его изучения и сделаны выводы о его месте в структуре МК.

Работы Чарльза Спирмена и Луиса Терстоуна первой половины 20 века заложили основы концептуализации последующих моделей интеллекта. Для исследователей неакадемических видов интеллекта особый интерес представляют также теория множественного интеллекта Ховарда Гарднера (Gardner, 1983) и концепция интеллекта Роберта Стернберга (Sternberg, 1987). Х. Гарднер понимает интеллект как «потенциал, наличие которого позволяет индивидууму использовать формы мышления, адекватные конкретным типам контекста» (Kornhaber, Gardner, 1991, p. 155). В свою очередь, Р. Стернберг определяет интеллект как способность формировать и выбирать окружающие условия, а также адаптироваться к ним для достижения собственных целей при учете общественного или культурного контекста (Стернберг и др., 2002). Как мы видим, в обоих подходах уделяется внимание адаптации индивида к соответствующему контексту. Разнообразие контекстов определяет

---

¹ При подготовке данного раздела диссертации использованы публикации, выполненные в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные положения и выводы исследования: Чигарькова С.В. Культурный интеллект как социально-психологический феномен: обзор концепции / С.В. Чигарькова, Г.У. Солдатова // Национальный психологический журнал. — 2018. — № 4. — С. 27–38. (1.1/ 0.6 п.л.); Чигарькова С. В. Личностные особенности как психологические предикторы успешности межкультурного взаимодействия организации / Г.У. Солдатова, С.В Чигарькова // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии: Материалы пятой международной научной конференции 27-28 мая 2016 г. — Т. 2. — Издательство Смоленского гуманитарного университета Смоленск, 2016. — С. 191–194. (0.3/0.15 п.л.); Чигарькова С. В. Концепция культурного интеллекта и основные направления ее исследования / Г.У. Солдатова, С.В Чигарькова // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции: В 5 томах: Том 2 / Отв. ред. Д. Б. Богоявленская — Т. 2. — Когито-Центр Москва, 2015. — С. 421–423. (0.2/0.1 п.л.).

существование различных видов интеллекта, которые объясняют особенности адаптации в каждом из них и не конкурируют, а взаимодополняют друг друга. Р. Стернберг предлагает рассматривать интеллект не только как адаптивную способность, но и как успешность человека – «интеллект успеха» при столкновении с разнообразными контекстами (Стернберг, 1996). Разные виды интеллекта обеспечивают успешность в различных контекстах: IQ – в академической среде, социальный интеллект – в социальном взаимодействии (Cantor, Kihlstrom, 1987; Ford, Maher, 1998; Ушаков, 2004); эмоциональный интеллект – в эмоциональной сфере (Goleman, 1995; Salovey, Mayer, 1990), практический интеллект – в решении практических задач, находящихся за рамками академического обучения (Стернберг и др., 2002); личностный интеллект – в процессе познания себя и других (Mayer, 2014).

На стыке теорий Х. Гарднера и Р. Стернберга рождается чрезвычайно актуальная для современного мира глобальных процессов тема – «культура и интеллект», которая привлекает внимание к собственно культурному контексту. Неслучайно, что именно эти теории легли в основу выделения такого вида интеллекта как культурный. Культурный интеллект эффективен в специфическом контексте – межкультурных отношений, значение которых возрастает в мире культурного разнообразия.

1.3.1. Концепция культурного интеллекта и ее развитие

Сама концепция культурного интеллекта родилась и развивалась в непосредственном межкультурном сотрудничестве американских и сингапурских специалистов. Впервые научному сообществу концепцию представили в 2003 году американский профессор Кристофер Эрли и профессор Сингапурского технологического университета Сун Анг (Earley, Ang, 2003). Под культурным интеллектом (cultural intelligence – КИ) авторы понимают способность индивида эффективно функционировать и взаимодействовать в ситуациях, характеризующихся культурным многообразием. С опорой на известные концепции интеллекта (Askerman,

1996; Gardner, 1993; Sternberg, 1987) культурный интеллект рассматривается как многомерное образование, не ограниченное исключительно когнитивной сферой. Основываясь на компонентной теории интеллекта (Sternberg, Detterman, 1986), К. Эрли и С. Анг предложили четырехфакторную модель культурного интеллекта. Метакогнитивный компонент КИ отражает способность выстраивать стратегии, которые люди используют для приобретения и понимания культурного знания. Когнитивный компонент КИ – это общие и контекстные знания о культуре. Мотивационный компонент КИ представляет желание и намерение индивида направлять внимание и ресурсы на культурный контекст. Поведенческий компонент КИ рассматривается как способность осуществлять соответствующие вербальные и невербальные действия при коммуникации с людьми из разных культур. Для выявления уровня культурного интеллекта Сун Анг и его коллеги разработали и апробировали «Шкалу культурного интеллекта», субшкалы которой соответствуют четырем перечисленным выше компонентам КИ (Ang et al., 2007). Появление данной концепции и инструмента измерения культурного интеллекта на фоне дефицита жизнеспособных теоретических и методических разработок в области межкультурной коммуникации привели к бурному росту исследований данного феномена.

В дальнейшем интерес к феномену культурного интеллекта стимулировал концептуальную доработку соответствующей модели через дифференциацию компонентов культурного интеллекта. Так, опираясь на актуальные исследования интеллекта и межкультурной коммуникации, профессор Мичиганского университета и ответственная за стратегическое развитие Центра Культурного Интеллекта Линн Ван Дайн в сотрудничестве с С. Анг и другими коллегами развили и детализировали модель культурного интеллекта (Van Dyne et al., 2012).

На основании исследований по метапознанию (O'Neil, Abedi, 1996; Pintrich, DeGroot, 1990) в структуре *метакогнитивного компонента* КИ были выделены:

- *планирование* – предварительная подготовка стратегий взаимодействия, формулирование долгосрочных и краткосрочных целей, соотнесение собственных ожиданий и возможных исходов коммуникации в ситуации межкультурного разнообразия;
- *осознание* – процесс осмысления в непосредственном процессе взаимодействия с другой культурой а) особенностей собственных психических процессов и своего поведения и поведения оппонента, опосредованных принадлежностью к определенной культуре; б) особенностей психических процессов и поведения представителей другой культуры; в) специфичности межкультурной ситуации общения;
- *проверка* – сравнение и анализ ожиданий и реального межкультурного взаимодействия, соответствующая корректировка представлений и интерпретаций на основании полученного опыта.

Таким образом, человек с высоким уровнем метакогнитивного компонента КИ рефлексирует по поводу собственной культурной принадлежности и осознанно строит предположения и прогнозы ситуации межкультурного взаимодействия. Он заранее планирует ход встречи, размышляет о том, что происходит (или не происходит) в ситуации межкультурного взаимодействия, корректирует свою ментальную модель другой культуры, основываясь на полученном опыте.

На основании принятых в психологической антропологии и кросс-культурной психологии разделения элементов культуры на универсальные и уникальные внутри *когнитивного компонента КИ* были выделены общие и контекстные специфические знания (Cushner, Brislin, 1996; Murdock, 1987; Triandis, 1994). Под *общими знаниями* подразумевается знания универсальных элементов культурной среды: экономика, право, политика, религия, ценности, язык. Понимание общих элементов, свойственных любой

культуре, даёт возможность организовывать свои знания в относительно целостные модели других культур, проводить сравнение на основании данных универсалий, выделять специфическое и универсальное в культуре. *Контекстные знания* определяют знания об особенностях проявлений универсалий в конкретной сфере культуры. Например, при рассмотрении организационной сферы контекстные знания могут содержать данные об особенностях ведения переговоров, совершения сделок, организации управления сотрудниками и процессами и т.д. Специфичность культурной сферы может также задаваться особенностями возраста, пола, образования, социального статуса, профессии и т.д. Таким образом, владение знаниями общих и частных элементов культуры (общие знания) способствует более глубокому пониманию того, как люди думают и ведут себя в определенных сферах культурной среды (контекстные знания). Человек с высоким уровнем когнитивного компонента КИ с помощью общих знаний понимает различия и сходства культур и уже на основании этого организует контекстные знания для эффективного взаимодействия в рамках конкретной сферы.

На базе теорий мотивации были определены основные составляющие *мотивационного компонента КИ*: внутренняя и внешняя мотивация (Deci, Ryan, 1985; Ryan, Deci, 2000), самоэффективность в адаптации (Bandura, 2002). *Внутренняя мотивация* определяется как внутренний интерес к межкультурному разнообразию, основанный на получении удовольствия от знакомства и взаимодействия с новыми культурами, общения и совместной деятельности с людьми отличных культурных традиций. *Внешняя мотивация* определяется как заинтересованность в возможных материальных и личных преимуществах, связанных с получением межкультурного опыта (Ryan, Deci, 2000). Это включает в себя расширение возможностей трудоустройства, продвижения по службе, повышения личного статуса или материального достатка на основании межкультурного опыта работы. Действительно, организации выстраивают целую систему стимулирования для эффективной работы в межкультурном коллективе или адаптации к новой культуре.

Самоэффективность в адаптации определяется как уверенность в способности выполнить конкретную задачу, совладать со стрессами и приспособиться к жизни и работе в различных культурных контекстах (Bandura, 2002; Eccles, Wigfield, 2002). Человека с высоким показателем мотивационного компонента КИ привлекают ситуации межкультурного взаимодействия, он ценит те преимущества, которые он приобретает благодаря межкультурному опыту, и уверен, что сможет успешно справиться с культурными различиями.

Наконец, на основании теорий межкультурной коммуникации (Gudykunst, Ting-Toomey, Chua, 1988; Hall, 1959, 1976; Spencer-Oatey, 2008; Trompenaars, Hampden-Turner, 1998) ключевыми измерениями *поведенческого компонента КИ* стали гибкость в вербальном и невербальном поведении, а также в речевых актах. *Вербальное поведение* определяется через показатель гибкости вокализации речи, способности варьирования темпа, громкости, эмоциональности и тональности речи, использовании пауз и молчания в соответствии с принятыми в культуре нормами. Хотелось бы отметить, что, на наш взгляд, данный субкомпонент скорее относится к паравербальному поведению. *Невербальное поведение* заключается в способности гибко использовать жесты, мимику, позы и язык тела, межличностную дистанцию, зрительный контакт и свой внешний вид для успешной коммуникации с представителями других культур. *Речевые акты* определяются на основе способности к передаче определенных устойчивых универсальных сообщений в соответствии с культурными стандартами. К таким сообщениям относятся просьбы, приглашения, извинения, благодарность, несогласие, отказы и т.д. Важность данного субкомпонента обосновывается как значимыми различиями в поведенческих стилях передачи таких сообщений в культурах, так и неизбежностью их использования в любой коммуникации.

Расширение интереса к феномену культурного интеллекта можно продемонстрировать с помощью роста количества статей, опубликованных за

последние 15 лет по данным реферативной базы Scopus, так, например, если в 2003 г. была опубликована одна статья на эту тему, то к 2017 году насчитывается уже более 700 публикаций. Широка и география исследования культурного интеллекта: США, Южная Корея, Япония, Швейцария, Турция, Россия, Новая Зеландия, Сингапур, Малайзия и др. Основными центрами изучения культурного интеллекта, а также его оценки и развития в рамках различных тренинговых программ, являются Центр Культурного Интеллекта (Cultural Intelligence Center) в США, возглавляемый специалистом по межкультурным коммуникациям и глобальному лидерству Дэвидом Ливермор (David Livermore), и Центр лидерства и культурного интеллекта в Наньянской Школе Бизнеса в Сингапуре, возглавляемый профессором Сун Анг.

Концепция культурного интеллекта прошла через череду эмпирических исследований, направленных на подтверждение самостоятельности конструкта культурного интеллекта, его отношений с другими видами интеллекта и личностными чертами, и завоевала большую популярность в области организационной психологии (Чигарькова, 2016). Мы остановимся на основных направлениях исследований культурного интеллекта.

1.3.2. Эмпирические исследования культурного интеллекта в различных сферах психологии

Важным этапом, последовавшим за концептуальной разработкой модели культурного интеллекта, стала попытка эмпирически доказать его самостоятельный статус как психологического феномена. В связи с этим встал вопрос о том, чем он отличается от других видов интеллекта, фокусирующихся на решении специфических задач, – в первую очередь, от IQ, фокусирующегося на общей способности к обучению и выполнению заданий и установок, эмоционального интеллекта (EQ) – на способности воспринимать и регулировать эмоции, и социального интеллекта – на способности правильно понимать поведение других людей. Анг с коллегами

провели исследование в США и Сингапуре и представили первые доказательства самостоятельности КИ относительно (а) эмоционального интеллекта (ЭИ) и (б) общих когнитивных способностей, оцениваемых по Краткому ориентировочному тесту Вандерлика (Ang et al., 2007).

Последующие исследования, в которых использовались различные способы измерения ЭИ и IQ и данные из разных культур, подтвердили эти результаты. В исследовании, проведенном в Швейцарии, Т. Рокштул в сотрудничестве с С. Анг и коллегами оценивали КИ и ЭИ, общие когнитивные способности и эффективность лидерства в различных контекстах (Rockstuhl et al., 2011). Результаты исследования показали, что все три вида интеллекта уникальны и имеют различные связи с лидерством во внутригосударственных и международных ситуациях. В исследовании Т. Мун, проведенном в Южной Корее, на основании анализа данных, полученных на основе методик оценки КИ и эмоционального интеллекта, было показано, что оба вида интеллекта значительно различаются (Moon, 2010). В исследовании Ф. Шахин с коллегами, проведенном в Турции, также подтвердилась отличие КИ от эмоционального интеллекта (Sahin et al., 2013). Ким с коллегами провели на выборке в США исследование с использованием как методик самооценки КИ и эмоционального интеллекта, так и оценки наблюдателей, и подтвердили дискриминантную валидность обоих видов интеллекта при обеих формах оценки (Kim et al., 2008). В дальнейшем анализ результатов показал, что самооценка КИ более сильно коррелирует с оценками наблюдателей КИ, чем с оценками наблюдателей ЭИ. Эти данные подтверждают конвергентную и дивергентную валидность КИ на основании применения различных методов его оценки. В другом исследовании К. Краун оценивал обоснованность различий КИ, эмоционального и социального интеллекта и обнаружил, что все три типа интеллекта являются самостоятельными конструктами и взаимосвязаны друг с другом (Crowne, 2009).

Таким образом, в целом ряде исследований однозначно подтверждается, что уже известные виды интеллекта не учитывают способности, необходимой индивидам для успешного функционирования в ситуациях культурного разнообразия, а феномен культурного интеллекта может претендовать на самостоятельность и уникальность.

Другой задачей стало сравнение культурного интеллекта с существующими моделями МК. Авторы концепции сравнили культурный интеллект с другими 11 методиками, направленными на измерение МК, такими как Cross-Cultural Adaptability Inventory (Kelley, Meyers, 1995) Cultural Shock Inventory (Reddin, 1994), Intercultural Adjustment Potential Scale (Matsumoto et al., 2001), Intercultural Development Inventory (Hammer, Bennet, 1998) и др. (Ang, Van Dyne, 2008). Было отмечено, что 1) рассмотренные методики в разных вариациях включают метакогнитивные, когнитивные, поведенческие и мотивационные компоненты, но ни одна из них не включает все четыре. 2) ни одна из концепций не базируется на теории многомерного интеллекта, 3) отсутствие согласованной теоретической базы зачастую приводит к смешиванию различных индивидуальных характеристик в одной шкале: способностей, личностных черт, установок и ценностей, что ставит под сомнение их конструктивную валидность. Таким образом, авторы подчеркивают, что культурный интеллект основывается на ясной теоретической базе и единой методологии и предлагает «чистую» интегративную модель МК. В более поздних аналитических исследованиях моделей МК культурный интеллект признается одной из наиболее эффективных (Bücker, Routsma, 2010; Leung et al. 2014, Matsumoto, Hwang, 2013).

Одно из популярных исследовательских направлений, осуществляемых в русле этой пока еще молодой концепции, – изучение отношений между КИ и психологическими особенностями личности (Чигарькова, 2017а). Исследователи предположили, что такая черта как открытость опыту – тенденция к креативности, воображению и предприимчивости, должна быть

наиболее сильно связана с КИ, поскольку оба включают элементы новизны ситуации. В подтверждение данной гипотезы исследовались связи между показателями Большой пятерки и КИ (Ang et al., 2006). Было выявлено, что открытость опыту положительно связана со всеми компонентами КИ и является наиболее выраженным его предиктором. Эти данные подтверждались и в дальнейших исследованиях (Солдатова и др., 2018; Engle, Nehrt, 2012; Oolders et al., 2008; Sahin et al., 2013; Ward et al., 2009).

В ряде исследований было продемонстрировано, что КИ по сравнению с личностными чертами Большой пятерки обладает большей предиктивной силой в объяснении успешности принятия решений, выполнения задач, адаптации и лидерства в культурно обусловленном контексте (Ang et al., 2007; Pan, Higgins, 2005; Kim et al., 2008; Rockstuhl et al., 2011; 2013). В исследовании экспатов в Японии было выявлено, что мотивационный компонент КИ объясняет кросскультурную адаптацию лучше, чем показатели Большой пятерки. Другими словами, в успешной адаптации к инокультурной среде более важным оказывается культурный интеллект, в первую очередь, его мотивационный компонент, направленный на понимание и принятие нового культурного контекста, чем личностные характеристики (Huff et al., 2014).

Отдельным направлением исследований КИ является изучение его как опосредствующей переменной в контексте межкультурного взаимодействия. Уорд и Фишер в исследовании, проведенном в Новой Зеландии, обнаружили, что высокий уровень КИ усиливает влияние личностных качеств, таких как культурная эмпатия, непредвзятость и гибкость на успешность общей адаптации студентов, приехавших учиться по международному обмену (Ward, Fischer, 2008). Также психологами из разных стран получены данные, что высокий уровень КИ усиливает влияние такой личностной черты как открытость опыту на ряд показателей: на самооценку производительности труда у экспатов в Малайзии (Sri Ramalu et al., 2012); на эффективность адаптации у студентов по обмену в Новой Зеландии (Oolders et al., 2008); на

эффективность решения заданий среди канадских студентов (Duff et al., 2012). В исследовании студентов школ бизнеса, обучающихся за рубежом, было обнаружено, что мотивационный компонент КИ опосредует связь между самооценкой, выраженностью этноцентризма и субъективной успешностью обучения за рубежом (Barbuto et al. 2015). Культурный интеллект также оказывается медиатором между эффектом кросскультурного тренинга и успешностью межкультурной адаптацией (Moon et al., 2012), Культурный интеллект опосредует влияние предшествующего опыта межкультурных контактов на лидерский потенциал на международном уровне (Kim, Van Dyne, 2012).

Культурный интеллект также исследуется в роли модератора, регулирующего эффективность как адаптации к различиям в новых культурных средах, так и вмешательств, направленных на повышение успешности межкультурного взаимодействия. В исследовании американских менеджеров, работающих на экспорт, было выявлено, что менеджеры с высоким уровнем мотивационного компонента КИ воспринимают различия между внутренним и внешним рынками и адаптируют маркетинговую стратегию в соответствии с культурными особенностями, а менеджеры с высоким метакогнитивным КИ также адаптируют маркетинговые стратегии и реализуют её, повышая успешность экспорта (Magnusson et al., 2013). В другом исследовании показано, что члены мультикультурной команды с высоким уровнем мотивационного компонента КИ прикладывают больше совместных усилий для разрешения проблемы, если предполагают, что проблемы связаны с различиями в менталитете среди членов команды (Moon, 2013). В исследовании иммигрантов продемонстрировано, что новички с более высоким КИ использовали более широкий спектр стратегий адаптации на новом рабочем месте при столкновении с более сложной и разнообразной организационной структурой (Malik et al. 2014). П.-Ч. Ву и С. Х. Анг показывают, что практика оказания поддержки экспатриантам оказывает более слабое влияние на культурную адаптацию экспатов с высоким уровнем

КИ (Wu, Ang, 2011). Экспериментальное исследование ситуации межкультурных споров показывает, что тактика манипулятивного урегулирования конфликта была эффективной для спорщиков с низким мотивационным КИ, но не для участников с высоким мотивационным КИ (Salmon et al. 2013).

В связи с возрастающим спросом на специальные способности, знания и навыки для работы в межкультурных компаниях концепция культурного интеллекта оказалась особенно востребована в контексте исследований в области психологии управления и организационной психологии. В основном такие исследования связаны с повышением производительности труда, адаптацией в межкультурной среде, успешностью и эффективностью в профессиональном взаимодействии на разных уровнях в поликультурных организациях.

Эмпирические результаты демонстрируют, что уровень КИ положительно предсказывает производительность трудовой деятельности в поликультурных коллективах и выступает предиктором успешности культурной адаптации (Abdul, Budhwar, 2013; Chen et al., 2010; Huff, 2013; Lin et al., 2012; Koo et al., 2012; MacNab, Reginald, 2012; Moon et al., 2012; Sri Ramalu et al., 2012; Templer et al., 2006; Ward, Fischer, 2008; Ward et al., 2009; Ward et al., 2011; Wu, Ang, 2011). В одном из первых исследований на эту тему Анг с коллегами выявили, что иностранные специалисты с высоким уровнем метакогнитивного и поведенческого компонента КИ оцениваются их руководителями как более эффективные в выполнении ролевых ожиданий, поскольку они демонстрируют большую готовность к выстраиванию стратегий в межкультурном контексте (метакогнитивный компонент КИ), способны соответственно лучше адаптироваться в данном контексте (поведенческий компонент КИ) и, в целом, лучше проявляют себя в понимании и принятии культурно обусловленных ожиданий от их должности (Ang, et al., 2007). В другой работе, связанной с показателями производительности в сфере торговли недвижимостью, Чен с коллегами

продемонстрировали положительную связь между показателем мотивационного компонента КИ и количеством продаж, совершенных агентами по сделкам купли-продажи с участием клиента, представляющего другую культуру (Chen et al., 2011).

КИ также связан с другими психологическими феноменами, изучаемыми в контексте поликультурных корпораций. Например, чем выше уровень КИ, тем в целом ниже в профессиональной среде показатели эмоционального выгорания (Tay et al., 2008), культурного шока (Chen et al., 2011) и намерения уйти с работы (Huff, 2013; Wu, Ang, 2011). Также исследователями была выявлена положительная и устойчивая во времени связь между метакогнитивным и когнитивным компонентами КИ и эмоциональным доверием в командах с участием представителей различных культур, в отличие от команд с гомогенным культурным составом (Rockstuhl, Ng, 2008, Rockstuhl et al., 2010). Позже в исследовании Чуа и коллег эти результаты были подтверждены, а также выявлено, что высокий уровень метакогнитивного КИ предсказывает более высокую интенсивность обмена новыми идеями для поликультурных команд, в отличие от культурно гомогенных, а эмоциональное доверие, в свою очередь, является опосредующей переменной между метакогнитивным компонентом КИ и обменом новыми идеями. Так, выявлено, что чем более высокий уровень доверия в поликультурном коллективе, тем успешнее выстраиваются стратегии взаимодействия между представителями разных культур и легче происходит обмен знаниями (Chua et al., 2012).

Еще одной сферой использования концепции КИ стало изучение темы лидерства. Несколько качественных исследований, основывавшихся на глубинных интервью с лидерами международных коммерческих организаций, подтвердили важность оптимального уровня КИ для лидеров, управляющих сотрудниками с различными культурными традициями (Dean, 2007; Deng, Gibson, 2008). В исследовании высшего звена руководителей-экспатов (Elenkov, Manev, 2009) было обнаружено, что в процессе внедрения

инноваций в организации лидеры с высоким КИ осуществляют более эффективное руководство. В исследовании Гровеса и Фейерхерма было показано, что у лидера уровень КИ играет важную роль в командах с большим культурным разнообразием при организации деятельности, и не имеет особого значения в управлении командами с меньшей культурной разнородностью (Groves, Feyerherm, 2011).

В исследовании особенностей лидерства швейцарских высокопоставленных военных была определена роль различных видов интеллекта (IQ, ЭИ и КИ) в успешности руководящей роли во внутригосударственных и международных ситуациях (Rockstuhl et al., 2011). Результаты показали, что уровень IQ предсказывает эффективность лидерства как во внутригосударственных, так и международных ситуациях; эмоциональный интеллект был значимым предиктором успешности руководства во внутригосударственных ситуациях, в то время как КИ – в ситуациях, связанных с международным взаимодействием. Таким образом, результаты этого исследования позволяют сделать вывод о том, что общий уровень интеллекта способствует осуществлению лидерства в любых ситуациях, в то время как эмоциональный интеллект определяет успешность в внутрикультурных ситуациях, а культурный интеллект обеспечивает успешность лидера именно в ситуациях, происходящих на пересечении различных культурных миров.

Исследование стенограмм межкультурных переговоров между представителями Восточной Азии и Америки показало, что участники переговоров с высоким КИ продемонстрировали более интегративную стратегию в вопросах управления, учитывающие интересы обеих сторон (Imai, Gelfand, 2010). Такое поведение, в свою очередь, положительно предсказывает возможность заключения взаимовыгодной сделки для обеих сторон переговоров. Схожие данные о связи интегративной стратегии ведения переговоров с высоким уровнем культурного интеллекта получены в недавнем исследовании переговорных стратегий на российской выборке

(Гасимов, 2019). В работе Энгле с коллегами было продемонстрировано, что высокий уровень метакогнитивного КИ положительно связан с более высокой эффективностью в решении проблем в ходе кросскультурных переговоров (Engle, Crowne, 2013). В исследовании студентов MBA из разных стран Гровес с коллегами пришли к выводу, что высокий уровень КИ расширяет возможности переговорщиков в осуществлении стратегии сотрудничества и ведения переговоров, основанных на интересах, а также в переговорном процессе, требующем гибкости и адаптации к меняющимся условиям (Groves et al., 2015).

Также велись исследования по изучению связи КИ с культурным разнообразием социальных связей. В работках Фера и Куо, а также Гжертсена с коллегами выявлено, что чем выше уровень КИ у индивида, тем более культурно разнообразен его круг знакомых и друзей (Fehr, Kuo, 2008; Gjertsen et al., 2010).

Таким образом, результаты эмпирических исследований демонстрируют важную роль культурного интеллекта в межкультурном взаимодействии и его связи с различными феноменами.

1.3.3. Методы исследования культурного интеллекта

Развитие концепции культурного интеллекта и эмпирических исследований были бы невозможно без разработки специальных методик оценки КИ. Основываясь на четырехфакторной модели КИ авторы концепции Сун Анг и Линн Ван Дайн с коллегами (Ang and et., 2007) разработали «Шкалу культурного интеллекта» (Cultural Intelligence Scale – KIS), состоящую из 20 пунктов: четыре пункта, оценивающие метакогнитивный КИ; шесть пунктов для когнитивного КИ; пять пунктов для мотивационного КИ, и пять пунктов для поведенческого КИ. Первые исследования по апробации и валидации KIS проводились в США и Сингапуре, общее число респондентов составило 1502 человека, из них 142 менеджера программы MBA (Ang et al., 2011; Ng, Van Dyne, Ang, 2012; Van Dyne, Ang, Koh, 2008). Данная методика продемонстрировала себя как

надежный и валидный диагностический инструмент. В России на базе РУДН была совершена попытка апробации данной методики (Беловол, Шкварило, Хворова, 2012).

В связи с дальнейшей концептуализацией феномена культурного интеллекта в 2012 году Линн Ван Дайн в сотрудничестве с Сун Анг и коллегами (Van Dyne et al., 2012) представили расширенную версию КИС (E-KIS), представляющую собой шкалу, состоящую из 37 пунктов и измеряющую субкомпоненты КИ. Даная методика также прошла необходимые психометрические процедуры и может использоваться для более детального анализа культурного интеллекта. Апробация расширенной методики была проведена на русскоязычной выборке в 1545 человек и доказала правомерность ее применения в исследованиях межкультурной коммуникации в русскоязычной среде (Солдатова, Чигарькова, Рассказова, 2018; Soldatova, Chigarkova, Rasskazova, 2017).

Другим подходом к измерению культурного интеллекта стало, наоборот, не дифференциация, а укрупнения компонентов. Так была предложена двухфакторная структура культурного интеллекта, состоящая из «интернализированных культурных знаний» и «эффективной культурной гибкости» (Bücker et al., 2015).

Несмотря на то, что в большинстве исследований используется методика КИС и полученные на ее основании данные являются надежными, перед исследователями встает задача по развитию дополнительных способов измерения КИ, основанных на различных методологиях оценки (Ang et al., 2011; Gelfand et al., 2008; Ng et al., 2012). Леунг с коллегами (Leung et al., 2014) выделили три основных подхода к измерению КИ: (1) методы, основанные на самоотчете, когда респонденты оценивают свои способности самостоятельно (например, стандартизированные шкалы, такие как КИС, E-KIS, или описания собственного поведения); (2) методы, основанные на оценке наблюдателей, где хорошо осведомленные наблюдатели сообщают о способностях индивида к осуществлению эффективного межкультурного

взаимодействия (например, отчеты наблюдателей, основанные на оценке супервизоров, коллег или подчиненных); и (3) методы измерения КИ, основанные на оценке поведения, где респонденты демонстрируют свои способности в стандартизированных тестах (например, тесты на принятие решения в определенных ситуациях или ассоциативные тесты). Все эти методы важны и могут дополнять друг друга, поскольку отражают разные грани КИ.

Рокштул с коллегами привлекла парадигма теста ситуационного принятия решения (ТСПР) (Motowidlo, Dunnette, Carter, 1990), и на его основе они разработали методику измерения КИ, основанную на оценке поведения в конкретной ситуации межкультурного взаимодействия (Rockstuhl et al., 2013, 2015). С помощью профессиональной съемочной группы и актеров были записаны отобранные экспертами типичные ситуации с открытым финалом, связанные с межкультурным взаимодействием. Респондентам предлагалось ответить, как бы они справились с данной ситуацией.

Прошедшие апробацию методики оценки КИ повысили «эмпирический потенциал» концепции, что сыграло важную роль в стимулировании множества исследований. Тем не менее, инструментарий по измерению КИ продолжает развиваться в различных плоскостях, расширяя возможности изучения данного феномена.

1.3.4. Культурный интеллект и межкультурная сензитивность как компоненты межкультурной компетентности личности

Интенсификация межкультурного взаимодействия, связанная с усилением глобальных процессов в мире, породила необходимость более глубокого понимания возможностей личности, обеспечивающих успешность в поликультурном пространстве. В ответ на этот запрос на стыке современных теорий интеллекта и психологических подходов к пониманию особенностей межкультурного взаимодействия родилась концепция

культурного интеллекта. Культурный интеллект можно определить как вид социального интеллекта, направленного на специфический социальный контекст, определяемый культурными особенностями. Если социальный интеллект направлен на решение задач, в большей степени, в рамках одной культуры, то культурный интеллект обеспечивает успешность индивида при взаимодействии на границе культур. В той мере, которой социальный интеллект является основой социальной компетентности (Социальная компетентность..., 2006), культурный интеллект представляется ключевой составляющей МК и имеет соответствующую структуру. Культурный интеллект включает когнитивный, метакогнитивный, мотивационный и поведенческий компоненты, охватывая основные уровни межличностного взаимодействия и обеспечивая интегративный подход в решении кросскультурных ситуаций, определяемых необходимостью совладания со сложностью, неопределенностью и разнообразием культур и адаптации к ним.

Современные исследования начинают уделять более пристальное внимание роли метакогнитивных процессов в различных областях (Знаков, 2017; Карпов, Скитяева, 2005; Холодная, 2007; O'Neil, Abedi, 1996; Pintrich, DeGroot, 1990) и выделение метакогнитивного компонента КИ выгодно отличает данную концепцию от других подходов, анализирующих успешность межкультурного взаимодействия только на когнитивном, мотивационном и поведенческом уровнях. Высокий уровень метакогнитивного компонента КИ предполагает способность исследовать свою собственную этнокультурную идентичность и соотносить ее с идентичностью представителя другой культуры, осознавать важность вклада этнокультурной идентичности в межкультурное взаимодействие, на основании этого создавать внутреннюю модель другой культуры, выстраивать стратегии межкультурного диалога и корректировать их на основании полученного опыта. Такой сложный процесс предполагает не только адаптацию к существующему культурному контексту, но и выход за

рамки актуальных адаптивных стратегий, подразумевающих определенную подстройку под другую культуру, конструирование некоего специфического культурного пространства, включающего и существующие элементы культур партнеров по коммуникации, и новые элементы, созданные в диалоге культур. Таким образом, межкультурное взаимодействие может стать своего рода пространством для творчества, порождающим новые смыслы. Оно выходит за рамки непосредственного выполнения некой ситуативной задачи и получения конкретного ожидаемого результата, не вписывающимся исключительно в контекст эффективности и приемлемости поведения со стороны участников межкультурной коммуникации, и существует не внутри отдельных культур, а на их границах. Подводя итоги, мы предлагаем рассматривать метакогнитивный компонент не только как способствующий выполнению функции актуальной адаптивной активности, но и как обеспечивающий неадаптивную активность личности при столкновении с межкультурным контекстом и учитывающий значимость диалогической составляющей межкультурной коммуникации.

Эффектность данной концепции и наличие методического инструментария привели к ее широкому использованию в рамках эмпирических исследований. Концепция культурного интеллекта была признана одной из наиболее перспективных доказательных моделей МК (Leung et al., 2014), а «Шкала культурного интеллекта» была выбрана как один из наиболее эффективных методов исследования МК (Matsumoto, Hwang, 2013;).

Эмпирические исследования КИ также демонстрируют его прогностическую силу в различных аспектах, связанных с эффективностью межкультурного взаимодействия. КИ тесно связан с личностными чертами, опосредуя их роль в различных процессах межкультурного взаимодействия, что также согласуется с исследованиями личностных предикторов МК. Особенную популярность культурный интеллект приобрел в исследованиях в области психологии управления и организационной психологии,

представители которых активно заинтересованы в изучении межкультурной компетентности с точки зрения ее роли в эффективности трудовой деятельности в различных аспектах. Выявлено, что КИ играет важную роль в продуктивности трудовой деятельности, успешности адаптации, особенностях лидерства, ведении переговоров в международных контекстах и богатстве социальных связей.

Культурный интеллект обладает динамическими свойствами и может развиваться в различных контекстах, что также соотносится с основными представлениями о межкультурной компетентности. Концепция CQ имеет высокую практическую направленность и актуализируется не только в эмпирических исследованиях и методических изысканиях, но и в разнообразных тренинговых и обучающих программах по повышению МК.

Таким образом, с одной стороны, культурный интеллект соответствует основным научным представлениям и требованиям, предъявляемым к моделям межкультурной компетентности, с другой – он сам может выступать основой МК, представляя четыре ее ключевых компонента. Однако культурный интеллект не включает аффективный компонент, связанный с переживанием культурных различий, и должен быть дополнен таким измерением как межкультурная сензитивность.

Межкультурная сензитивность выступает центральным или одним из основных компонентов в различных моделях МК (Логашенко, 2015) и является достаточно известным феноменом, поэтому мы остановимся на нем кратко. Исследователи определяют межкультурную сензитивность как 1) динамический процесс, в котором индивид способен развиваться в аффективной, когнитивной и поведенческой сфере от этноцентрической к этнорелятивистской позиции (Bennett, 1986); 2) способность индивида развивать эмоции к пониманию и оценке культурных различий (Chen, Starosta, 1996); 3) способность различать и переживать соответствующие культурные различия (Hammer, Bennett, Wiseman, 2003); 4) аффективный компонент МК, выражающийся в чувствительности индивида (эмпатии) к

культурным различиям, оценки их с точки зрения релятивизма, способности понимать и принимать множественность идей, ценностей и установок (Почебут, 2010); 5) комплексную способность индивида к распознаванию культурно обусловленных стимулов окружающей среды и оценке их влияния на межличностный контакт на бессознательном и сознательном уровнях (Логашенко, 2015). На наш взгляд, понимание межкультурной сензитивности должно включать готовность к восприятию и распознаванию культурных различий и способность к их принятию как нормы разнообразия. При этом принятие понимается как уважение к инаковости при необязательности уподобления другой культуре. Так, межкультурная сензитивность представляется механизмом распознавания и выработки вариативности. Восприятие различий и их принятие как центральное содержание межкультурной сензитивности является основой для эффективности межкультурного взаимодействия, определяя преадаптивную активность личности при столкновении с неопределенностью, порождаемой сложностью и разнообразием культурных миров. Без способности к различению культурного разнообразия и его принятию невозможно обеспечить успешность межкультурной коммуникации. Данная функция не отражена в концепции культурного интеллекта, но является важной для интегративного подхода в изучении феномена МК.

Таким образом, в нашей работе межкультурная компетентность будет рассматриваться через два ее ключевых компонента – культурный интеллект и межкультурную сензитивность.

1.4. Предикторы межкультурной компетентности личности

Понимание природы свойств личности и их роли в поведении человека неизменно интересует исследователей в области психологии. Так, в исследованиях феномена МК в фокус научного внимания в той или иной мере попадали различные предикторы, характеризующие определенные стороны ее формирования и относящиеся к таким глобальным аспектам, влияющим на поведение человека, как общество, культура и личность. Таким образом, предметом анализа зачастую становятся социокультурные факторы и психологические характеристики (Чигарькова, 2017б). Ниже мы остановимся на основных социокультурных и психологических предикторах.

1.4.1. Социокультурные предикторы межкультурной компетентности

Среди социокультурных факторов, связанных с эффективностью межкультурного взаимодействия, зачастую выделяют межкультурный/международный опыт, интенсивность и качество взаимодействия с представителями других культур, этнокультурное разнообразие социальной среды, знание языка, дистанцию между культурами (степень отличия одной культуры от другой), профессиональная занятость, организационная культура учебы или работы (Хухлаев, Чибисова, 2010; Brislin, 1981; Hatzer, Layes, 2010; Ward, 1996; Ward et al., 1998; Ward et al., 2001; Wilson et al., 2013).

Существует большой пласт исследований связи международного опыта с уровнем МК (Wolff, Borzikowsky, 2018). В большинстве своем, эмпирические данные свидетельствуют о положительном влиянии международного опыта на уровень МК в разных форматах: работа за границей (Li et al., 2013), обучение по обмену (Black, Duhon, 2006) или волонтерство (Fantini, Tirmizi, 2006). Также изучались и другие параметры получения международного опыта: разная длительность пребывания (Behrmd, Porzelt, 2012; Engle, Engle, 2004; Stewart, Wilson, Miles, 2014; Van Roey, 2016;

Wilson et al., 2013) в различных странах (Kitsantas, Meyers, 2001; Paige, Cohen, Shively, 2004), на студенческих (Tarique, Takeuchi, 2008; Williams, 2005) и взрослых выборках (Hammer, 2005; Zahed, 2012). Так, эмпирические данные по оценке оптимального срока пребывания в инокультурной среде, приводящего к повышению МК, варьируются: 1 месяц, 3 месяца, от 3 до 6 месяцев, год (Wolff, Borzikowsky, 2018).

Стоит отметить, что существовавшее изначально представление, что погружение в другую культуру автоматически способствует развитию МК, в последние десятилетия уже не является столь однозначно разделяемой всеми исследователями (Wolff, Borzikowsky, 2018). Так, стали появляться работы, демонстрирующие более сложную картину (Хухлаев, Чибисова, 2010; Jackson, 2008; Pedersen, 2009, 2010; Schartner, 2015). Результаты исследований показывают, что целенаправленное обучение различным теориям межкультурной коммуникации при пребывании за рубежом оказывается более эффективным в развитии МК, чем пребывание за рубежом без теоретической подготовки. Более того различий между уровнем МК участников исследования, отучившихся за рубежом без овладения теоретическими основами межкультурной коммуникации, и студентов, оставшихся на родине, но изучавших теорию межкультурной коммуникации, не обнаружено (Pedersen, 2009, 2010). Стоит также понимать, что погружение в инокультурную среду без специальной подготовки может быть связано с высоким уровнем стресса, что может приводить к обратному эффекту – регрессу на более низкий уровень МК из-за культурного шока.

Также этот феномен может объясняться в рамках «кривой адаптации» П. Адлера. Развивая идеи К. Оберга, П. Адлер предложил пять стадий преодоления культурного шока и адаптации к инокультурной среде: «медовый месяц», «притирка», «реинтеграция», «нейтралитет» и «комфорт» (Adler, 1975). Первоначальная радость от попадания в новую культурную среду на этапе «медового месяца» сменяется необходимостью преодоления внутренних и внешних препятствий на пути адаптации на стадиях

«притирки» и «реинтеграции», что характеризуется раздражением, разочарованием, фрустрацией и возможным снижением уровня МК.

Тем не менее, интенсивность и качество контактов выступают значимым ситуационным фактором МК (Логашенко, 2015; Church, 1982; Hatzer, Layes, 2010; Kim, Van Dyne, 2012; Ruiz-Bernardo et al., 2012; Van Roey, 2016; Ward et al., 2004; Wilson et al., 2013). Исследования иностранных студентов, показывают, что близкие дружеские отношения могут сыграть важную роль в закреплении навыков, соответствующих культурным нормам принимающей стороны (Bochner et al., 1977; Furnham, Bochner, 1982). Исследования также показали, что иностранные студенты, чаще общающиеся со своими сверстниками, обладают более развитыми социальными навыками (Trice, 2004) и успешнее «вписываются» в культурный контекст (Kagan, Cohen, 1990; Wolff, Borzikowsky, 2018). В другом исследовании было обнаружено, что увеличение интенсивности общения с принимающей стороной дает больше возможностей наблюдать и обучаться правилам и поведенческим моделям нормативного социального взаимодействия в рамках другой культуры (Mak, Buckingham, 2007).

Разнообразие социальной среды, в которой развивается и осуществляет деятельность индивид, также может оказывать влияние на формирование МК (Deardoff, 2011). Как особенности семьи, ее этнического состава, установок по отношению к другим культурам, так и этнокультурные характеристики более широкого круга людей – друзей, коллег по учебной и трудовой деятельности, педагогов, руководителей, могут вносить вклад в развитие МК. В качестве примера можно привести отечественное исследование влияния поликультурного и монокультурного состава участников тренинга на динамику МК (Корнилова, 2012). Результаты показывают, что участники монокультурной группы испытывали более сильное чувство защищенности и лучше контролировали оппозиционные реакции. В поликультурной группе отмечалось усиление стремления к улучшению взаимоотношений между представителями разных культур, что находит свое отражение в усилении

самооценки, гордости от принадлежности к своей культуре, повышении мотивации к межкультурному взаимодействию, повышении уровня аффективного компонента МК. В другом исследовании на российской выборке было продемонстрировано влияние культурного разнообразия в студенческой среде на развитие межкультурной сензитивности: чем более выражено культурное разнообразие среды, тем выше уровень межкультурной сензитивности (Логашенко, 2015).

С зарождения научной области изучения феномена МК овладение языком рассматривалось как необходимый шаг в получении доступа к новым навыкам и их освоению в новой культурной среде. В метаанализе 28 эмпирических исследований с общей выборкой 4523 респондента был продемонстрирован значимый эффект владения языком на социокультурную адаптацию как важный критерий МК (Wilson et al., 2013). В исследовании, проведенном в Испании, выявлено, что среди монолингвов, билингвов, мультилингвов (3-4 языка) и владеющих более чем 4 языками самый высокий уровень межкультурной сензитивности показали респонденты последней группы (Ruiz-Bernardo et al., 2012). Владение языками связано с обладанием более широким кругом инокультурных контактов и наличием дружеских отношений с представителями других культур (Gullahorn, Gullahorn, 1966; Shannon, Begley, 2008; Ward, Kennedy, 1993; Zimmerman, 1995). Знание языков обеспечивает возможность межкультурного взаимодействия и способствует более активному освоению культурных норм и моделей поведения, что повышает МК. Тем не менее, не все представляется таким однозначным. Так, в исследовании мигрантов в России было выявлено, что владение русским языком оказалось вторичным фактором культурной адаптации по сравнению с установками и мотивацией на адаптацию (Солдатова, Шайгерова, 2001).

Таким образом, в рамках нашего исследования мы хотели бы проверить гипотезу о том, что для представителей групп с высоким уровнем МК характерны более высокие показатели по наличию межкультурного опыта,

интенсивности и качества контактов с представителями инокультурных групп, разнообразия социальной среды, владения языками и профессиональная занятость в гуманитарной сфере.

1.4.2. Психологические предикторы межкультурной компетентности

Среди психологических предикторов МК личности наиболее часто рассматривают личностные черты, установки и способности. Это отражается в одной из рассмотренных выше ранних концепций межкультурной компетентности – концепции «универсального коммуниканта» Дж. Гарднера (Hatzer, Layes, 2010).

«Большая пятерка»

Особое внимание заслуживают исследования МК в контексте теорий личностных черт. В западной психологии существует целый ряд исследований личностных факторов «Большой пятерки» (Costa, McCrae, 1985) в контексте межкультурной коммуникации: изучения различных видов социального поведения, успешности деятельности, адаптации в инокультурной или поликультурной среде.

Рассмотрим сначала такие личностные черты как нейротизм и экстраверсия. Так, эмоциональная стабильность, ориентация на внешний мир, любопытство по отношению к другим культурам может обеспечивать более успешное и адаптивное поведение в межкультурном контексте. В то время как тревожность, обидчивость, неуравновешенность, отсутствие интереса к инокультурным мирам могут, наоборот, препятствовать выстраиванию конструктивного взаимодействия с представителем другой культуры (Гридунова, 2018). П. Калигури продемонстрировал, что экспаты с высокой выраженностью экстраверсии и низким уровнем нейротизма реже досрочно прекращают работу в другой стране (Caligiuri, 2000).

В исследовании экспатов, работающих в азиатском регионе, были получены схожие данные о том, что эмоциональная устойчивость выступает значимым предиктором успешности трудовой адаптации и отсутствия

размышлений о досрочном возвращении домой, а экстраверсия связана с успешностью культурной адаптацией (Shaffer et al., 2006). В исследовании датских эмигрантов, проживающих по всему миру, были выявлены прямая связь эмоциональной стабильности и экстраверсии с успешностью в психологической адаптации в другой культуре (Bakker et al., 2006). В другом исследовании датских экспатов полученные результаты были подтверждены (Van der Zee, Van Oudenhoven, 2013, 2014). В исследовании голландских экспатов, проживающих в разных странах, было обнаружено, что эмоциональная стабильность является важным предиктором успешности межкультурных взаимодействий, удовлетворенности жизнью и степени социокультурной адаптации в инокультурной среде (Ali et al., 2003). В исследовании культурного интеллекта выявлена обратная связь с невротизмом и прямая – с экстраверсией (Ang et al., 2006). Эмоциональная стабильность также предсказывает качество жизни и успешность социокультурной адаптации детей экспатов (Van der Zee et al., 2007). В исследовании иностранных студентов и волонтеров в Тайвани обнаружены отрицательная связь невротизма со всеми показателями межкультурной эффективности студентов (коммуникативные навыки, комфортность во взаимодействии, поведенческая гибкость, уважение, поддержание идентичности, управление взаимодействием) и положительная с экстраверсией (Wang, Ching, 2015). В исследовании американских студенток колледжей экстраверсия и невротизм оказались значимыми предикторами компонента МК, связанного с осознанием и принятием своей идентичности и измеряемого с помощью методики «Global Perspectives Inventory» (Peifer, Yangchen, 2017). В отечественном исследовании особенностей межкультурной адаптации у монгольских и китайских студентов, обучающихся в РУДН, в обеих группах были выявлены значимые положительные связи между одной из позитивных стратегий адаптации (конформность) и выраженностью экстраверсии и между проблемной стратегией адаптации (отчужденность) и невротизмом (Жамбал, 2015).

П. Калигури продемонстрировал, что экспаты с высокой выраженностью доброжелательности реже досрочно прекращают трудовые контракты в другой стране, а добросовестность является предиктором более высокой оценки трудовой деятельности со стороны руководителя (Caligiuri, 2000). Неоднозначные результаты были получены в исследовании экспатов с Ближнего Востока (Dalton, Wilson, 2000). Были выявлены связи между доброжелательностью и добросовестностью арабских эмигрантов, работающих в разных странах, и высокой оценкой их результативности начальниками из родной культуры. Однако значимых связей между факторами «Большой пятерки» и оценкой работы руководителем из другой культуры не оказалось.

В исследовании на Тайване были получены значимые различия в успешности к приспособлению в инокультурной среде между группами американских эмигрантов с высокими и низкими показателями экстраверсии, доброжелательности и открытости (Huang et al., 2005). В соответствии с полученными данными американцы с высоким показателями по трём факторам лучше адаптировались к новой культурной среде. Кроме того, открытость опыту оказалась важным предиктором эффективности в профессиональной деятельности, тогда как экстраверсия и доброжелательность были связаны с выстраиванием конструктивных отношений с представителями другой культуры.

Основываясь на лонгитюдном исследовании корейских и японских эмигрантов в Гонконге, М. Шаффер с коллегами обнаружил связи четырех факторов «Большой пятерки» (за исключением добросовестности) и межкультурной эффективности (Shaffer et al., 2006). Ещё одним направлением исследования стало изучение предиктивной силы «Большой пятерки» в межкультурной успешности и выборе стратегий совладания со стрессом у двух групп: экспатов, направленных на работу в другую страну организацией, и эмигрантов, самостоятельно инициировавших переезд (Whitman, Isakovic, 2012). В исследовании литовских эмигрантов и их

склонности к употреблению различных вредных для здоровья веществ было показано, что личностные черты предсказывают выбор стратегий совладания со стрессом в инокультурной среде с помощью чрезмерного употребления алкоголя или наркотиков у женщин и у мужчин (Endriulaitiene et al., 2015).

Как уже обозначалось выше, одним из важных исследовательских направлений является изучение отношений между культурным интеллектом и личностными характеристиками на основании «Большой пятерки». Так, одно из первых исследований авторов концепции продемонстрировало связь КИ с диспозициями модели «Большая пятерка» (Ang et al., 2006). Исследователи предположили, что такая личностная диспозиция как открытость опыту должна быть наиболее сильно связана с КИ, поскольку оба концепта включают элементы новизны ситуации. Подтвердилось, что открытость опыту положительно связана со всеми компонентами КИ и является наиболее выраженным его предиктором (Ang et al., 2006). Были выявлены значимые положительные связи и других черт с компонентами культурного интеллекта: добросовестности с метакогнитивным КИ; доброжелательности и эмоциональной стабильности с поведенческим КИ; экстраверсии с когнитивным, мотивационным и поведенческим КИ. Эти данные подтверждались и в дальнейших исследованиях (Oolders et al., 2008; Sahin et al., 2013). В продолжение этой линии исследований в новых контекстах было выявлено, что открытость опыту и экстраверсия положительно связаны с культурным интеллектом в ситуации виртуального межкультурного взаимодействия (Presbitero, 2016).

В отечественных исследованиях до недавнего времени личностные факторы «Большой пятерки» редко рассматривались в контексте межкультурной коммуникации. Мы можем привести лишь несколько исследований. Так в исследовании русских и кабардинских студентов изучалась связь между таким важным для межкультурного взаимодействия феноменом как толерантность и «Большой пятеркой» (Мурзаканова, 2015). Было выявлено, что теснее всего с толерантностью во всех изучаемых

группах связаны факторы открытость новому опыту и доброжелательность. В исследовании особенностей межкультурной адаптации у монгольских и китайских студентов, учащихся в РУДН, были обнаружены отрицательная связь между проблемной стратегией адаптации (отчужденность) и открытостью опыту. Для монгольских студентов была выявлена также положительная корреляция между конформностью как параметра межкультурной адаптации и добросовестностью (Жамбал, 2015).

В исследовании межкультурной сензитивности и «Большой пятерки» были выявлены значимые связи между большинством личностных факторов и показателями межкультурной сензитивности (Гридунова и др., 2017). Открытость опыту и добросовестность оказались положительно связаны со способностью замечать культурные различия, принимать и учитывать их в процессе взаимодействия. Экстраверсия и доброжелательность личности связаны с амбивалентностью установок по отношению к межкультурным различиям, а доброжелательность со склонностью абсолютизировать влияние культурных различий на процесс взаимодействия. В связи с недостатком в отечественной психологии разработанного инструментария исследования на русскоязычной выборке данные о связях МК с личностными факторами пока редки.

Таким образом, «Большая пятерка» обладает рядом преимуществ для решения исследовательских задач, в том числе, и в поле межкультурной коммуникации: четкость и простота структуры, содержательная полнота выделенных черт, культурная универсальность, наличие разнообразного диагностического инструментария. Также важно учитывать, что для полноты рассмотрения психологических характеристик человека необходимо рассматривать его целостно, исследуя различные сферы личности и осознавая определенную схематичность диспозиционального подхода. Тем не менее, значимые результаты, полученные в массиве западных эмпирических исследований «Большой пятерки» в контексте межкультурной

коммуникации, дают возможность для дальнейшего изучения этой модели в отечественной психологии.

На основании проведенного анализа полученных в зарубежных и отечественных исследованиях данных мы предполагаем, что выраженность таких личностных черт как открытость, экстраверсия, эмоциональная стабильность, доброжелательность, добросовестность будут положительно связаны с МК. Такие личностные свойства облегчают трудности, связанные с необходимостью «вписаться» в другой культурный контекст, и выстроить теплые отношения с представителями других культур.

Эмпатия

Эмпатия выступает важной личностной характеристикой, исследование которой способствует развитию понимания особенностей межкультурного взаимодействия и механизмов формирования МК.

Эмпатия играет важнейшую роль в обеспечении успешности межличностного взаимодействия (Пономарева, 2006). Мы бы хотели отдельно отметить один важный механизм этого феномена, на которое обратила внимание Г. М. Андреева, а именно, идентификацию с другим. Г.М. Андреева отметила, что идентификация как механизм межличностного общения и понимания людьми друг друга является неопровержимым психическим явлением и требует особого изучения. Идентификация означает уподобление себя другому (или отождествление с другим), и реальность этого явления установлена экспериментально: чтобы понимать других, люди часто стремятся уподобляться им, таким путем стараясь догадаться об их психических состояниях (Андреева, 1980). Такая способность может иметь особенное значение в адаптации к межкультурному контексту и построении конструктивных межличностных отношений в соответствии с культурными паттернами представителя другой этнокультурной группы.

В разнообразных исследованиях проблем межкультурной коммуникации эмпатия признается важной и необходимой составляющей

успешности такого взаимодействия. Так, проводя анализ различных подходов к пониманию МК, А.П. Садохин констатирует, что эмпатия входит в набор универсальных личностных характеристик, которыми должен обладать человек, готовящийся к взаимодействию с чужой культурой (Садохин, 2009). Во многом, именно роль невербальной составляющей межкультурной коммуникации рождает необходимость эмоциональной «сонастройки» и вживания в чужую культуру вне рамок вербального взаимодействия. Эмпатия проявляется в способности поставить себя на место другого человека, взглянуть на окружающий мир через призму его культурного кода, почувствовать его состояние и опираться на все это в регуляции своего поведения и отдельных действий. Эмпатия предполагает перенесение элементов внутреннего мира «другого» в свой собственный. Именно этот механизм обеспечивает более глубокое понимание другой культуры, что дает возможность для выстраивания успешного взаимодействия при столкновении разных культурных миров.

В западных работах эмпатия зачастую включается в ключевые факторы эффективной межкультурной коммуникации (Arasaratnam, Doerfel, 2005; Arthur, Bennett, 1995; Bennett, 1998; Calloway-Thomas, 2010; Chen, Starosta, 1996, 2005; Deardorff, 2006; DeTurk, 2001; Hoffman, 2000; Howe, 2012; Hwang, Chase, Kelly, 1980; Hwang et al., 1985; Imahori, Lanigan, 1989; Matveev, Nelson, 2004; Rasoal et al., 2011; Spitzberg, Cupach, 1984; Van der Zee, Van Oudenhoven, 2000, 2013; Wang et al., 2003; Zhu, 2011). При этом используется различная терминология: этнокультурная эмпатия, культурная эмпатия, межкультурная эмпатия, сензитивность. В отечественной психологии эмпатия также входит в ряд теорий и моделей МК (Купавская, 2008; Леонтович, 2003; Почебут, 2012; Филонова, 2013).

Таким образом, мы предполагаем, что эмпатия, особенно способность к идентификации, могут выступать предиктором уровня МК личности.

Толерантность

В зарубежных и отечественных исследованиях МК особая роль уделяется толерантности и этнолеративистским установкам. Мы хотели бы кратко рассмотреть понятие толерантности и этнической толерантности в психологической науке: социальной психологии, психологии личности, этнопсихологии. В психологии существуют несколько подходов к пониманию толерантности как психологического феномена.

В психологии феномен толерантности впервые начинает звучать в исследованиях авторитарной личности, отраженной в работах Э. Фромма (Fromm, 1941), А. Адорно, Э. Френкель-Брунсвика, Д. Левинсона, Р. Сэнфорда (Adorno et al., 1950). Авторитарной противопоставляется личность толерантная, исследованию которой посвятил свои работы Г. Оллпорт (Оллпорт, 2003).

В отечественных работах толерантность стала исследоваться с точки зрения ресурса для преодоления межэтнической напряженности и налаживания конструктивного диалога культур (Асмолов, 2001, 2007; Лебедева, 2002; Садохин, 2003; Солдатова, 1998; Шлягина, 2004; и др.). В рамках историко-эволюционного подхода Асмолов А.Г., рассматривая толерантность как норму культуры и цивилизационную норму, выделяет ее важнейшие функции: поддержка разнообразия сложных систем, в том числе, полиэтничность и поликультурность; поддержка права каждого человека быть иным; обеспечение устойчивого развития систем и баланса различных противоборствующих сторон в экономике, культуре и политике; возможность диалога и достижения согласия между различными мировоззрениями и культурами (Асмолов, 2002б).

Г.У. Солдатова рассматривает толерантность как «характеристику индивида, определяющую его способность в проблемных и кризисных ситуациях активно взаимодействовать с внешней средой с целью восстановления своего нервно-психического состояния, успешной адаптации, недопущения конфронтации и развития позитивных взаимоотношений с собой и окружающим миром» (Солдатова, 2003, с. 64). Автор выделяет

четыре основных компонента толерантности как интегральной характеристики личности: психологическая устойчивость, система позитивных установок, комплекс индивидуальных качеств, система личностных и групповых ценностей. Г.У. Солдатова выделяет социальную толерантность, этническую толерантность и толерантность как черту личности.

В зарубежной психологии данный феномен тесно связан с изучением этноцентристской и этнорелятивистской направленности индивида, получившей свое оформление в теории межкультурной сензитивности М. Беннетта (Bennett, 1986, 1993)

Толерантность и ее вид – этническая толерантность, рассматриваются как одни из ключевых личностных характеристик, связанных с успешностью в межкультурном взаимодействии, что подкрепляется результатами эмпирических исследований (Новикова, 2012, 2015; Почебут, 2012; Kealey, 1996; Kiechl, 1997; Rochebut, Logashenko, 2014). Экспертные оценки специалистов по МК и обзорные работы по данной проблематике также выносят толерантность в категорию значимых в межкультурной эффективности личностных характеристик (Deardorff, 2006; Hatzler, Layes, 2010; Messner, Schäfer, 2012; Spitzberg, Changnon, 2009). Развитие толерантности ставится как одна из важных задач в рамках тренингов формирования МК (Лебедева, Лунева, Стефаненко, 2004; Лебедева и др., 2003; Почебут, 2007; Солдатова, Шайгерова, Макаручук, 2005; Солдатова и др., 2009, и др.).

Так, выраженность толерантности, в первую очередь, этнической толерантности, могут быть связаны с сформированностью МК личности, что мы хотели бы проверить в рамках эмпирического исследования.

Толерантность к неопределенности

Одной личностных характеристик, часто возникающих в научном поле исследований МК, стала толерантность к неопределенности. В зарубежных исследованиях данный феномен начал изучаться в рамках разработки

психологических особенностей авторитарной личности А.Адорно, Э.Френкель-Брунsvик, Г. Оллпорт (Adorno et al., 1950; Frenkel-Brunswick, 1949). В дальнейшем он рассматривается более широко в различных контекстах, в том числе, в ситуациях выбора и принятия решения (Bochner, 1965; Budner, 1962; Furnham, Ribchester, 1995). В отечественной психологии данная проблематика стала активно разрабатываться относительно недавно в контексте понимания неопределенности как центрального вызова современности (Асмолов, 2015; Белинская, 2006; Гусев, Садовская, 2016; Гусев, 2011; Зинченко, 2007; Корнилова, 2009, 2015, 2016; Леонтьев, 2015; Марцинковская, 2015, 2017; Осин, 2010; Соколова, 2015; Юревич, 2005; Mobilis in mobili..., 2018).

Толерантность к неопределенности рассматривается как «готовность субъекта принимать решения в условиях неопределенности, противоречивости, новизны ситуации, неполноты информации, неизвестности последствий выбора» (Корнилова, 2015). Д.А. Леонтьев предлагает рассматривать толерантность к неопределенности как личностный ресурс, под которым понимаются «индивидуальные особенности, в зависимости от которых задачи мобилизации, адаптации к стрессовой ситуации, ее преодоления и предотвращения неблагоприятных последствий решаются легче или, напротив, труднее» (Леонтьев, 2010, с. 41). Данные характеристики представляются важными в межкультурном взаимодействии.

Умение справляться как с новыми и, казалось бы, неструктурированными ситуациями, так и с неясной информацией, оказывается важным в межкультурном взаимодействии, характеризующимся дополнительным уровнем неопределенности, связанным не только с личностными, но и культурными особенностями партнеров по коммуникации. Люди с высокой степенью толерантности к неопределенности остаются спокойными и способными осуществлять деятельность даже в неясных или сложных ситуациях межкультурного

взаимодействия. Более того, они могут воспринимать такие ситуации как особый вызов своей находчивости и использовать свои личностные ресурсы для успешного выхода из неоднозначных и плохо структурированных ситуаций, что отражает не только актуальную адаптивную, но и преадаптивную активность личности в межкультурных контекстах. Такие люди не будут испытывать сильный дискомфорт при выходе за рамки привычных культурных норм и воспринимать необычные для своей культуры реакции как угрожающие. Напротив, люди с низкой толерантностью к неопределенности могут переживать ситуации межкультурного взаимодействия как стрессовые, дискомфортные, неконтролируемые и угрожающие. Особое внимание толерантности к неопределенности уделяют в коориентационных и каузальных моделях МК, частично рассмотренных в параграфах выше (Byram, 1997; Deardorff, 2006; Gudykunst, 1993; Hammer et al., 1997; Imahori, Lanigan, 1989; Ting-Toomey, 1999).

Таким образом, одна из гипотез нашего исследования следующая – высокий показатель толерантности к неопределенности связан с высоким уровнем МК личности.

Жизнестойкость

В качестве значимого в межкультурном контексте личностного ресурса можно рассматривать феномен жизнестойкости. Данный феномен («hardiness») предложен и операционализирован американским психологом С. Мадди (Maddi, 1998), а в российскую психологию пришел благодаря работам Д.А. Леонтьева. Под жизнестойкостью понимаются «убеждения человека, которые позволяют ему оставаться активным и препятствуют негативным последствиям стресса» (Леонтьев, Рассказова, 2011, с. 178).

В межкультурном контексте жизнестойкость может выступать как личностный ресурс, способствующий успешной социокультурной адаптации за счет вовлеченности в активность в межкультурной среде, выстраиванию соответствующих окружающей инокультурной действительности стратегий

деятельности и восприятию ситуаций межкультурного взаимодействия как источника для собственного развития и личностного роста. Жизнестойкость выступает одной из составляющих личностного потенциала, актуальной для совладания со стрессом, возникающем при столкновении различных культурных миров. Непосредственно жизнестойкость как предиктор в межкультурном взаимодействии изучается в большинстве своем в зарубежных исследованиях мультикультурной личности, социокультурной адаптации и межкультурной эффективности (Кадильникова, 2011; Brummett et al., 2007; Herrera, 2012; Mendenhall et al., 2008; Ponterotto, 2010). Так, жизнестойкость входит как отдельная шкала в методику «Intercultural Effectiveness Scale», в рамках которой она операционализована через две составляющие – эмоциональную устойчивость и позитивное отношение к ситуации (Mendenhall et al., 2008). В контексте жизнестойкости мы также можем рассматривать схожие по содержанию феномены в рамках исследований моделей МК, связанные с совладанием со стрессом: толерантность к стрессу (Kealey, 1996; Lonner, Hayes, 2004), способность справляться с психологическим стрессом (Hammer, 1987; Hammer, Gudykunst, Wiseman, 1978; Wiseman, Abe, 1986).

Опираясь на представленные концепции и результаты исследований, мы планируем проверить гипотезу о положительной связи МК с жизнестойкостью.

Ценностные ориентации

В рамках исследований межкультурных коммуникаций особое внимание уделяется ценностным ориентациям, свойственным представителям тех или иных культуры (Hofstede, 1980; Inglehart, 1997; Kluckhohn, Strodtbeck, 1961; Schwartz, 1999; Trompenaars, Hampden-Turner, 1998; Weber, 1958; Williams, 1958 и др.). Через понимание различий в ценностях разрабатывается теория и практика взаимодействия между культурами. Одной из наиболее распространённых концепций, связанных с изучением влияния ценностей на поведение в рамках культуры, является

концепция культурных измерений, предложенная нидерландским социологом Г. Хофстеде (Hofstede, Hofstede, Minkov, 2010). В рамках его подхода выделено шесть основных параметров культур, по которым можно их различать. Дистанцированность власти определяет различия в трактовки фундаментальной проблемы человеческого неравенства, принятой в культуре дистанции между людьми, принадлежащими к разным уровням власти. Избегание неопределённости связано с уровнем толерантности к неопределенности в обществе. Индивидуализм / коллективизм определяет направленность индивида на интеграцию в группу и ориентацию на ее интересы или, наоборот, достижению собственных интересов без ориентации на группу. Соревновательность культур связана с распределением эмоциональных ролей между мужчинами и женщинами. Долгосрочная / краткосрочная ориентированность определяют выбор фокуса внимания в деятельности человека на будущее, настоящее или прошлое. Гедонизм определяет приемлемость удовлетворения базовых человеческих потребностей в контексте потворства желаний и наслаждения жизнью или, наоборот, сдержанности и самоконтроля.

Несомненно, различия или сходства в ценностных ориентациях представителей тех или иных культур могут осложнять либо облегчать процесс межкультурного взаимодействия. Тем не менее, мы хотели бы рассмотреть представленные ценности с точки зрения их возможного вклада в формирование МК. Так, можно предположить, что индивидуализм может способствовать развитию МК, поскольку индивидуалист более свободен и независим, что может способствовать легкости в перемене мест проживания и адаптации к новым условиям, высокой мотивации на достижение успеха в поликультурных сообществах. Для представителей коллективистских культур характерна направленность на удовлетворение внутригрупповых интересов, что может приводить к формированию жестких этноцентристских установок, желанию сепарироваться от инокультурного контекста, что мешает выстраиванию межкультурных отношений с «чужаками».

Представители культур с низким уровнем избегания неопределенности будут больше открыты новому, незнакомому, будут толерантно относиться к различным проявлениям инаковости и присутствию представителей других культур в своем окружении. Представители культур с низкой дистанцией власти больше готовы к восприятию различных статусов как равноправных, что может способствовать формированию этнорелятивистских установок в межкультурном контакте. Представители культур с выраженной фемининностью могут оказываться более гибкими и эмпатичными во взаимодействии с представителями других культур, что может влиять на аффективный компонент МК. Долгосрочная ориентация может способствовать выстраиванию более доверительных отношений между представителями различных культур, основанных на взаимном уважении и стремлении сохранить как свое «лицо», так и лицо «партнера». Выраженность гедонизма в культуре может способствовать нахождению в межкультурном взаимодействии удовольствия и возможности удовлетворения своих потребностей. Данные гипотезы мы хотели бы проверить в рамках эмпирического исследования.

Этническая идентичность

В рамках ряда теорий и концепций одной из важных психологических предикторов МК выступает этническая идентичность. Этническая идентичность – это сложный феномен, привлекающий исследователей различных направлений. В зарубежной психологии этническая идентичность исследуется, в первую очередь, в рамках психоаналитического (Эриксон, 1996; Marcia et al., 1993; Phinney, 1992) и мотивационно-когнитивистского подходов (Московичи, 2011; Breakwell, 1986; Tajfel, Turner, 1986). В отечественной психологии исследование идентичности ведется через призму культурно-исторического подхода (Андреева, 2009; Асмолов, 1996, Донцов, Стефаненко, Уталиева, 2009; Гусельцева. 2018; Марцинковская, 2018; Марцинковская, Киселева, 2018; Собкин, Грачева, 1998; Солдатова, 1998; Стефаненко, 1999; Шайгерова, 2002; Шлягина, Ениколопов, 1992; и др.).

Интерес отечественных ученых сначала привлекала проблема этнического самосознания, а затем феномен этнической идентичности, который стал ключевой исследовательской проблемой в целом ряде работ (Агеев, 1990; Гриценко, 2002, 2006; Гуриева, 2010; Дробижева, 2002; Лебедева, 2002; Левкович, Андрущак, 1995; Павленко, 2001; Платонов, 2003; Почебут, 2012, Хотинец, 2002; и др.). По мнению Г.У. Солдатовой, этническая идентичность представляет некий континуум типов от гипоидентичности к позитивной этнической идентичности и до гиперидентичности (Солдатова, 1998). Позитивная этническая идентичность – это сочетание позитивного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам. Она задает такой оптимальный баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам, который позволяет рассматривать ее, с одной стороны, как условие самостоятельности и стабильного существования этнической группы, с другой – как условие мирного межкультурного взаимодействия в полиэтничном мире. Гипоидентичность предполагает отрицание собственных этнокультурных ценностей, декларирование свободы от всего, связанного с этническим контекстом. Гиперидентичность представляет собой гиперболизацию этнической идентичности и наличие дискриминационных установок по отношению к другим этническим группам разной степени выраженности.

В рамках исследований межкультурной коммуникации феномену идентичности в ряде теорий отводится центральная роль. Данные подходы представлены выше в параграфе, посвященном описанию моделей МК: теория соглашения об идентичности (Goffman, 1955; Ting-Toomey, Kurogi, 1988), теория управления идентичностью (Cupach, Imahori, 1993), теория культурной идентичности (Collier, 2005), модель аккультурации (Berry et al., 1989) и др. Культурную идентичность как основу МК также обозначает в своих работах А.П. Садохин (Садохин, 2009). Отечественные эмпирические

исследования связи МК и этнической идентичности пока не многочисленны (Гридунова, 2018; Гусева, 2004; Логашенко, 2015; Манойлова, 2011).

В нашем исследовании мы планируем проверить гипотезу о том, что позитивная этническая идентичность положительно связана с МЕ и может выступать предиктором ее уровня, в то время как выраженность типов гиперидентичности – отрицательно.

Таким образом, определенным психологическим особенностям, связанным с формированием МК, уделяется особое внимание в психологических исследованиях, тем не менее, связь ряда личностных характеристик с МК достаточно слабо изучена, особенно в рамках отечественных эмпирических работ.

Хотелось бы отметить, что описанные личностные характеристики можно рассматривать через призму их вклада в различные виды адаптивной активности личности. Так, толерантность, жизнестойкость, толерантность к неопределенности, позитивная этническая идентичность, эмпатия, экстраверсия, открытость, доброжелательность, добросовестность, эмоциональная стабильность могут обеспечивать как актуальную адаптацию, так и преадаптацию и неадаптацию в различных социальных и межличностных контекстах, в том числе, межкультурных. В данной работе мы не ставили задачи подробно рассмотреть, какой вклад данные личностные характеристики вносят в тот или иной вид адаптивной активности. Тем не менее, мы предполагаем, что данные характеристики будут по-разному выражены у людей с разным типом межкультурной компетентности. Так, более высокий уровень МК, позволяющий осуществлять адаптивную активность различной направленности, будет соответствовать более высоким показателям выраженности данных личностных характеристик.

1.5. Выводы

1. Компетентность рассматривается как интегральная динамическая характеристика личности, включающая когнитивный, поведенческий, аффективный и мотивационный компоненты и способствующая осуществлению ситуативной и надситуативной адаптивной активности.

2. Проведенный анализ подходов и моделей демонстрирует наличие общих представлений о феномене МК, выполняющем важнейшую функцию в процессах аккультурации и адаптации:

– МК оценивают через два основных критерия – приемлемость поведения инокультурному контексту и эффективность межкультурного взаимодействия;

– МК имеет многокомпонентную структуру, которая соотносится с мотивационно-аффективной, когнитивной и поведенческой сферами личности;

– МК развивается нелинейно, что приводит к формированию своеобразных типов МК, характеризующихся различной выраженностью ее компонентов; предикторами уровня сформированности МК выступают личностные характеристики и различные контекстные факторы.

3. Повышение сложности и неопределенности человеческого общества, в том числе, и в сфере межкультурных коммуникаций, требует обращения к эвристическим возможностям отечественной методологии, в первую очередь, теориям неадаптивной и преадаптивной активности личности (В.А. Петровский, А.Г. Асмолов) в контексте МК. Существующие теории и модели МК, прежде всего, основываются на значимости актуальной ситуативной адаптивной активности личности в межкультурном взаимодействии, ее способности вписаться в предлагаемые инокультурные условия, усвоить соответствующие нормам данной культуры поведенческие паттерны. Важно понимать, что современный мир требует более сложного сочетания

вариантов ситуативных и надситуативных активностей (преадаптивной и неадаптивной).

4. В качестве исследовательских конструктов, адекватных представленному пониманию проблемы, мы рассматриваем межкультурную сензитивность и культурный интеллект как два ключевых компонента МК. Межкультурная сензитивность – это готовность и способность к восприятию, распознаванию и принятию культурных различий как нормы разнообразия, способствующая преадаптивной и актуальной адаптивной активности личности в межкультурном контексте. Культурный интеллект, включая мотивационный, когнитивный, поведенческий и метакогнитивный компоненты, представляет способность эффективно функционировать и взаимодействовать в ситуациях, характеризующихся культурным многообразием. Культурный интеллект предполагает возможность реализации в ситуациях межкультурного взаимодействия как актуальной адаптивной активности личности, так преадаптивной и неадаптивной, особую роль в которых играет метакогнитивный компонент.

5. Как интегральная характеристика личности МК определяется взаимодействием различных факторов, в первую очередь, социокультурных и психологических. Социокультурными факторами, связанными с эффективностью межкультурного взаимодействия, в исследованиях выступают межкультурный опыт, интенсивность и качество взаимодействия с представителями других культур, этнокультурное разнообразие социальной среды, знание языков. Анализ результатов эмпирических исследований МК показал, что в центре внимания исследователей должны быть такие личностные характеристики, как Большая пятерка личностных черт, толерантность, жизнестойкость, эмпатия, толерантность к неопределенности, ценностные ориентации, этническая идентичность. Данные личностные характеристики также связаны с реализацией актуальной адаптивной, преадаптивной и неадаптивной активности индивида и могут опосредовать его успешность в рамках межкультурного взаимодействия.

Глава 2. Личностные предикторы сформированности межкультурной компетентности

2.1. Программа эмпирического исследования

Цель – исследование личностных характеристик как предикторов сформированности межкультурной компетентности, обеспечивающей различные виды адаптивной активности личности в межкультурном контексте.

Объект – межкультурная компетентность личности.

Предмет – роль личностных характеристик в формировании межкультурной компетентности личности.

Общая гипотеза исследования:

Личностные характеристики, позволяющие эффективно взаимодействовать в ситуациях неопределенности, сложности и разнообразия в поликультурном контексте, опосредуют формирование межкультурной компетентности, связанной с различными видами адаптивной активности личности.

Частные гипотезы исследования:

1. Такие личностные черты, как экстраверсия, открытость опыту, добросовестность, доброжелательность и эмоциональная стабильность положительно связаны с уровнем выраженности компонентов МК.
2. Типы этнической идентичности связаны с выраженностью компонентов МК личности: позитивная этническая идентичность – положительно, гиперидентичность – отрицательно.
3. Личностные характеристики, позволяющие эффективно действовать в ситуациях неопределенности, сложности и разнообразия, – толерантность, жизнестойкость, эмпатия, толерантность к неопределенности – положительно связаны с выраженностью компонентов МК.
4. Лица, характеризующиеся выраженностью таких ценностных ориентаций, как гедонизм, индивидуализм, низкая соревновательность,

низкий уровень избегания неопределенности, долгосрочная ориентация, средняя дистанция власти, отличаются более высоким уровнем МК.

5. Личностные характеристики, способствующие осуществлению различных видов адаптивной активности субъекта в межкультурном контексте, и социокультурные характеристики (владение языками, частота и интенсивность социальных связей с представителями разных культур, опыт проживания за границей) могут выступать предикторами выраженности компонентов МК.

6. Между группами лиц, характеризующихся различным соотношением мотивационного, когнитивного, поведенческого и аффективного компонентов МК, существуют различия в выраженности личностных и социокультурных характеристик, позволяющих более эффективно взаимодействовать в ситуациях неопределенности, сложности и разнообразия в межкультурном контексте.

Задачи исследования

Методические:

1. Провести адаптацию русскоязычной версии методики «Расширенная шкала культурного интеллекта» (Van Dyne et al., 2012).
2. Подобрать методический инструментарий для исследования компонентов МК, а также предположительно связанных с ней личностных и социокультурных характеристик.

Эмпирические:

1. Изучить наличие и характер связи уровня МК с показателями выраженности типов этнической идентичности, толерантности, жизнестойкости, эмпатии, толерантности к неопределенности, шкал Большой пятерки личностных черт, ценностных ориентаций.
2. Исследовать роль личностных и социокультурных характеристик в сформированности МК.
3. Выделить типы МК личности и провести их сравнение для выявления различий между ними по ряду социокультурных и личностных

характеристик, связанных с потенциалом осуществления разных видов адаптивной активности в межкультурном контексте.

2.1.1. Процедура и методы исследования

Программа эмпирического исследования включала 12 методик (Приложение 2).

Для исследования социокультурных предикторов МК использовалась:

1) *Авторская анкета*. Для получения социодемографических данных, информации об этнокультурной и языковой идентичности, контекстуальных факторах межкультурной коммуникации была разработана анкета, включавшая 25 вопросов с закрытыми вариантами. Социодемографическая часть включала 8 вопросов о возрасте, поле, образовании, профессиональной специализации, занятости, месте и продолжительности проживания, материальном положении. Вторая часть состояла из 5 вопросов и была направлена на получение информации об этнокультурной и языковой идентичности: национальности респондента и его родителей, родном языке, знании иностранных языков и языке общения в семье. Также в анкету были включены 11 вопросов на выявление контекстуальных факторов межкультурной коммуникации, связанных с опытом взаимодействия с другими культурами по нескольким параметрам: 1) интенсивность межкультурного общения (*«Как часто Вы общаетесь с представителями других (не Вашей) национальностей?»*); 2) социальный межкультурный капитал (*«Есть ли среди Ваших близких друзей представители других (не Вашей) национальностей?»*, *«Есть ли в Вашей учебной или рабочей среде представители других национальностей?»*); 3) субъективная оценка влияния мультикультурной среды на профессиональное пространство (*«Как Вы считаете, какое влияние оказывает присутствие представителей разных национальностей на обстановку в учебной или рабочей среде?»*), 4) субъективная оценка успешности межкультурного взаимодействия (*«Как Вы оцениваете Ваше взаимодействие с представителями других*

национальностей?»), 5) общий эмоциональный фон (общая эмоциональная установка) межкультурного взаимодействия («Какие чувства Вы испытываете в наибольшей степени по отношению к людям другой национальности в целом?»); 6) опыт пребывания в других странах («Вы когда-нибудь были за границей?», «Вы когда-нибудь жили в другой стране? Если да, то в какой стране, в каком возрасте, как долго?», «Вы когда-нибудь учились или работали в другой стране? Если да, то как долго?»). В анкету также был включен вопрос на выявление ксенофобических установок, направленный на определение чуждых для респондента социальных и этнических групп (Солдатова и др., 2007).

Для изучения личностных предикторов МК использовались:

2) Методика «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой (Солдатова, Рыжова, 2008) состоит из 30 утверждений с 5-балльной шкалой ответов (от 0 – «не согласен» до 4 – «согласен»), все пункты шкалы – прямые. Данная методика позволяет измерить выраженность типов этнической идентичности и содержит 6 шкал: этнонигилизм, этническая индифферентность, позитивная этническая идентичность, этноэгоизм, этноизоляция, этнофанатизм.

3) «Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности» Т.В. Корниловой состоит из 33 утверждений, 30 прямых и 3 обратных пунктов с 7-балльной шкалой оценок (от 1 «полностью не согласен» до 7 – «полностью согласен») (Корнилова, 2010). Данная методика содержит три шкалы: толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности, межличностную интолерантность к неопределенности.

4) «Модуль исследования ценностей» (Value Survey Module-2013) Г. Хофстеде состоит из 24 пунктов с 5-балльной шкалой оценок (Hofstede, Minkov, 2013). Данная методика состоит из шести шкал: дистанцированность власти, избегание неопределённости, индивидуализм-коллективизм, маскулинность-фемининность, долгосрочная-краткосрочная временная ориентация, потворство желаниям-сдержанность.

- 5) «Культурно-ценностный дифференциал» Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой состоит из 24 пунктов с 4-балльной шкалой оценок (от 1 – «данное качество отсутствует» до 4 – «качество выражено в полной мере») (Солдатова, 1998). Цель методики – измерение в пределах психологической универсалии «индивидуализм-коллективизм» групповых ценностных ориентаций в четырех сферах жизненной активности и состоит из четырех шкал: ориентации на группу, ориентации на власть, ориентации друг на друга и ориентации на изменения.
- 6) Методика «Кто Я?» М. Куна, Т. Макпартленда направлена на изучение идентичности респондента.
- 7) Методика «Диагностика уровня эмпатических способностей» В.В. Бойко состоит из 36 пунктов, 18 обратный и 18 прямых пунктов с 2-балльной шкалой оценки (Диагностика уровня..., 2001). Методика измеряет общий уровень эмпатии, а также содержит шесть шкал: рациональный, эмоциональный, интуитивный каналы эмпатии, установки, способствующие эмпатии, проникающая способность в эмпатии, идентификация в эмпатии.
- 8) «Большая пятерка личностных черт» Р. Маккрае и П. Коста в адаптации А.Б. Хромова состоит из 75 пунктов с пятибалльной шкалой (от -2 – высказывание слева от шкалы выражено сильно, до 2 – высказывание справа от шкалы выражено сильно) (Хромов, 2000). Данная модель предлагает пять личностных диспозиций, соответствующих шкалам методики: «Экстраверсия», «Доброжелательность», «Добросовестность», «Нейротизм», «Открытость опыту».
- 9) «Краткая версия теста жизнестойкости» состоит из 24 утверждений, 7 прямых и 17 обратных пунктов (Осин, Рассказова, 2013). Методика позволяет измерить общий уровень жизнестойкости.
- 10) Экспресс-опросник «Индекс толерантности» Г.У. Солдатовой, О.А. Кравцовой, О.Е. Хухлаева, Л.А. Шайгеровой состоит из 22 утверждений с 6-балльной шкалой ответов (от 1 – «абсолютно не согласен» до 6 – «полностью согласен»), 8 прямых и 14 обратных пунктов (Солдатова и др., 2008).

Методика включает общий показатель, а также три шкалы: «Социальная толерантность», «Этническая толерантность, «Толерантность как черта личности».

Для измерения МК личности применялись:

11) «Расширенная шкалы культурного интеллекта» (Van Dyne et al., 2012) в адаптации Г.У. Солдатовой и С.В. Чигарьковой (Солдатова, Чигарькова Рассказова, 2018) состоит из 4 шкал и 37 утверждений с семибалльной шкалой оценки (от 1 – «полностью не согласен» до 7 – «полностью согласен»), все пункты шкалы – прямые. Методика включает 4 шкалы: шкала метакогнитивного компонента КИ («Стратегия»), включающая субшкалы – «Осознание», «Планирование», «Контроль»; шкала когнитивного компонента КИ («Знания»), включающая субшкалы «Общие знания» и «Контекстные знания»; Шкала мотивационного компонента КИ («Мотивация»), субшкалы – «Внутренняя мотивация», «Внешняя мотивация», «Самооценка возможности адаптации к другой культуре», шкала поведенческого компонента КИ («Поведение»), субшкалы «Вербальное поведение», «Невербальное поведение», «Речевые акты» (подробнее в параграфе 2.2.2).

12) «Шкала межкультурной сензитивности» О.Е. Хухлаева, М.Ю. Чибисовой, вариант Ю.А. Логашенко, содержит 50 утверждений со шкалой оценки от 0 («Полностью согласен») до 10 («Полностью не согласен»), 46 прямых и 4 обратных пункта (Логашенко, 2015). Методика включает 4 основных шкалы: «Принятие различий», «Преуменьшение различий», «Абсолютизация различий», «Амбивалентность к различиям».

Сбор данных проводился в 2016-2017 гг. в нескольких регионах РФ. В сборе данных принимали участие сотрудники и студенты факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудники МГППУ, Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Ресурсного центра Тихоокеанского государственного университета, Дагестанского государственного педагогического университета, Казанского государственного университета.

Процедура исследования. Большинству респондентов методики предъявлялись индивидуально в бумажном варианте, части респондентов – в электронном (N=158). Данные собирались анонимно, при желании респондент мог оставить свою почту для получения обратной связи.

Обработка данных проводилась в программе SPSS 23.0 и пакете R (версия 3.3.2) на основе методов описательной статистики, процедур корреляционного анализа, сравнения групп, конфирматорного факторного, дисперсионного, регрессионного и кластерного анализа, а также метода путевого анализа.

2.1.2. Выборка исследования

Общая характеристика выборки. В исследовании приняли участие 1545 человек (средний возраст $28.46 \pm 11,82$ лет), 1047 (67.8%) женщин (средний возраст 28.16 ± 11.96 лет) и 498 (32.2%) мужчин (средний возраст – 29.07 ± 11.54 лет), в возрасте от 18 лет из 8 городов России: Москва (N=862), Волгоград (N=230), Хабаровск (N=216), Махачкала (N=104), Казань (N=69) и др. (N=64). 1270 респондентов (82.2%) указали свою профессиональную принадлежность (рис. 15): 53.8% респондентов в качестве рода занятий указали «студент» (подробнее см. Приложение 2).

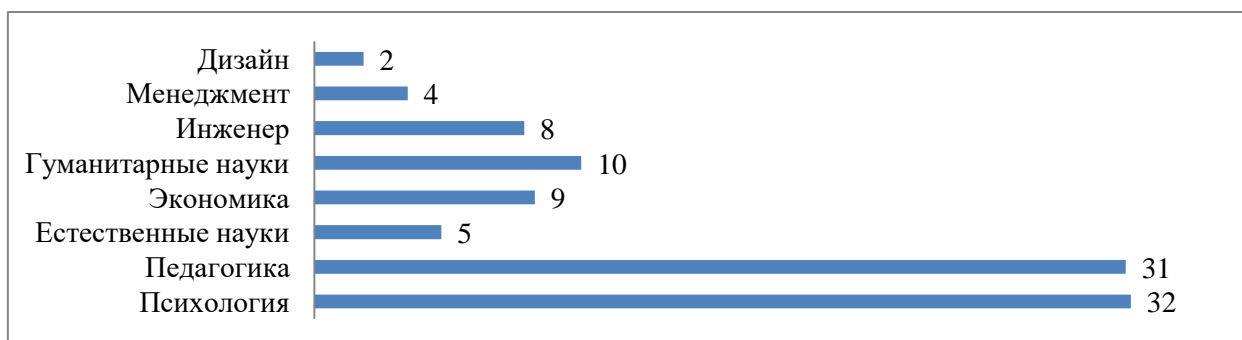

Рис. 15. Профессиональная принадлежность, %

Характеристика выборки по этническому составу и городу проживания. 1192 (77.2%) человека определили свою этническую принадлежность как русский и русская, 330 (21.2%) человек назвали иные национальности. 18 человек (1.2%) ответили «россияне», а остальные 5 (0.4%) – «не знаю» или «человек мира». В иные этнические группы вошли 97

представителей коренных народностей Дагестана (аварцы, кумыки, лакцы, табасаранцы, а также те, кто назвали себя дагестанцами), татары (72 чел.), армяне (27 чел.), украинцы (19 чел.), азербайджанцы (17 чел.), башкиры (16 чел.), белорусы (8 чел.), казахи (7 чел.), узбеки (6 чел.) и др. Территориально большинство представителей этнических групп проживают в следующих городах: русские респонденты, в основном, живут в Москве (N=759), Волгограде (N=202) и Хабаровске (N=182); татары – в Казани (N=66), представители дагестанских народностей – в Махачкале (N=97). Каждый второй респондент проживает в своем городе с рождения (рис. 16). Более 10 лет в городе пребывания в настоящий момент проживает четверть опрошенных. Каждый четвертый находится в городе проживания на момент проведения опроса менее 10 лет.

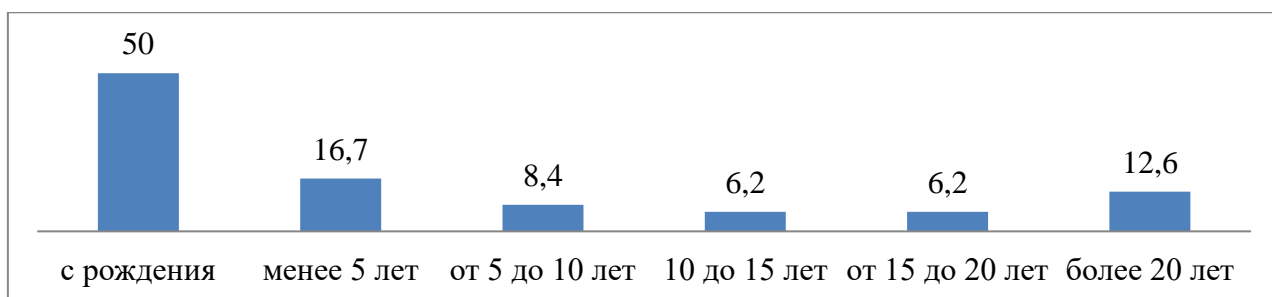

Рис. 16. Длительность проживания респондентов в своем городе, %

Характеристика выборки по представленности этнической и гражданской идентичности в структуре идентичности. По результатам данных методики «Кто я» 128 респондентов (12 %) указали свою этническую идентичность, а 133 (12,5 %) – гражданскую.

Характеристика выборки по языковому признаку. Выборка относительно языковой идентичности распределилась следующим образом: 86.9 % считают русский язык родным, 11.7 указали язык своей этнической группы, а 1.4 % оказались билингвами.

Языком общения в семье 87.6 % назвали русский, 8.2 % сообщили, что общаются в семье на двух языках, включая русский, 4.1 % – не на русском. Четверть респондентов не владеет другими языками, кроме родного (рис. 17). Каждый второй владеет еще одним языком, кроме родного.

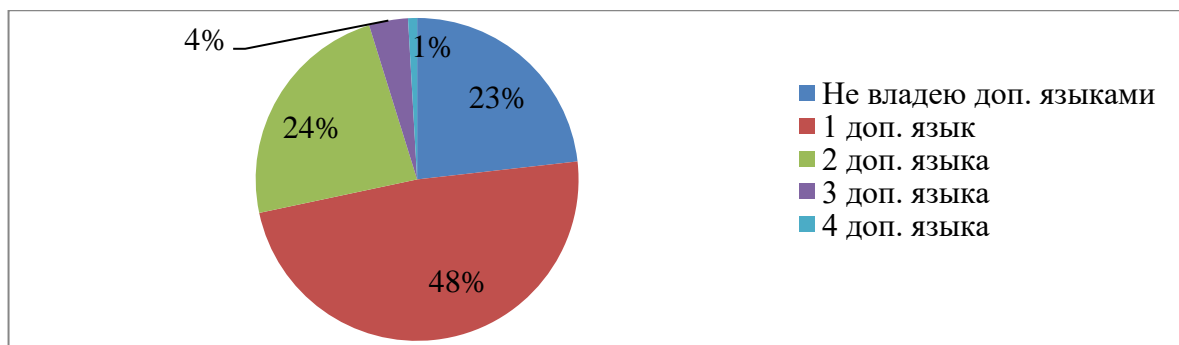

Рис. 17. Кол-во языков, которыми владеют респонденты кроме родного, %

Характеристика выборки по опыту межкультурной коммуникации.

По интенсивности межкультурного общения выборка распределилась следующим образом (рис. 18): каждый третий респондент ответил, что ежедневно общается с представителями других национальностей, несколько реже дали ответы «часто» и «иногда» (228 и 260 человек, соответственно). Каждый пятый общается очень редко; 48 человек (3%) не общаются никогда.

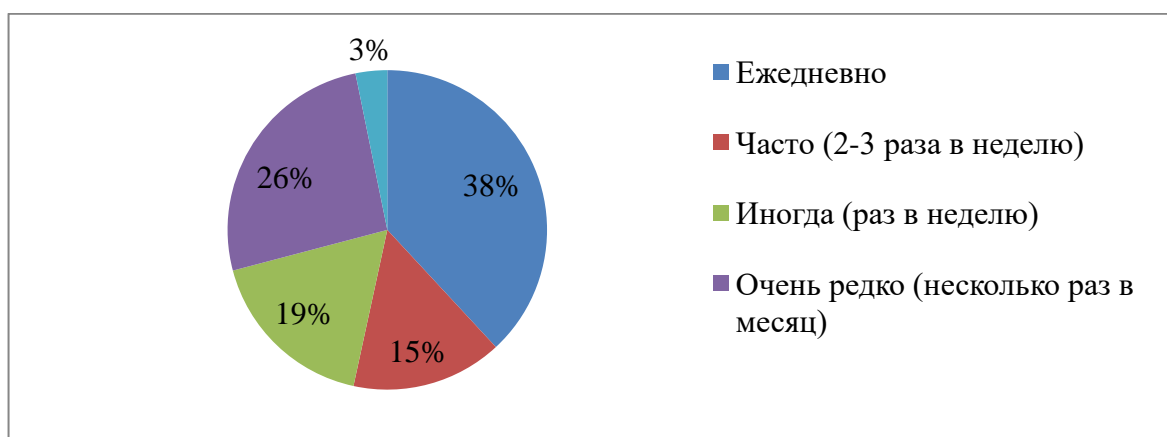

Рис. 18. Интенсивность общения с представителями других культур (без учета не ответивших), %

При оценке межкультурного социального капитала было выявлено, что у большинства респондентов есть друзья и коллеги других национальностей, причем у каждого третьего их достаточно много или большинство (рис. 19).

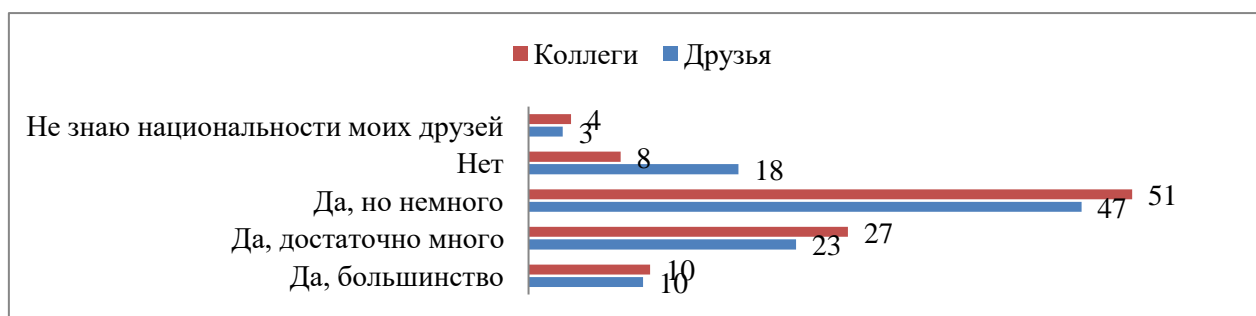

Рис. 19. Количество близких друзей и коллег других национальностей, %

Большинство не имело опыта проживания в другой стране (82 %). При этом выезжали за границу 72 % респондентов, каждый восьмой – по несколько раз в году.

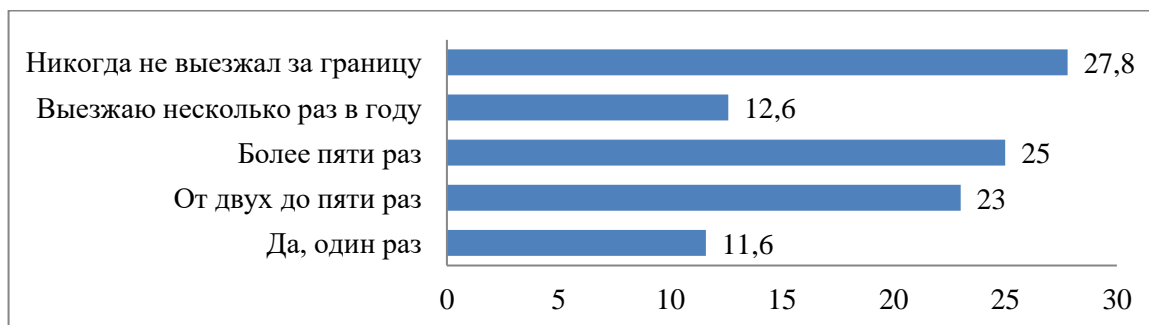

Рис. 20. Опыт поездок за границу, %

Более половины респондентов считают, что присутствие представителей других национальностей никак не сказывается на обстановке в учебной или рабочей среде (875 человек, 56.6%). Почти каждый третий (467 человек, 30.2%) оценивает такое влияние как положительное. К редким ответам относятся оценка влияния как негативного (50 человек, 3.2%) или «другое» (88 человек, 5.7%). 65 человек (4.2%) не ответили на этот вопрос.

При этом большинство оценивает свое взаимодействие с представителями других национальностей как в основном или очень успешное (рис. 21), практически каждый пятый оценили его как иногда успешное, а иногда – нет. Негативная оценка – как «в основном» или «совсем неуспешное» встречалась крайне редко (26 и 11 человек, соответственно, - 1.7% и 0.7%); 181 человек (11.7%) не дали ответа на этот вопрос.

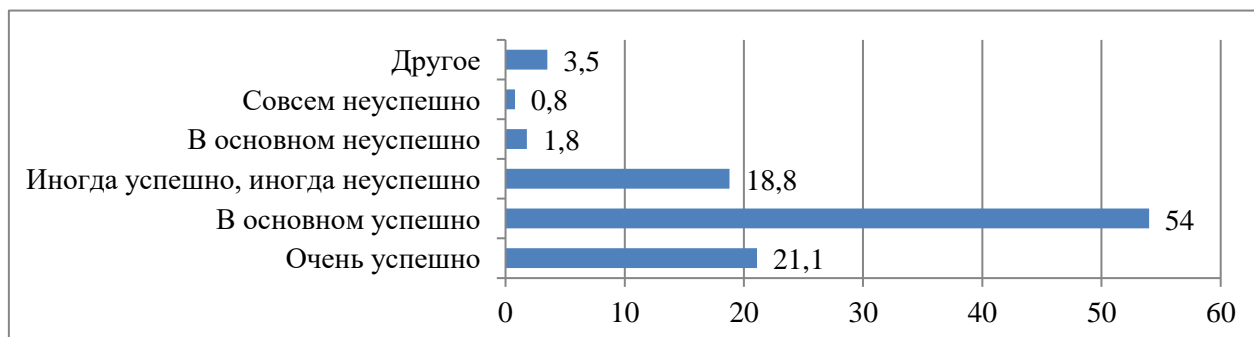

Рис. 21. Оценка опыта взаимодействия с представителями других национальностей, %

2.2. Адаптация методики «Расширенная шкала культурного интеллекта»²

Задача адаптации методики «Расширенная шкала культурного интеллекта» (Van Dyne et al., 2012) была поставлена в связи с отсутствием соответствующего целям исследования русскоязычного методического инструментария. В данном параграфе будут представлены результаты ее адаптации (Солдатова, Чигарькова, Рассказова, 2018; Soldatova, Chigarkova Rasskazova, 2017).

2.2.1. Этапы адаптации русскоязычной версии «Расширенной шкалы культурного интеллекта»

Адаптация шкалы включала следующие этапы:

1. *Прямой и обратный перевод шкалы.* После получения разрешения от авторов методики на ее использование в академических целях, ее перевод с английского на русский язык был осуществлен тремя профессиональными переводчиками. В связи с тем, что авторы методики допускают изменения субкомпонента «контекстные знания» (в оригинальном варианте КИ исследовался в организационном контексте, в связи с чем затрагивались вопросы лидерства, ведения переговоров, разрешения конфликтов) в соответствии с целями исследования, нами был изменен ряд утверждений (направленность на более широкий социальный контекст, т.е. знания о дружеских отношениях, семейном укладе, гендерных ролях и т.д.). Затем варианты перевода были представлены 6 экспертам – высококвалифицированным психологам и этнологам (кандидаты и доктора психологических и исторических наук). После корректировки пунктов на

---

² При подготовке данного раздела диссертации использованы публикации, выполненные в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные положения и выводы исследования: Чигарькова С.В. Апробация русскоязычной версии расширенной шкалы культурного интеллекта / Г.У. Солдатова, С.В. Чигарькова, Е.И. Рассказова // Психология. Журнал Высшей Школы экономики. — 2018. — Т. 15, № 3. — С. 510–526. IF RSCI – 1,244; (1.06/ 0.6 п.л.) Chigarkova S. Approbation of the expanded scale of cultural intelligence in Russia / G. Soldatova, S. Chigarkova, E. Rasskazova // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpSBS). — 2017. — Vol. 33. — P. 324–331. (0.92/ 0.5 п.л.).

основании экспертных оценок была утверждена русскоязычная версия опросника. Данный вариант был передан для обратного перевода трём профессиональным переводчикам, ранее не знакомым с текстом методики. После достижения эквивалентности первичного варианта и обратного перевода шкалы на английском языке этот вариант был принят для проведения основного исследования.

2. *Сбор данных.* Сбор данных проводился в 2016-2017 гг. в 10 городах РФ. 1387 респондентам методики предъявлялись в бумажном варианте, 158 респондентам – в электронном. Всего в апробации приняло участие 1545 человек. «Расширенная шкала культурного интеллекта» предъявлялась в составе батареи из 12 методик (см. параграф 2.2.1).

3. *Проверка конструктивной эквивалентности* русскоязычной версии шкалы оригиналу требует обоснования того, что структура, согласованность шкал и связь между ними соответствуют оригиналу (Burne, 2016). В соответствии с традицией (Poortinga, 1989), для обоснования надежности субшкал исследовались их согласованность и устойчивость во времени. Связь между шкалами оценивалась по результатам корреляционного анализа, а факторная структура – по результатам конфирматорного факторного анализа.

4. Для проверки *внешней валидности* шкалы, раскрывающей особенности ее связи с другими переменными (Burne, 2016), исследовались а) другие виды интеллекта (IQ и ЭИ), б) личностные черты Большой пятерки, в) жизнестойкость, г) толерантность, д) межкультурная сензитивность. В соответствии с данными исследований оригинальной версии шкалы, предполагалось, что, во-первых, уровни IQ и ЭИ могут быть положительно связаны с КИ, хотя эти связи могут быть слабыми или средними, поскольку КИ является самостоятельным конструктом. Во-вторых, такие личностные черты как экстраверсия и открытость новому опыту будут положительно связаны с КИ. В-третьих, жизнестойкость будет положительно связана с мотивационным компонентом культурного интеллекта. В-четвертых, общий

уровень толерантности и особенно субшкала «Этнической толерантности» будут положительно связаны с КИ. И, наконец, межкультурная сензитивность будет иметь сильную положительную связь с КИ. Проводился корреляционный анализ для определения взаимосвязей между показателями «Расширенной шкалы культурного интеллекта» и представленных методик.

2.2.2. Процедура и методы адаптации методики

В апробации методики приняли участие 1545 человек. Основные характеристики выборки описаны выше (параграф 2.1.2)

«Расширенная Шкала культурного интеллекта». Оригинальная методика (Van Dyne et al., 2012) состоит из 4 шкал и 37 утверждений с семибалльной шкалой оценки (от 1 – «полностью не согласен» до 7 – «полностью согласен»), все пункты шкалы – прямые. Пункты оригинальной методики с переводом представлены в приложении 1, русскоязычный вариант методики представлен в приложении 2 (блок 3). Далее при описании шкал методики будут приведены только несколько пунктов в качестве примера.

Шкала метакогнитивного компонента КИ включает 9 утверждений, по 3 утверждения в каждой субшкале: «Планирование» (*«Если у меня планируется важная встреча с представителем другой культуры, я пытаюсь представить, какие могут быть культурные различия между нами»*), «Осознание» (*«Я осознаю, как культурное происхождение людей может влиять на их мысли, чувства и действия»*), «Контроль» (*«В ситуации культурного непонимания я корректирую мои знания о данной культуре»*).

Шкала когнитивного компонента КИ состоит из 10 утверждений, по 5 утверждений в каждой субшкале: «Общие знания» (*«Я имею представления о разных религиях мира»*) и «Контекстные знания» (*«Я имею представления о различиях в поведении мужчин и женщин в разных культурах»*).

Шкала мотивационного компонента КИ содержит 9 утверждений, по 3 утверждения в каждой субшкале: «Внутренняя мотивация» (*«Меня*

обогащает взаимодействие с новой для меня культурой»), «Внешняя мотивация» («Наличие у меня межкультурных контактов и связей могло бы улучшить мою репутацию»), «Самооценка возможности адаптации к другой культуре» («Я уверен(а), что смогу приспособиться к условиям жизни в другой культуре»).

Шкала поведенческого компонента КИ включает 9 утверждений, по 3 утверждения в каждой субшкале; «Вербальное поведение» («В соответствии с культурным окружением я меняю степень эмоциональности своей речи»), «Невербальное поведение» («Я меняю дистанцию, на которой общаюсь, в зависимости от культуры собеседника»), «Речевые акты» («Я меняю способы выражения несогласия в речи в соответствии с культурным окружением»).

Методики для проверки внешней валидности. С целью проверки внешней валидности «Расширенной Шкалы культурного интеллекта» был использован ряд методик, схожих с методиками, использованными в апробации первоначальной англоязычной версии «Шкалы культурного интеллекта» (Van Dyne et al., 2008): «Большая пятерка личностных черт» Р. Маккрае и П. Коста (Хромов, 2000).; «Краткая версия теста жизнестойкости» (Осин, Рассказова, 2013); Экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Солдатова и др., 2008); «Шкала межкультурной сензитивности» (Логашенко, 2015). Отметим, что альфа Кронбаха по шкалам «Принятия» и «Абсолютизации» «Шкалы межкультурной сензитивности» по данной выборке составили 0,78 и 0,69. Надежность-согласованность двух других шкал была ниже 0,60, в связи с чем эти шкалы не обсуждаются далее. Перечисленные методики подробнее описаны выше (параграф 2.1.1).

Дополнительно с целью сопоставления культурного интеллекта с другими видами интеллекта 50 человек исходной выборки заполнили 2 методики:

1. «Краткий ориентировочный тест» Э.Ф. Вандрелика в адаптации В.Н. Бузина. Он состоит из 50 заданий и используется для диагностики общего

уровня интеллектуального развития индивида (далее – IQ) (Психологические исследования..., 1996).

2. «Опросник эмоционального интеллекта» Д.В. Люсина (Люсин, 2006), который состоит из 46 утверждений, 24 прямых и 22 обратных пункта с 4-балльной шкалой оценки (от 0 – «совсем не согласен» до 3 – «полностью согласен»). Методика направлена на диагностику различных аспектов эмоционального интеллекта (далее – ЭИ) и включает следующие шкалы: общий показатель эмоционального интеллекта (субшкалы – способность к пониманию своих и чужих эмоций и управление ими); межличностный эмоциональный интеллект (субшкалы – понимание эмоций других людей и управление ими); внутриличностный эмоциональный интеллект (субшкалы – понимание собственных эмоций и управление ими).

Для проверки *тест-ретестовой надежности* методики 44 студента из исходной выборки заполняли методику диагностики культурного интеллекта дважды с интервалом в 3 месяца, во время которых они слушали лекционные курсы «Этнопсихология» или «Психология межкультурных коммуникаций».

2.2.3. Описание результатов адаптации

Надежность-согласованность методики. Основные шкалы методики характеризуются высокой надежностью-согласованностью (альфа Кронбаха во всех случаях превышает 0.80, табл. 1). Надежность-согласованность субшкал методики ниже (0.62–0.79).

Таблица 1. Описательная статистика, надежность-согласованность субшкал культурного интеллекта

Шкалы и субшкалы культурного интеллекта		Среднее	Ст. откл.	α Кронбаха (N=1545)	Тест-рестовая корреляция r
	КИ - общий балл	169.17	29.78	0.93	0.62**
Шкалы	Знания	44.43	9.46	0.85	0.67**
	Стратегия	43.16	8.39	0.83	0.52**
	Мотивация	43.26	8.62	0.82	0.69**
	Поведение	38.32	9.46	0.86	0.67**

	Шкалы и субшкалы культурного интеллекта		Среднее	Ст. откл.	α Кронбаха (N=1545)	Тест-рестовая корреляция r
Субшкалы	Знания	Контекстные знания	21.51	5.37	0.82	0.70**
		Общие знания	22.93	4.96	0.68	0.60**
	Стратегия	Осознание	15.56	3.24	0.68	0.30*
		Планирование	13.08	3.65	0.71	0.59**
		Контроль	14.52	3.21	0.79	0.46**
	Мотивация	Внешняя мотивация	14.13	3.64	0.62	0.65**
		Внутренняя мотивация	14.89	3.65	0.72	0.60**
		Самоэффективность в адаптации	14.25	3.31	0.73	0.72**
	Поведение	Речевые акты	12.98	3.61	0.67	0.62**
		Вербальное поведение	12.38	3.57	0.65	0.55**
		Невербальное поведение	12.95	3.63	0.69	0.61**

Примечание. ** – $p < 0.01$, * – $p < 0.05$.

Факторная структура методики. При помощи конфирматорного факторного анализа исследовались показатели модели, включающей 11 первичных субшкал и 4 вторичных коррелирующих фактора. Ее превосходство над альтернативными моделями было продемонстрировано авторами оригинальной версии (Van Dyne et al., 2012). Разрешались корреляции ошибок между пунктами, относящимися к одной вторичной шкале, если они были содержательно обоснованы (Little, 2013). Например, из трех пунктов, входящих в субшкалу внутренней мотивации, пункт «*Меня обогащает взаимодействие с новой для меня культурой*» дополнительно связан с пунктом «*Мне нравится взаимодействовать с представителями других национальностей и культур*» формулировкой утверждения – о взаимодействии, тогда как третий пункт сформулирован скорее о репутации и наличии связей: «*Наличие у меня межкультурных контактов и связей могло бы улучшить мою репутацию*».

Кроме того, согласно индексам модификации, ответы на пункты методики существенным образом зависят от ответов испытуемых на предыдущий пункт. Для социально-психологических исследований такой

ауторегрессивный эффект – не редкость, но поскольку в данной методике этот эффект представляет ошибку измерения, он также задавался в модели. Итоговая модель характеризуется хорошим соответствием полученным эмпирическим данным (CFI=0.92, RMSEA=0.046 [95%CI 0.044 - 0.048], SRMR = 0.047, $\chi^2/df = 4.24$ – рис. 15).

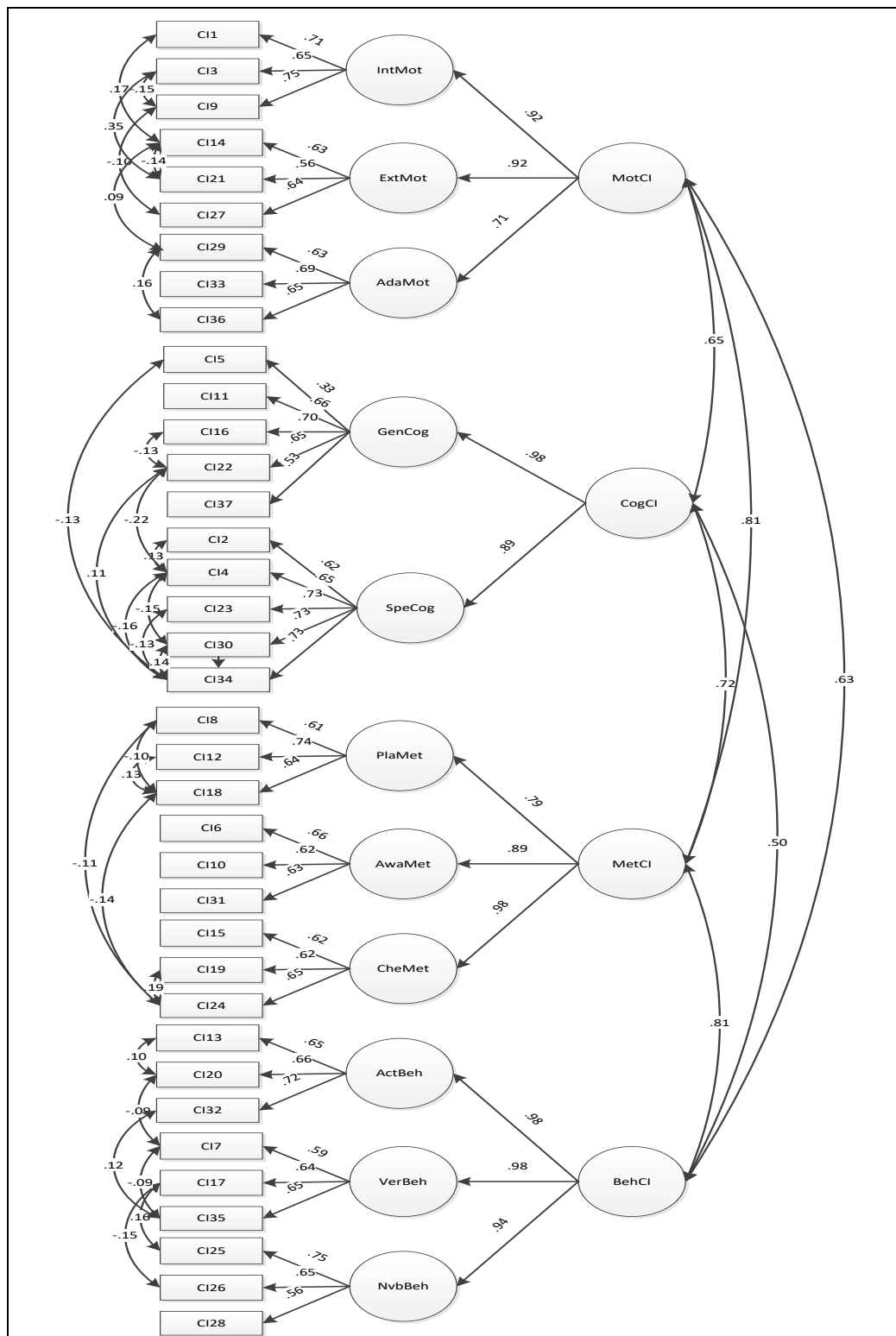

Рис. 22. Результаты конфирматорного факторного анализа «Расширенной шкалы культурного интеллекта»

Внешняя валидность методик. Для проверки внешней валидности субшкал КИ рассчитывались корреляции с показателями других методик с использованием r -коэффициента Пирсона (Табл. 2).

При сравнении культурного интеллекта с другими видами интеллекта были получены следующие результаты: 1) значимой корреляции IQ с общим показателем КИ выявлено не было, существуют слабые связи между IQ и метакогнитивным компонентом КИ и некоторыми субшкалами – «Внешняя мотивация», «Контекстные знания», «Планирование»; 2) общий показатель эмоционального интеллекта положительно связан с общим уровнем КИ, а также с когнитивным и поведенческим компонентами КИ. При анализе субшкал выявлено, что «Понимание эмоций» положительно связано с «Контекстными знаниями» ($r=0.43$, $p<0.01$), «Осознанием» ($r=0.41$, $p<0.01$), «Вербальным» ($r=0.49$, $p<0.01$) и «Невербальным поведением» ($r=0.42$, $p<0.01$); «Понимание чужих эмоций» коррелирует с «Контекстными знаниями» ($r=0.46$, $p<0.01$), «Вербальным» ($r=0.46$, $p<0.01$), «Невербальным поведением» ($r=0.48$, $p<0.01$).

При анализе корреляций с личностными чертами Большой пятерки были выявлены слабые связи экстраверсии и открытости опыту с общим показателем КИ, а также с его мотивационным и когнитивным компонентами.

Таблица 2. Корреляции «Расширенной шкалы культурного интеллекта» с другими методиками

Методики	Шкалы методик	КИ - общий балл	Компоненты культурного интеллекта			
			Мотивация	Знания	Стратегия	Поведение
Большая пятерка	Экстраверсия	0.219**	0.247**	0.205**	0.119**	0.146**
	Доброжелательность	0.194**	0.163**	0.101**	0.163**	0.213**
	Добросовестность	0.092**	0.077*	0.004	0.140**	0.090**
Мет	Шкалы методик	и ба лл	Компоненты культурного интеллекта			

			Мотивация	Знания	Стратегия	Поведение
Большая пятерка	Нейротизм	-0.046	-0.077*	-0.041	-0.052	0.014
	Открытость опыту	0.270**	0.277**	0.264**	0.163**	0.183**
Жизнестойкость		0.167**	0.185**	0.121**	0.170**	0.082**
Индекс толерантности	Общая толерантность	0.259**	0.331**	0.179**	0.152**	0.194**
	Этническая толерантность	0.291**	0.390**	0.228**	0.143**	0.198**
Межкультурная сензитивность	Принятие	0.444**	0.379**	0.267**	0.442**	0.387**
	Абсолютизация	0.087**	0.183**	0.064*	-0.006	0.045
IQ		0.263	0.254	0.247	0.286*	0.125
Эмоциональный интеллект	Общий уровень	0.384**	0.269	0.361**	0.227	0.397**
	Межличностный	0.365**	0.330*	0.402**	0.120	0.347*
	Внутриличностный	0.323*	0.168	0.258	0.267	0.358*
	Понимание	0.439**	0.251	0.431**	0.261	0.479**
	Управление	0.260	0.228	0.238	0.144	0.251
	Понимание чужих эмоций	0.455**	0.306*	0.470**	0.227	0.476**
	Управление чужими эмоциями	0.150	0.251	0.199	-0.036	0.095
	Понимание своих эмоций	0.312*	0.147	0.264	0.245	0.351*
	Управление своими эмоциями	0.262	0.176	0.220	0.216	0.253

Примечание. ** – $p < 0.01$, * – $p < 0.05$.

Было также проведено сравнение CQ с показателями жизнестойкости и толерантности. Жизнестойкость оказалась связана, хотя и слабо, со всеми компонентами КИ, чуть более высокие корреляции были обнаружены при сравнении с субшкалой мотивационного компонента КИ – самооффективность в адаптации ($r=0.212$, $p<0.001$). Общая толерантность

связана с общим показателем КИ и всеми его компонентами, но наиболее выражена связь с мотивационным компонентом ($r=0.331$, $p<0.01$). Более высокие показатели такой связи демонстрирует субшкала этнической толерантности ($r=0.390$, $p<0.01$). При детальном анализе наиболее сильная корреляция обнаружена между этнической толерантностью и внутренней мотивацией КИ ($r=0.465$, $p<0.001$). Наиболее высокие показатели взаимосвязи КИ и межкультурной сензитивностью были выявлены между шкалой принятия и общим показателем КИ ($r=0.444$, $p<0.01$), а также метакогнитивным ($r=0.442$, $p<0.01$), мотивационным ($r=0.379$, $p<0.01$) и поведенческим ($r=0.387$, $p<0.01$) компонентами.

Тест-ретестовая надежность шкалы. Корреляционный анализ подтверждает устойчивость во времени (тест-ретестовую надежность – табл. 2) большинства компонентов КИ. Лишь в двух случаях тест-ретестовая корреляция не превышает 0.50: относительно нестабильны «Осознание» и «Контроль» как компоненты метакогнитивного КИ. Результаты сравнения показателей культурного интеллекта при первом и втором замерах указывают, что общий балл КИ повышается при ретесте ($t=-2.62$, $p<0.05$) за счет повышения показателей по когнитивному ($t=-2.83$, $p<0.01$) и поведенческому ($t=-2.28$, $p<0.05$) компонентам.

2.2.4. Обсуждение результатов адаптации и выводы

В целом результаты свидетельствуют в пользу надежности и валидности шкалы культурного интеллекта.

Факторная структура методики. Конфирматорный факторный анализ подтверждает соответствие факторной структуры адаптированной методики оригиналу (Van Dyne et al., 2012) с выделением 11 субшкал и четыре коррелирующих шкалы. Тем не менее, нужно еще раз отметить, что ответы испытуемых на вопросы методики зависят от предыдущего вопроса, и этот ауторегрессивный эффект был учтен в конфирматорной модели для большей части пунктов методики.

Надежность-согласованность шкалы. Основные шкалы методики характеризуются высокой надежностью-согласованностью, что соответствует полученным на основе более краткой версии методики данным, где альфа Кронбаха варьирует для разных шкал и выборок 0.71–0.85 (Van Dyne et al., 2008). Надежность-согласованность субшкал методики ниже, однако, учитывая, что большинство из них состоит из трех пунктов, эти показатели также допустимы.

Внешняя валидность. Полученные данные подтверждают результаты исследований авторов данной методики как о самостоятельности конструкта культурного интеллекта, так и о наличии определенных связей с другими видами интеллекта и личностными чертами (Van Dyne et al., 2017). Отсутствие связи с IQ демонстрирует направленность культурного интеллекта на практический контекст, отличный от академических задач, только способность к стратегическому мышлению в ситуациях культурного многообразия может частично определяться общими когнитивными способностями. Напротив, эмоциональный и культурный интеллекты более связаны, поскольку (каждый по-своему) играют важную роль в успешности межличностного взаимодействия. Положительная связь КИ с такими личностными чертами, как открытость опыту и экстраверсия, показывает, что успешность межкультурного взаимодействия, особенно в контексте желания вступить в контакт с другими культурами и наличия широкого кругозора, определяется вышеуказанными личностными характеристиками, обуславливающими возможность получения удовольствия, в первую очередь, от новизны ситуации и разнообразия общения.

Все компоненты КИ положительно связаны с толерантностью, особенно с этнической толерантностью, и компонентом межкультурной сензитивности – «Принятием культурных различий», а жизнестойкость положительно связана с субшкалой «Самоэффективности в адаптации». Среди личностных черт Большой пятерки положительные связи существуют между КИ, открытостью опыту и экстраверсией. Таким образом, наши

гипотезы подтвердились: анализ корреляций компонентов и субкомпонентов шкалы КИ продемонстрировал наличие связей с рядом показателей, значимых в межкультурном взаимодействии.

Тест-ретестовая надежность шкалы. Несмотря на малый размер подвыборки, результаты тест-ретестовой надежности согласуются как с полученными для оригинальной версии данными о стабильности основных компонентов КИ (Van Dyne et al., 2008), так и с данными о возможности изменения КИ под действием различных внешних и внутренних факторов (Earley, Ang, 2003). Полученные данные о росте общего показателя КИ при втором замере совпадают с данными апробации краткой оригинальной версии «Шкала культурного интеллекта» (Van Dyne et al., 2008), которые авторы объясняют тем, что между двумя замерами респонденты изучали культурные ценности и участвовали в ролевых играх. В данном исследовании студенты также слушали курсы и участвовали в семинарах, связанных с культурным контекстом – «Этнопсихология» и «Психология межкультурных коммуникаций», что свидетельствует о возможности развития КИ в процессе обучения.

Таким образом, русскоязычная версия методики «Расширенная шкала культурного интеллекта» является надежным и валидным психодиагностическим инструментом. По данным исследования репрезентативной выборки респондентов были доказаны надежность-согласованность и ретестовая надежность методики. Конфирматорный факторный анализ обосновал правомерность выделенной факторной структуры, которая соответствует оригинальному англоязычному варианту. Проверка конвергентной и дискриминантной валидности подтвердила известные данные о корреляции основных шкал методики с другими видами интеллекта и личностными чертами Большой пятерки. Так были выявлены слабая связь IQ с метакогнитивным компонентом культурного интеллекта и средняя по силе связь ЭИ с общим уровнем культурного интеллекта и его компонентами. Были выявлены связи экстраверсии и открытости опыту с

общим показателем КИ, а также с мотивационным и когнитивным компонентами. Также были получены новые данные о связи КИ с межкультурной сензитивностью, толерантностью и жизнестойкостью. Все компоненты КИ положительно связаны с толерантностью, особенно с этнической толерантностью, и шкалой принятия культурных различий, а жизнестойкость положительно связана с субшкалой «Самоэффективности в адаптации».

2.3. Связь компонентов межкультурной компетентности с личностными характеристиками.

В данном параграфе мы рассмотрим связь компонентов культурного интеллекта и межкультурной сензитивности (шкала принятия различий) с рядом личностных характеристик, значимых для успешности межкультурного взаимодействия.

Для получения данных о связи мы применили метод корреляционного анализа с использованием r -коэффициента Пирсона. Рассмотрим полученные результаты (подробнее – Приложение 3). Отметим, что данные о связи культурного интеллекта с личностными чертами Большой пятерки, толерантностью и жизнестойкостью частично уже приведены в параграфе, посвященном исследованию внешней валидности при адаптации «Расширенной шкалы культурного интеллекта» (параграф 2.2.3).

2.3.1. Результаты

В таблице 3 представлены основные значимые связи между шкалами и субшкалами культурного интеллекта и шкалой принятия различий (межкультурная сензитивность) с личностными чертами Большой пятерки, жизнестойкостью, толерантностью к неопределенности, общей толерантностью и этнической толерантностью, эмпатией, позитивной этнической идентичностью, видами гиперидентичности (этноэгоизмом, этноизоляционизм, этнофанатизм). Подробнее остановимся на полученных результатах по каждой методике.

Таблица.3. Результаты корреляционного анализа показателей «Расширенной шкалы культурного интеллекта» и «Шкалы межкультурной сензитивности» (шкала принятия различий) с показателями других методик

Шкалы методик		Общий уровень КИ	Мотивация КИ	Субшкалы Мотивация КИ		Знания КИ	Поведение КИ	Стратегия КИ	Межкультурная сензитивность
				Внутренняя мотивация	Самозффектив. в адаптации				
Большая пятерка	Открытость	.280***	.287***	.287***	.182***	.267**	.192***	.175***	.159***
	Экстраверсия	.225***	.250***	.200***	.201***	.209**	.151***	.129***	.097**
	Добросовестность	.094**	.078*	.076*	.087***	.002	.094**	.143***	.205***
	Доброжелательность	.202***	.172***	.220***	.112***	.104**	.220***	.170***	.308***
Жизнестойкость		.167***	.182***	.135***	.212***	.116**	.084**	.175***	.131***
Толерантность к неопределенности		.285***	.294***	.258***	.232***	.217**	.199***	.234***	.187***
Эмпатия	Общий уровень эмпатии	.201***	.143***	.201***	.038	.195**	.175***	.147***	.151***
	Идентификация в эмпатии	.212***	.180***	.192***	.106***	.233**	.144***	.142***	0.101**
Индекс толерантности	Толерантность	.263***	.333***	.402***	.159***	.224**	.193***	.158***	.238***
	Этническая толерантность	.292***	.390***	.465***	.211***	.263**	.199***	.148***	.206***
Этническая идентичность	Позитивная этн. идентичность	.371***	.432***	.453***	.319***	.273**	.227***	.301***	.343***
	Этноэгоизм	-.376***	-.485***	-.516***	-.335***	-.323**	-.223***	-.211***	-.293***
	Этноизоляционизм	-.293***	-.381***	-.434***	-.212***	-.205**	-.191***	-.194***	-.283***
	Этнофанатизм	-.253***	-.314***	-.358***	-.160***	-.224**	-.138***	-.162***	-.200***

Примечание: * - $p < 0.05$, ** - $p < 0.01$, *** - $p < 0.001$

Связь компонентов межкультурной компетентности и Большой пятерки личностных черт. КИ и его компоненты положительно связаны с такими личностными чертами Большой пятерки как экстраверсия и открытость опыту. Поведенческий компонент КИ положительно связан с доброжелательностью ($r=0.220$, $p < 0.001$). Межкультурная сензитивность положительно связана, в первую очередь, с доброжелательностью ($r=0.308$,

$p < 0.001$), а также с добросовестностью ($r = 0.205$, $p < 0.001$). Связей с нейротизмом обнаружено не было, кроме совсем слабой отрицательной корреляции с «Самоэффективностью в адаптации» ($r = -0.168$, $p < 0.001$).

Связь компонентов межкультурной компетентности и жизнестойкости. Жизнестойкость наиболее сильно связана с субшкалой «Самоэффективность в адаптации» мотивационного компонента КИ ($r = 0.212$, $p < 0.001$). Межкультурная сензитивность слабо связана с жизнестойкостью ($r = 0.131$, $p < 0.001$).

Связь компонентов межкультурной компетентности и толерантность к неопределенности. Толерантность к неопределенности положительно связана с общим уровнем КИ ($r = 0.285$, $p < 0.001$), а также мотивационным ($r = 0.294$, $p < 0.001$), когнитивным ($r = 0.217$, $p < 0.001$) и метакогнитивным ($r = 0.234$, $p < 0.001$) компонентами КИ, и совсем слабо связана с чувствительностью к межкультурным различиям ($r = 0.187$, $p < 0.001$). Значимых связей с интолерантностью к неопределенности и межличностной интолерантностью к неопределенности получено не было.

Связь компонентов межкультурной компетентности с толерантностью и ксенофобией. Общий показатель толерантности положительно связан со всеми компонентами МК, в том числе, и с межкультурной сензитивностью ($r = 0.238$, $p < 0.001$). Наиболее сильно связаны эти компоненты с этнической толерантностью. Особенно это касается мотивационного компонента CQ ($r = 0.390$, $p < 0.001$), а именно внутренней мотивации ($r = 0.465$, $p < 0.001$).

Ксенофобические установки по отношению к различным социальным и этническим группам отрицательно связаны с компонентами МК, хотя эти связи достаточно слабые: с общим КИ ($r = -0.122$, $p < 0.001$), особенно с мотивацией ($r = -0.175$, $p < 0.001$), и межкультурной сензитивностью ($r = -0.104$, $p < 0.001$).

Связь компонентов межкультурной компетентности и эмпатии. Способность к эмпатии положительно связана со всеми компонентами МК:

общий уровень CQ с общим уровнем эмпатии ($r=0.201$, $p<0.001$) и с идентификацией ($r=0.212$, $p<0.001$); общий уровень эмпатии с внутренней мотивацией ($r=0.201$, $p<0.001$), контекстными знаниями ($r=0.210$, $p<0.001$); идентификация с когнитивным компонентом КИ ($r=0.233$, $p<0.001$), особенно контекстными знаниями ($r=0.232$, $p<0.001$). Общий уровень эмпатии слабо связан с принятием различий ($r=0.151$, $p<0.001$).

Связь компонентов межкультурной компетентности и типов этнической идентичности. Наиболее сильные связи среди других личностных характеристик получены между компонентами МК и некоторыми типами этнической идентичности. Культурный интеллект положительно связан с позитивной этнической идентичностью ($r=0.432$, $p<0.001$) и отрицательно с этноэгоизмом ($r=-0.485$, $p<0.001$), а также этноизоляционизмом ($r=-0.381$, $p<0.001$), этнофанатизмом ($r=-0.314$, $p<0.001$), более слабые связи обнаружены с гипоиентичностью: этнонигилизмом ($r=-0.134$, $p<0.001$) и этноиндифферентностью ($r=0.134$, $p<0.001$). Межкультурная сензитивность также положительно связана с позитивной этнической идентичностью ($r=0.343$, $p<0.001$) и отрицательно с этнонигилизмом ($r=-0.134$, $p<0.001$) и типами гиперидентичности: этноэгоизмом ($r=-0.293$, $p<0.001$), этноизоляционизмом ($r=-0.283$, $p<0.001$), этнофанатизмом ($r=-0.200$, $p<0.001$).

Связь компонентов межкультурной компетентности и ценностных ориентаций. Результаты выявили очень слабые связи индивидуализма, избегания неопределенности и потворства желаний с компонентами МК на уровне тенденций ($r<0.15$).

2.3.2. Обсуждение результатов и выводы

Полученные результаты исследования показали наличие значимых связей культурного интеллекта и межкультурной сензитивности с рядом личностных характеристик.

Гипотеза о связи компонентов МК с личностными чертами подтвердилась частично. Так, не было выявлено значимых связей с

эмоциональной стабильностью. Культурный интеллект и его компоненты оказались положительно связаны с такими личностными чертами Большой пятерки как экстраверсия и открытость опыту, а поведенческий компонент также положительно связан с доброжелательностью. При этом межкультурная сензитивность положительно связана с доброжелательностью и добросовестностью. Так, общительный, активный, открытый и любознательный человек больше мотивирован на взаимодействие с представителями разнообразных и незнакомых культур, обладает широким межкультурным кругозором и заинтересован в пополнении своего когнитивного капитала в мультикультурном пространстве.

Проявление культурного интеллекта в поведении связано с такой личностной чертой как доброжелательность. Дружелюбный человек более мягок в своих поведенческих реакциях, лучше способен гибко подстраиваться под требования коммуникативного взаимодействия в другой культурной парадигме. В силу своей отзывчивости и низкой конфликтности он чаще выбирает сотрудничающее поведение, стараясь избежать межкультурных разногласий. Человек с дружелюбным, открытым, отзывчивым и доверительным отношением к окружающим способен более тонко ощущать и легко принимать различия в культурных кодах. Ответственность, аккуратность и внимательность к правилам позволяют ему лучше осознавать силу влияния культуры на нормы, традиции и установки при социальном взаимодействии. Полученные результаты соответствуют данным эмпирических исследований о связи Большой пятерки с CQ (Ang et al., 2006; Oolders et al., 2008; Presbitero, 2016; Sahin et al., 2013) и межкультурной сензитивности (Гридунова и др., 2017; Novikova et al., 2017), а также других исследований МК (Caligiuri, 2000; Huang et al., 2005; Shaffer et al., 2006). Ряд исследований также показали, что экстраверты чаще, чем интроверты, могут инициировать социальные взаимодействия с людьми, относящимися к разным социокультурным контекстам (Liu, Huang, 2015; Mooradian, Swan, 2006).

Гипотеза о связи жизнестойкости с компонентами МК подтвердилась частично. Жизнестойкость связана с субшкалой мотивационного компонента КИ – самоэффективностью в адаптации. Действительно, приспособление к новой культурной среде является сложной жизненной ситуацией и требует наличия эффективных механизмов совладания со стрессом, активизируя такие внутренние ресурсы как жизнестойкость. Это частично согласуется с данными исследования модели МК, включающей в свою структуру жизнестойкость (Mendenhall et al., 2008). Межкультурная сензитивность слабо связана с жизнестойкостью. Так, осознание и принятие различий между культурами не требует задействования таких мощных личностных ресурсов как жизнестойкость.

Гипотеза о связи толерантности к неопределенности с компонентами МК подтвердилась. Толерантность к неопределенности положительно связана с общим уровнем КИ (в первую очередь, с мотивационным, когнитивным и метакогнитивным компонентами) и более слабо связана с чувствительностью к межкультурным различиям. Ситуация межкультурного общения и адаптации к инокультурной среде во многом характеризуется неопределенностью в связи с одновременным наложением различных культурных контекстов. Человек с таким выраженным личностным свойством как толерантность к неопределенности готов и мотивирован к взаимодействию с представителями других национальностей, заинтересован в знаниях о других культурах, не боится сложностей в построении новых стратегий при общении с людьми из других культурных миров. Полученные данные согласуются с данными исследований коориентационных и каузальных моделей МК (Byram, 1997; Deardorff, 2006; Gudykunst, 1993; Hammer et al., 1997; Imahori, Lanigan, 1989; Ting-Toomey, 1999).

Гипотеза о связи МК с толерантностью, в особенности этнической, также подтвердилась. Общий показатель толерантности положительно связан со всеми компонентами МК, в том числе, и с межкультурной сензитивностью, но наиболее сильная связь обнаружена с этнической

толерантностью. Этническая толерантность определяет отношение человека к представителям других этнических групп и установки в сфере межкультурного взаимодействия. Так, толерантные установки к этнокультурному разнообразию создают основание для позитивного отношения к ситуации межкультурного общения и ее участникам, интересу к вступлению в межкультурное взаимодействие и естественно способствуют его успешности. Роль этнической толерантности в эффективности межкультурного взаимодействия продемонстрирована как в эмпирических исследованиях (Новикова 2012, 2015; Почебут, 2012; Kealey, 1996; Kiechl, 1997; Pochebut, Logashenko, 2014), так и в экспертных оценках специалистов (Deardorff, 2006; Hatzler, Layes, 2010; Messner, Schäfer, 2012; Spitzberg, Changnon, 2009).

Гипотеза о связи МК с эмпатией подтвердилась. Способность к эмпатии положительно связана со всеми компонентами МК, хотя и достаточно слабо. Способность к сопереживанию эмоциональному состоянию другого является важной составляющей коммуникации в целом, в том числе, и межкультурной. Тем не менее, наши данные показывают, что в межкультурном контексте она не оказывается ключевой. Интересно, что аспектом эмпатии, имеющим несколько более выраженную связь с МК, выступает способность к идентификации, т.е. умение понять другого на основе сопереживания, постановки себя на место партнера. В основе идентификации с другим лежит легкость, подвижность и гибкость эмоций, способность к подражанию. Именно эти аспекты становятся более важными в опосредованном культурой общении. Полученные данные согласуются с позицией западных исследователей, рассматривающих в своих работах эмпатию как составляющую эффективной межкультурной коммуникации (Arasaratnam, Doerfel, 2005; Bennett, 1998; Chen, Starosta, 2005; Deardorff, 2006; Imahori, Lanigan, 1989; Spitzberg, Cupach, 1984; Van der Zee, Van Oudenhoven, 2000, и др.).

Гипотезы о связи типов этнической идентичности с МК подтвердились. Наиболее сильные связи среди других личностных характеристик получены между компонентами МК и некоторыми типами этнической идентичности. Такие данные могут свидетельствовать об особой значимости данной личностной характеристики в способности к осуществлению всего спектра адаптивной активности индивида в межкультурном контексте. Культурный интеллект и межкультурная сензитивность положительно связаны с позитивной этнической идентичностью, а отрицательно – с типами гиперидентичности и более слабо с этнонигилизмом. Так, позитивное отношение к своей группе и осознание своей этнической принадлежности при положительном отношении к другим этническим группам является залогом успешного межкультурного взаимодействия. Гиперидентичность, наоборот, препятствует такому взаимодействию. Полученные данные согласуются с исследованиями в этой области, в первую очередь, с работами в контексте теорий идентичности, где этнической идентичности уделяется ключевое внимание в межкультурном взаимодействии (Гриценко, 2006; Гуриева, 2010; Солдатова, 1998; Collier, 1989; Cupach, Imahori, 1993; Imahori, Lanigan, 1989; Ting-Toomey, Kugori, 1998 и др.).

Гипотеза о связи МК и ценностных ориентаций, выделенных Г. Хофстеде, не подтвердилась. Полученные нами данные могут свидетельствовать, что успешность человека в межкультурном взаимодействии не связана с ценностными ориентациями, закрепленными в культуре. Наши данные идут в разрез с рядом работ известных специалистов в области межкультурных коммуникаций, уделявшим внимание ценностным ориентациям в межкультурном взаимодействии (Hofstede, 1980; Inglehart, 1997; Kluckhohn, Strodtbeck, 1961; Schwartz, 1999; Trompenaars, Hampden-Turner, 1998; Weber, 1958; Williams, 1958 и др.). Возможно, это связано с тем, что различные ценностные ориентации разных культур в глобализирующемся мире могут одинаково выступать в качестве ресурса межкультурной коммуникации.

Таким образом, среди личностных характеристик наиболее сильные связи компонентов МК обнаружены с позитивной этнической идентичностью и видами гиперидентичности. Также получены данные о положительной связи компонентов МК с такими личностными чертами как экстраверсия, открытость опыту, доброжелательность и добросовестность, с жизнестойкостью и толерантностью к неопределенности, общей толерантностью и ее этническим компонентом, эмпатическими способностями. Полученные эмпирические результаты и теоретические изыскания могут, на наш взгляд, рассматриваться как основа для построения возможной системы личностных предикторов МК.

2.4. Модель личностных предикторов межкультурной компетентности.

Для исследования возможных предикторов МК был использован метод путевого анализа. В качестве зависимых переменных выступили мотивационный, когнитивный, метакогнитивный и поведенческий компоненты КИ, а также межкультурная сензитивность (шкала принятия различий). В качестве независимых переменных выступал ряд личностных и социокультурных характеристик. Поскольку исследование имеет корреляционный, а не экспериментальный характер, хотелось бы уточнить, что в данном случае мы употребляем термины «предиктор», «детерминанта», «влияние», «эффект», «вклад» с определенными ограничениями в рамках данной построенной модели. Так, определение причинно-следственных связей, то есть выбор зависимых и независимых переменных, в рамках модели обосновывается и определяется тем, что личностные свойства представляются более стабильными характеристиками личности, менее подверженными каким-либо изменениям по сравнению с межкультурной компетентностью, которая в большей степени формируется, трансформируется и развивается под воздействием различных факторов, что демонстрируют уже существующие в данной области теоретические и эмпирические работы (Ang, Van Dyne, 2008; Spitzberg, Cupach, 1984). Таким образом, в рамках этой работы мы исследуем схему взаимосвязей конструкторов, предполагая направление влияния, исходя из теоретических, содержательных соображений и согласованно с другими исследованиями.

2.4.1. Результаты

Путевой анализ позволяет построить модель взаимосвязей (как направленных, так и ненаправленных) и проверить соответствие данных заданной схеме отношений между наблюдаемыми переменными. Качество модели (соответствие эмпирическим данным) может быть оценено с помощью ряда индексов. В нашей работе мы используем квадратичную усредненную ошибку аппроксимации (RMSEA) и критерий согласия модели

(CFI). Это наиболее широко используемые показатели, при этом модель считается хорошей при значениях RMSEA ниже 0.08 (Browne, Cudeck, 1993), а для CFI – больше 0.9 (Bentler, 1990).

В первой предварительной модели зависимыми переменными выступили компоненты МК, а независимыми переменными (предикторами) были установлены все личностные черты Большой пятерки, все типы этнической идентичности, жизнестойкость, общая и этническая толерантность, общая эмпатия, показатель жизнестойкости, шкалы ориентации на изменения и друг на друга в культурно-ценностном дифференциале и шкалы «избегание неопределенности», «индивидуализм-коллективизм», «долгосрочная ориентация», «потворство желаниям» в методике Г. Хофстеда «Модуль исследования ценностей» (Value Survey Module-2013). Также в модель были заложены корреляции ошибок всех переменных, входящих в одну и ту же методику. Оценки этой модели оказались недостаточно высокими: $\chi^2(190)=1832.052$, CFI=0.791, RMSEA=0.093.

Далее, на основании анализа путей коэффициентов модели и модификационных индексов, полученных с помощью теста Лагранжа (Lagrange multiplier test, позволяющий выявить, добавление каких связей в модель улучшают её показатели) и теста Вальда (Wald test, позволяющий оценить изменение модели при исключении уже включенных в неё связей), модель была скорректирована. Предложенные на основании статистических тестов изменения модели оценивались с содержательной точки зрения и вводились на основании существующих теоретических работ и эмпирических данных в исследуемой области, а не механически. В данном случае зависимые переменные были те же, а в качестве независимых переменных выступили следующие личностные характеристики: экстраверсия, открытость опыту, добросовестность и доброжелательность Большой пятерки личностных черт, жизнестойкость, толерантность к неопределенности, этническая толерантность, эмпатическая способность к

идентификации, позитивная этническая идентичность и три типа гиперидентичности (этноэгоизм, этноизоляционизм, этнофанатизм). Анализ литературы позволил выделить ряд социокультурных характеристик, продемонстрировавших значимость в межкультурном взаимодействии. В связи с этим, в качестве независимых переменных также были добавлены показатели по владению языками и интегральный показатель межкультурного социального капитала, включивший данные по интенсивности межкультурного общения, количеству друзей и коллег другой национальности. Также в модель были заложены корреляции ошибок всех переменных, входящих в одну и ту же методику, и ряд корреляций между независимыми переменными. Оценки данной модели оказались соответствующими показателям хорошей модели: $\chi^2(95)=601.687$, CFI=0.918, RMSEA=0.076. Эти показатели заметно лучше, чем в первой модели, и далее мы будем обсуждать именно её.

Рассмотрим полученную модель и вклад личностных и социокультурных характеристик в уровень МК (табл. 4).

Согласно нашей модели, позитивная этническая идентичность детерминирует все компоненты МК, при этом наиболее сильно этот эффект проявляется при рассмотрении мотивационного и метакогнитивного компонентов КИ.

Открытость опыту вносит значимый вклад во все компоненты КИ, в первую очередь, в мотивационный и когнитивный. Другие личностные черты Большой пятерки также значимо детерминируют ряд компонентов МК. Так, экстраверсия может определять уровень мотивационного и когнитивного компонентов КИ. Такая личностная черта как доброжелательность вносит вклад в поведенческий компонент КИ и межкультурную сензитивность, а добросовестность – в метакогнитивный компонент КИ и межкультурную сензитивность.

Выраженность различных типов гиперидентичности оказывает отрицательный эффект на ряд компонентов МК: на когнитивный компонент

КИ – выраженность всех видов гиперидентичности, на мотивационный КИ – только этноэгоизм, а на межкультурную сензитивность – этноэгоизм и этноизоляционизм.

Такая личностная характеристика как толерантность к неопределенности вносит вклад в определение уровня метакогнитивного и поведенческого компонента КИ, а также межкультурной сензитивности.

Ряд выделенных факторов оказывает эффект только на один из компонентов МК: этническая толерантность имеет вес в определении уровня мотивационного компонента КИ, жизнестойкость влияет на поведенческий компонент КИ, а эмпатическая способность к идентификации – на когнитивный КИ.

Знание языков является предиктором уровня, в первую очередь, когнитивного компонента культурного интеллекта, а также мотивационного и метакогнитивного.

Межкультурный социальный капитал имеет эффект на поведенческий, мотивационный и когнитивный компоненты культурного интеллекта.

Таблица 4. Показатели взаимосвязей на основе метода путевого анализа

Шкалы			Зависимые переменные				
			Мотивация КИ	Знания КИ	Стратегия КИ	Поведение КИ	Межкультурная сензитивность
Независимые переменные	Социокульт. факторы	Знание языков	0.113*	0.250*	0.086*	-	-
		Межкультурный социальный капитал	0.086*	0.065*	-	0.099*	-
	Личностные черты	Экстраверсия	0.115*	0.067*	-	-	-
		Доброжелательность	-	-	-	0.127*	0.178*
		Добросовестность	-	-	0.107*	-	0.092*
		Открытость	0.117*	0.115*	0.081*	0.088*	-
	Этническая идентичность	Позитивная этн. идентичность	0.236*	0.177*	0.211*	0.114*	0.170*
		Этноэгоизм	-0.228*	-0.138*	-	-	-0.090*
		Этноизоляционизм	-	-0.108*	-	-	-0.082*
		Этнофанатизм	-	-0.065*	-	-	-

Шкалы		Мотивация КИ	Знания КИ	Стратегия КИ	Поведение КИ	Межкультурная сензитивность
Факторы совладания с разнообразием, сложностью и неопределенностью	Жизнестойкость	-	-	0.049*	-	-
	Этническая толерантность	0.103*	-	-	-	-
	Толерантность к неопределённости	-	-	0.103*	0.077*	0.094*
	Идентификация в эмпатии	-	0.062*	-	-	-
<i>R-квадрат</i>		.275	.174	.098	.078	.150

Примечание: *– регрессионные коэффициенты значимо отличаются от нуля на уровне $p < 0.05$.

На основании анализа корреляции ошибок рассмотрим полученные связи между зависимыми переменными (Табл. 5). Все компоненты КИ связаны друг с другом. Стоит отметить, что мотивационный компонент КИ более сильно связан с когнитивным и метакогнитивным компонентами, а поведенческий – с метакогнитивным. Межкультурная сензитивность связана со всеми компонентами КИ, но более сильная связь выявлена с метакогнитивным и поведенческим компонентами.

Таблица 5. Корреляции ошибок зависимых переменных

	Мотивация КИ	Знания КИ	Стратегия КИ	Поведение КИ
Знания КИ	0.522	-	-	-
Стратегия КИ	0.520	0.522	-	-
Поведение КИ	0.380	0.384	0.651	-
Принятие различий (межкультурная сензитивность)	0.233	0.159	0.356	0.296

Примечание: все корреляции значимы на уровне $p < 0.05$.

Рассмотренные предикторы МК также можно анализировать в системе связей друг с другом. Остановимся на наиболее сильных и значимых из них.

Среди личностных черт Большой пятерки, включенных в анализируемую модель, наиболее сильная связь прослеживается между добросовестностью и доброжелательностью ($r=0.437$, $p<0.001$), а также между открытостью опыту и экстраверсией ($r=0.433$, $p<0.001$).

При рассмотрении различных типов этнической идентичности обнаружены связи между всеми видами гиперидентичности: этноэгоизм и этноизоляционизм ($r=0.710$, $p<0.001$), этнофанатизм и этноэгоизм ($r=0.603$, $p<0.001$), этноизоляционизм и этнофанатизм ($r=0.710$, $p<0.001$). При этом выраженность позитивной этнической идентичности отрицательно связана со всеми видами гиперидентичности: и с этноэгоизмом ($r=-0.387$, $p<0.01$), и с этноизоляционизмом ($r=-0.371$, $p<0.001$), и с этнофанатизмом ($r=-0.239$, $p<0.01$).

Этническая толерантность связана с выраженностью различных типов этнической идентичности: положительно – с позитивной этнической идентичностью ($r=0.328$, $p<0.01$), отрицательно – с этноэгоизмом ($r=-0.554$, $p<0.001$), этноизоляционизмом ($r=-0.510$, $p<0.001$) и этнофанатизмом ($r=-0.451$, $p<0.001$).

Такое личностное свойство как толерантность к неопределенности оказалась связана с открытостью опыту ($r=0.417$, $p<0.001$) и экстраверсией ($r=0.279$, $p<0.01$).

Жизнестойкость положительно связана с такими личностными чертами как экстраверсия ($r=0.282$, $p<0.01$) и добросовестность ($r=0.299$, $p<0.01$).

Эмпатийная способность к идентификации имеет положительную связь с открытостью опыту ($r=0.408$, $p<0.001$).

Такой параметр как знание языков оказалось положительно связано с межкультурным социальным капиталом ($r=0.237$, $p<0.01$).

2.4.2. Обсуждение результатов

На основании теоретических работ и эмпирических данных мы предложили ряд предикторов, предположительно оказывающих эффект на

способность к успешному взаимодействию в межкультурной среде – на межкультурную компетентность. Подчеркнем, что причинно-следственные связи в рамках модели обосновываются и определяются тем, что личностные свойства и социокультурные факторы представляются более стабильными характеристиками, менее подверженными каким-либо изменениям по сравнению с МК, которая в большей степени формируется, трансформируется и развивается под воздействием различных факторов (Ang, Van Dyne, 2008; Spitzberg, Cupach, 1984).

В конечную модель вошли не все выделенные изначально личностные характеристики, так что полученные данные отчасти согласуются с нашей гипотезой о предикторах МК. На основании теоретико-эмпирического анализа, а также результатов статистического анализа, в итоговый вариант модели были включены следующие социокультурные и личностные характеристики: социальный межкультурный капитал и владение языками, представляющие социокультурные факторы; такие личностные черты как экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, открытость; этническая идентичность; этническая толерантность, толерантность к неопределенности, жизнестойкость и эмпатическая способность к идентификации, представляющие важные специфические личностные характеристики, значимые в совладании с межкультурным разнообразием, сложностью и неопределенностью. Оценки построенной на основании выделенных факторов модели оказались соответствующими показателям хорошей модели (Bentler, 1990; Browne, Cudeck, 1993).

Среди выделенных для анализа личностных характеристик наибольший вклад в большинство компонентов МК вносит позитивная этническая идентичность, а также открытость опыту.

Позитивная этническая идентичность детерминирует все компоненты МК, при этом наиболее сильно этот вклад проявляется в мотивационном и метакогнитивном компонентах КИ. Так, респонденты, позитивно ощущающие свою принадлежность к определенной культуре и с уважением

относящиеся к представителями других культур, могут оказываться наиболее предрасположены к формированию более высокого уровня МК (Гусева, 2004; Лебедева, Лунева, Стефаненко, 2004; Солдатова, 1998; Collier, 1989; Cupach, Imahori, 1993; Imahori, Lanigan, 1989; Ting-Toomey, Kugori, 1998). В первую очередь, они мотивированы к вступлению в межкультурную коммуникацию, а также осознают свою идентичность, учитывают то, как она может влиять на межкультурное взаимодействие, заранее продумывают возможные траектории развития такого взаимодействия и готовы корректировать свои представления о другой культуре в соответствии с полученным опытом.

Открытость опыту выступает предиктором всех компонентов КИ, в первую очередь, мотивационного и когнитивного. Это может быть одним из свидетельств того, что респонденты, отличающиеся такими личностными характеристиками как открытость к новым возможностям, рискованность, оригинальность и широта интересов, могут обладать, в первую очередь, более высокой мотивацией для вступления в межкультурное взаимодействие, будут стремиться к расширению своих знаний о разных культурах, а также более готовы выстраивать стратегии коммуникации с представителями различных культур и реализовать соответствующие культурному контексту поведенческие реакции. Предиктивная сила открытости опыта продемонстрирована в исследованиях как КИ (Ang et al., 2006; Oolders et al., 2008; Sahin et al., 2013; Van Dyne, Ang, Tan, 2017), так и других моделей МК (например, Van Oudenhoven, Van der Zee, 2002).

Таким образом, выраженность позитивной этнической идентичности и открытости опыту может способствовать гармоничному сочетанию различных видов активности в межкультурном взаимодействии. С одной стороны, она способствует актуальной адаптации к инокультурным условиям за счет способности открываться новому и толерантно относиться к нормам другой культуры. С другой стороны, это позволяет осуществлять преадаптивную активность, основанную на сочетании уважения к

собственной культуре и интересу к новому опыту при возможном взаимодействии с другими культурами, а также неадаптивную активность, направленную на выход за рамки существующих моделей межкультурного взаимодействия за счет творческого оригинального подхода.

Другие личностные черты Большой пятерки также могут определять ряд компонентов МК. Так, экстраверсия вносит свой вклад в формирование мотивационного и когнитивного компонентов КИ. Экстраверт, испытывающий положительные эмоции при общении, хорошо ощущающий себя в социуме и ожидающий от окружающих позитивных реакций, более настроен на вступление во взаимодействие с представителями различных культур, готов изучать другие культуры и накапливать знания о них, осуществляя как актуальную адаптацию, так и преадаптацию к межкультурному контексту. Такая личностная черта как доброжелательность может оказывать эффект на поведенческий компонент КИ и межкультурную сензитивность, а добросовестность – на метакогнитивный компонент КИ и межкультурную сензитивность. Доброжелательный человек, ладящий с другими людьми, приятный в общении и думающий о других, глубже ощущает и принимает различия в культурных кодах, а также лучше выстраивает свое поведение в соответствии с данными кодами в межкультурной среде. Дисциплинированность и аккуратность как составляющие фактора добросовестности предрасполагают к внимательной и ответственной разработке стратегий построения взаимоотношений с представителями других культур с учетом существующих культурных различий. Такие данные подтверждаются в исследованиях в области КИ (Ang et al., 2006; Oolders et al., 2008; Sahin et al., 2013; Van Dyne, Ang, Tan, 2017). Приведенные личностные черты могут обеспечивать актуальную адаптацию и преадаптацию к инокультурному пространству.

Выраженность различных типов гиперидентичности оказывает отрицательное влияние на ряд компонентов МК. Согласно полученным результатам, респонденты с выраженной гиперидентичностью будут

демонстрировать более низкие показатели по когнитивному компоненту КИ, т.е. не будут стремиться к расширению своего кругозора в межкультурном контексте или изучению иностранных языков. Выраженность этноэгоизма и этноизоляционизма возможно осложняет развитие способности к осознанию и принятию различий, существующих в разных культурных мирах. Индивид с идентичностью по типу гиперидентичности с большим затруднением будет адаптироваться к инокультурной среде (Гусева, 2004; Лебедева, Лунева, Солдатова, 1998; Стефаненко, 2014), а тем более осуществлять преадаптивную активность.

Такая личностная характеристика как толерантность к неопределенности вносит вклад в формирование метакогнитивного и поведенческого компонента КИ, а также межкультурной сензитивности. Таким образом, способность справляться в ситуациях, характеризующихся новизной, изменчивостью и нестабильностью, открывает возможности видеть и принимать культурные различия, развивать умение стратегически мыслить и реализовывать свои планы в поведении, осуществляя, в том числе, и неадаптивную активность в межкультурном контексте, предлагая новые способы решения задач и форматы построения отношений. Полученные данные согласуются с научными представлениями о роли толерантности к неопределенности в межкультурном контексте (Byram, 1997; Deardorff, 2006; Gudykunst, 1993; Hammer et al., 1997; Imahori, Lanigan, 1989; Ting-Toomey, 1999).

Ряд выделенных факторов оказывает слабый эффект только на один из компонентов МК: этническая толерантность имеет вес только в определении уровня мотивационного компонента КИ, жизнестойкость оказывает эффект только на поведенческий компонент КИ, а эмпатическая способность к идентификации – на когнитивный КИ. Так, психологическая устойчивость личности и уважение к культурному разнообразию могут, некоторым образом, детерминировать интерес к другим культурам и готовность к взаимодействию с их представителями. Эти результаты уточняют

существующие представления о роли толерантности в межкультурном взаимодействии (например, Новикова 2012, 2015; Почебут, 2012; Deardorff, 2006). Система установок, связанная с уверенностью в своих возможностях совладать с различными жизненными ситуациями, частично определяет успешность поведения непосредственно в межкультурной среде. В качестве подкрепления данных результатов можно привести концепцию межкультурной компетентности, опирающуюся на жизнестойкость как важный ее элемент (Mendenhall et al., 2008). Умение понять другого через сопереживание и подражание способствует легкости в расширении своего кругозора через освоение знаний о других культурах. Эти данные согласуются с существующими моделями МК, уделяющими эмпатии важное место в межкультурном взаимодействии (Arasaratnam, Doerfel, 2005; Deardorff, 2006; Imahori, Lanigan, 1989; Van der Zee, Van Oudenhoven, 2000).

Знание языков является предиктором, в первую очередь, уровня когнитивного компонента КИ, а также мотивационного и метакогнитивного. Изучение языков ведет к обогащению знаний о других культурах, мотивирует к столкновению с новыми культурными парадигмами, способствует более осознанному построению межкультурной коммуникации на стратегическом уровне. Так, метаанализ 28 эмпирических исследований с общей выборкой 4523 респондента продемонстрировал значимый эффект владения иностранным языком на социокультурную адаптацию (Wilson et al., 2013).

Межкультурный социальный капитал вносит вклад в поведенческий, мотивационный и когнитивный компоненты КИ. Интенсивность повседневного контакта с межкультурной средой, широта социальных связей с представителями разных этносов предрасполагает к поведенческим реакциям, адекватным разнообразному межкультурному окружению, к заинтересованности в межкультурном взаимодействии и повышению осведомленности об универсальных и специфических характеристиках культур. Предыдущие исследования также показали, что иностранные

студенты, больше общающиеся со своими сверстниками, обладают более развитыми социальными навыками (Trice, 2004) и более успешно «вписываются» в культурный контекст (Kagan, Cohen, 1990; Wolff, Borzikowsky, 2018), имеют больше возможностей обучиться правилам и поведенческим моделям нормативного социального взаимодействия в рамках другой культуры (Mak, Buckingham, 2007).

Результаты показывают наличие связи между зависимыми переменными. Все компоненты КИ связаны друг с другом, при этом мотивационный компонент КИ более сильно связан с когнитивным и метакогнитивным компонентами, а поведенческий – с метакогнитивным. Таким образом, интерес к другим культурам и желание вступать в межкультурное взаимодействие больше связаны с обладанием широкими знаниями о различных культурах, а также с осознанием особенностей своей идентичности, ее влияния на межкультурную коммуникацию и способностью это влияние учитывать при планировании межкультурного взаимодействия. В то же время, успешность поведения в межкультурной среде в несколько меньшей степени связана с осведомленностью о других культурах или желанием вступать во взаимодействие с ними, а в большей степени определяется способностью осознавать свою этническую принадлежность, учитывать ее вклад в межкультурную коммуникацию, выстраивать стратегию межкультурного взаимодействия и корректировать ее на основании полученного опыта.

Межкультурная сензитивность связана со всеми компонентами КИ, но наиболее сильная связь выявлена с метакогнитивным и поведенческим компонентами. Это свидетельствует о том, что готовность признавать и принимать наличие культурных различий и необходимость их учёта и уважения в процессе межкультурного взаимодействия связана, в первую очередь, со способностью планировать и контролировать межкультурное взаимодействие, анализировать и рефлексировать особенности менталитета, идентичности и различных культурных норм. Также принятие культурного

разнообразия облегчает реализацию в межкультурном контексте адекватных поведенческих реакций, соответствующих установленным в культуре правилам и традициям.

Таким образом, полученные данные позволяют нам рассматривать представленные компоненты как единую систему связанных показателей феномена МК.

Рассмотренные предикторы МК также можно рассматривать в системе связей друг с другом. Среди личностных черт Большой пятерки, включенных в анализируемую модель, наиболее сильная связь прослеживается между добросовестностью и доброжелательностью, а также между открытостью опыту и экстраверсией, что соответствует уже известным данным (Хромов, 2000). При рассмотрении различных типов этнической идентичности обнаружены связи между всеми видами гиперидентичности. При этом выраженность позитивной этнической идентичности отрицательно связана со всеми видами гиперидентичности, что соответствует логике концепции типов этнической идентичности (Солдатова, 1998). Этническая толерантность связана с выраженностью различных типов этнической идентичности: положительно – с позитивной этнической идентичностью, отрицательно – с типами гиперидентичности (Солдатова, 1998). Такое личностное свойство как толерантность к неопределенности оказалось связано с открытостью опыту и экстраверсией, что полностью согласуется с результатами предыдущих исследований (Корнилова, 2010). Жизнестойкость положительно связана с такими личностными чертами как экстраверсия и добросовестность (Леонтьев, Рассказова, 2006). Эмпатийная способность к идентификации имеет положительную связь с открытостью опыту (Magalhães, Costa, Costa, 2012).

Знание языков положительно связано с межкультурным социальным капиталом. Это согласуется с другими исследованиями, которые демонстрируют, что владение языками связано с обладанием более широким кругом инокультурных контактов и наличием дружеских отношений с

представителями других культур (Gullahorn, Gullahorn, 1966; Shannon, Begley, 2008; Ward, Kennedy, 1993; Zimmerman, 1995).

По полученным данным наибольший вклад в понимание феномена МК вносят такие личностные характеристика, как позитивная этническая идентичность и личностная черта – открытость опыту. Наиболее полно выделенные предикторы объясняют мотивационный компонент КИ, а также, хотя несколько слабее, когнитивный компонент КИ и межкультурную сензитивность. Намного слабее рассмотренные предикторы связаны с поведенческим и метакогнитивным компонентами КИ. Мы можем говорить о том, что данные личностные характеристики более полно предсказывают мотивацию индивида к вступлению в межкультурное взаимодействие, его интерес к культурному разнообразию, его осведомленность о других культурах и принятие различий культурных миров. При этом выстраивание стратегии межкультурного взаимодействия и непосредственная реализация этих стратегий в поведении оказываются более непростыми процессами, которые оказывается сложнее предсказать на основании выделенных личностных характеристик.

Такая сложная сфера жизнедеятельности как межкультурная коммуникация требует глубокого и многостороннего изучения, и анализ предикторов межкультурного взаимодействия не ограничивается выделенными нами социокультурными и личностными факторами, а предложенные нами характеристики требуют дальнейшего глубокого и многостороннего изучения. Тем не менее, полученные результаты согласуются с выдвинутой гипотезой, и рассмотренные нами характеристики могут вносить вклад в понимание способности к успешному межкультурному взаимодействию и обладают определенной предиктивной силой. Рассмотренные предикторы соотносятся с актуальной адаптивной, преадаптивной и неадаптивной активностями личности в межкультурном контексте и, в той или иной мере, обеспечивают возможность их осуществления. Стоит отметить, что новизна полученных данных также

определяется тем, что одним из основных предикторов МК оказывается такая интегральная личностная характеристика как этническая идентичность. В дальнейшем следует более детально разработать взаимоотношения между предикторами, как они опосредствуют друг друга и в какой роли выступают (медиаторы и модераторы), что позволит более полно увидеть сложные отношения между феноменами в рамках заданной системы. Исследование предикторов МК в формате путевой модели позволяет выделить линейные связи, что представляет полученные результаты в общем виде. Тем не менее, формирование МК не является линейным процессом (Spitzberg, 2000), что требует более содержательного анализа. Для этого, на наш взгляд, необходимо исследование разных сочетаний компонентов МК, обеспечивающих ту или иную стратегию поведения в межкультурном пространстве и возможность осуществления различных видов адаптивной активности личности в нем.

2.5. Типы межкультурной компетентности личности

Для комплексного анализа предикторов МК было решено выделить группы респондентов на основании различного сочетания её компонентов, а затем провести анализ различий между ними по ряду социокультурных и личностных характеристик. На наш взгляд, такой подход может выявить содержательные особенности формирования МК у разных групп людей и определить специфические её типы, характеризующиеся наличием различных ресурсов для осуществления актуальной адаптивной, преадаптивной и неадаптивной активности личности в межкультурном контексте.

Для выделения групп респондентов с разным типом МК был проведен иерархический кластерный анализ с использованием метода Варда (Ward, 1963). В анализ были включены 5 переменных – мотивационный, когнитивный, метакогнитивный и поведенческий компоненты КИ, а также межкультурная сензитивность (только шкала принятия различий, в связи с наиболее высокими показателями надежности-согласованности по сравнению с другими шкалами методики). Были использованы данные только тех респондентов, которые заполнили все методики без пропусков (N=1029).

На основании анализа дендрограммы было выделено 5 кластеров (групп) респондентов (рис. 23). Группы значимо различались по всем пяти показателям (результаты дисперсионного анализа представлены в табл. 6.).

Таблица 6. Результаты дисперсионного анализа групп по показателям КИ и межкультурной сензитивности.

Шкала	F-отношение	Значимость
Мотивация КИ	F(4, 1024) = 296.20	p < 0.001
Знания КИ	F(4, 1024) = 324.28	p < 0.001
Стратегия КИ	F(4, 1024) = 412.46	p < 0.001
Поведение КИ	F(4, 1024) = 258.29	p < 0.001
Межкультурная сензитивность (шкала принятия различий)	F(4, 1024) = 168.61	p < 0.001

Кратко остановимся на каждом из кластеров с учетом готовности и способности представителей данных групп к осуществлению активности различной направленности в межкультурном контексте. В основе выделения типов лежит представление о том, что любая деятельность в межкультурном контексте, в первую очередь, характеризует различную степень и формы адаптации личности к инокультурному или поликультурному контексту.

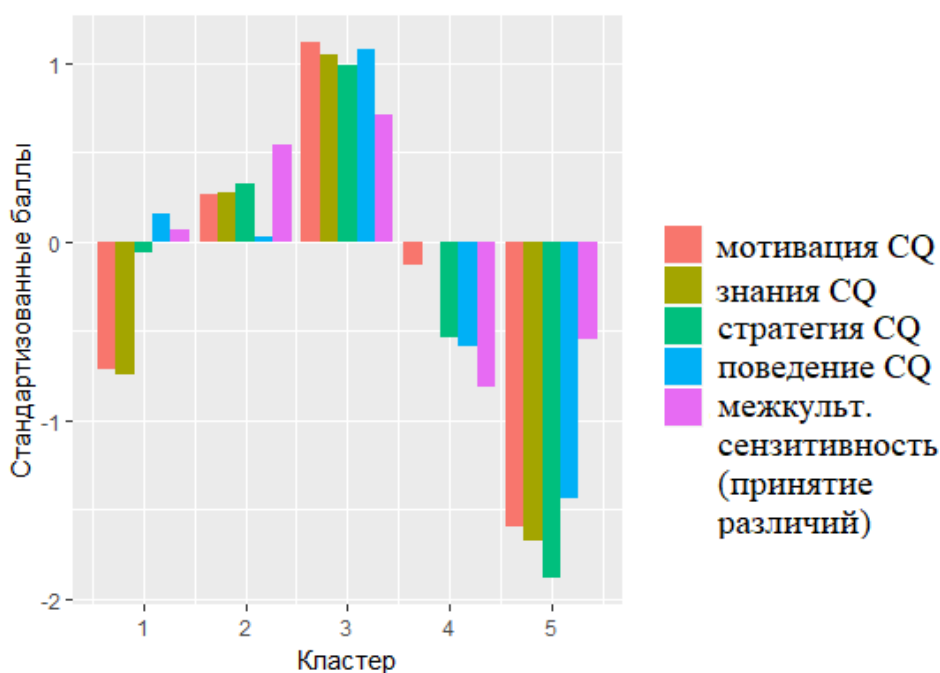

Рис. 23. Показатели КИ и межкультурной сензитивности, 5 кластеров.

Кластер 1. У респондентов (N=172), вошедших в кластер 1, уровень мотивационного и когнитивного компонентов КИ существенно ниже среднего, метакогнитивного – немного ниже среднего. Выше среднего оказались показатели поведенческого компонента КИ, а также межкультурной сензитивности. Таким образом, респонденты в данной группе при необходимости могут обеспечивать успешность межкультурного взаимодействия в большей степени через соответствующее культурному контексту адекватное вербальное и невербальное поведение. Тем не менее, они не мотивированы на вступление в межкультурное взаимодействие, не опираются на непосредственные знания о других культурах и не выстраивают стратегий при таком взаимодействии. В рамках видов активностей, определяющих успешность межкультурного взаимодействия,

обозначим данную группу как *«немотивированные адаптанты»*, поскольку у представителей данной группы при низком уровне мотивации есть все же определенные, хотя и ограниченные ресурсы для адаптации, которые могут приводить к неоднозначным результатам в рамках межкультурного взаимодействия.

Кластер 2. Респонденты (N=258), вошедшие в кластер 2, характеризуются высокими показателями мотивационного, когнитивного и метакогнитивного компонентов КИ, а также выраженной межкультурной сензитивностью. Респонденты, сформировавшие данную группу, могут обеспечивать успешность в межкультурном взаимодействии посредством искреннего интереса к межкультурному контексту, осознания важности культурных различий, широкого кругозора относительно особенностей разных национальностей и выстраивания соответствующих стратегий в опоре на свои знания. Несмотря на то, что поведенческий компонент культурного интеллекта у представителей этой группы выражен достаточно слабо, по типу межкультурной компетентности мы обозначим их как *«сензитивные адаптанты»*, поскольку у них достаточно ресурсов для обеспечения актуальной адаптивной активности в рамках межкультурного контекста.

Кластер 3. Респонденты (N=207), вошедшие в кластер 3, отличаются наиболее высокими показателями по всем компонентам КИ и межкультурной сензитивности. Респонденты данной группы имеют наиболее широкий арсенал инструментов для обеспечения успешности в межкультурной коммуникации в виде мотивации к вступлению в межкультурный контакт, чувствительности к межкультурным различиям, широты знаний о разных культурах, способности выстраивать стратегии межкультурного взаимодействия с учетом особенностей собственной этнокультурной идентичности и своего партнера, а также реализовывать их непосредственно в поведении. Данную группу по типу МК можно обозначить как *«преадаптанты»*, поскольку их потенциал достаточен для обеспечения

высокого уровня межкультурного взаимодействия. Представители данной группы способны сочетать различные виды активности для обеспечения успешности межкультурной коммуникации: адаптивную, преадаптивную и неадаптивную.

Кластер 4. У респондентов (N=308), вошедших в наиболее многочисленный кластер 4, единственным показателем, находящимся на среднем уровне, оказался когнитивный компонент КИ. Все остальные показатели – существенно ниже среднего. У респондентов данной группы есть некоторая возможность обеспечить определенную успешность в межкультурном взаимодействии только благодаря общим представлениям об особенностях других культур. Данную группу мы обозначим как *«избегающие адаптанты»*, которые, несмотря на наличие определенных когнитивных ресурсов, не стремятся к успешному межкультурному взаимодействию.

Кластер 5. Респонденты (N=84), вошедшие в кластер 5, характеризуются наиболее низкими показателями по всем шкалам. Респонденты данной группы в наименьшей степени обладают инструментарием для обеспечения успешной межкультурной коммуникации. Данную группу по типу МК мы обозначим как *«дезадаптанты»*.

Распределение в группах по полу и возрасту. В группе «дезадаптантов» доля мужчин выше, чем в других, также доля мужчин повышена в группе избегающих (рис. 24). Это диспропорция значима по критерию хи-квадрат ($\chi^2(4)=11.958, p=0.018$).

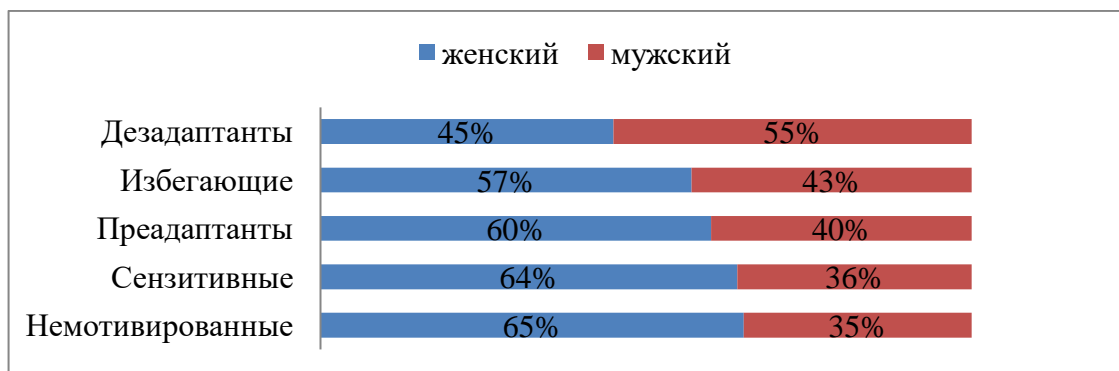

Рис. 24. Распределение кластеров по полу, %

Для выявления различий в возрасте респондентов в пяти группах по типу межкультурной компетентности использовался однофакторный дисперсионный анализ, показавший значимое влияние фактора возраста ($F(4, 1024)=7.984, p<0.001$). Дополнительное попарное сравнение групп с поправкой Тьюки для множественных сравнений показало, что возраст респондентов в группе «немотивированных адаптантов» значимо старше, чем в группах «сензитивных адаптантов», «преадаптантов» и «избегающих адаптантов» ($p=0.010, p=0.011$ и $p<0.001$ соответственно). Также возраст респондентов в группе «дезадаптанты» значимо больше, чем в группах «избегающих адаптантов» ($p=0.001$), «преадаптантов» ($p=0.047$) и «сензитивных адаптантов» ($p=0.049$). При сравнении остальных групп значимых различий по возрасту не обнаружено.

Таблица 7. Соотношение возрастов в пяти группах по типу межкультурной компетентности.

Группа	Среднее	Стандартное отклонение
Немотивированные	32.30	13.127
Сензитивные	28.59	11.439
Преадаптанты	28.44	11.162
Избегающие	27.00	10.393
Деадаптанты	32.57	13.600

2.5.1. Характеристики особенностей межкультурного опыта у групп с разным типом межкультурной компетентности³

Охарактеризуем полученные группы по нескольким параметрам, значимым для межкультурного взаимодействия. При оценке различий между

³ При подготовке данного параграфа диссертации использованы публикации, выполненные в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные положения и выводы исследования: Чигарькова С.В. Этносоциальные и личностные предикторы направленности межкультурной коммуникации у жителей российских городов с различным этническим составом населения [Электронный ресурс] / Г.У. Солдатова, С.В. Чигарькова, Е.В. Кулеш Е.В., М.Ю. Тихомиров // Психологические исследования. — 2018. — Т. 11, № 62. <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n62/1650-soldatova62.html>. (1.05/ 0.6 п.л.); Chigarkova S. Personality and cultural intelligence as factors of coping with stress of recent relocation and adaptation in multicultural environment in Russia / S. Chigarkova, G. Soldatova, S. Khrushchev, E. Rasskazova., A. Tkhostov // European Psychiatry. — 2018. — Vol. 48, no. S1. — P. 161–161. (0.1/0.04 п.л.); Chigarkova S. V. The relationship between the features of intercultural experience and cultural intelligence / Soldatova G. U., Chigarkova S. V. // Book of Abstracts: XVI European Congress of Psychology (ECP 2019) (2–5 July, 2019, Lomonosov Moscow State University, Moscow). — Moscow University Press Moscow, 2019. — P. 1418. (0.1/0.05 п.л.).

группами при сравнении ответов в порядковых шкалах (например, таких как число языков или количество коллег) использовался критерий Краскелла-Уоллиса, при оценке бинарных или качественных (например, оценка влияния культурного разнообразия) шкал использовался критерий хи-квадрат.

Владение языками. Среди «дезадаптантов» практически половина (42%) не владеет ни одним языком, кроме родного. Среди «немотивированных адаптантов» таких более четверти, среди «избегающих» – каждый пятый, среди «сензитивных адаптантов» – 17%, а среди «преадаптантов» меньше всего респондентов не владеет более чем одним языком – только 9% (рис. 25). Наиболее высокие показатели по количеству освоенных языков, кроме родного, оказались у «преадаптантов» и «сензитивных адаптантов». Достаточно высокие показатели по этому параметру – у «избегающих адаптантов» и «немотивированных адаптантов». Наиболее ограниченными по количеству освоенных дополнительно к родному языков оказались «дезадаптанты». При сравнении количества языков, которыми владеют респонденты, критерий Краскелла-Уоллиса показал значимость различий в выделенных группах ($H=73.512, p<0.001$).

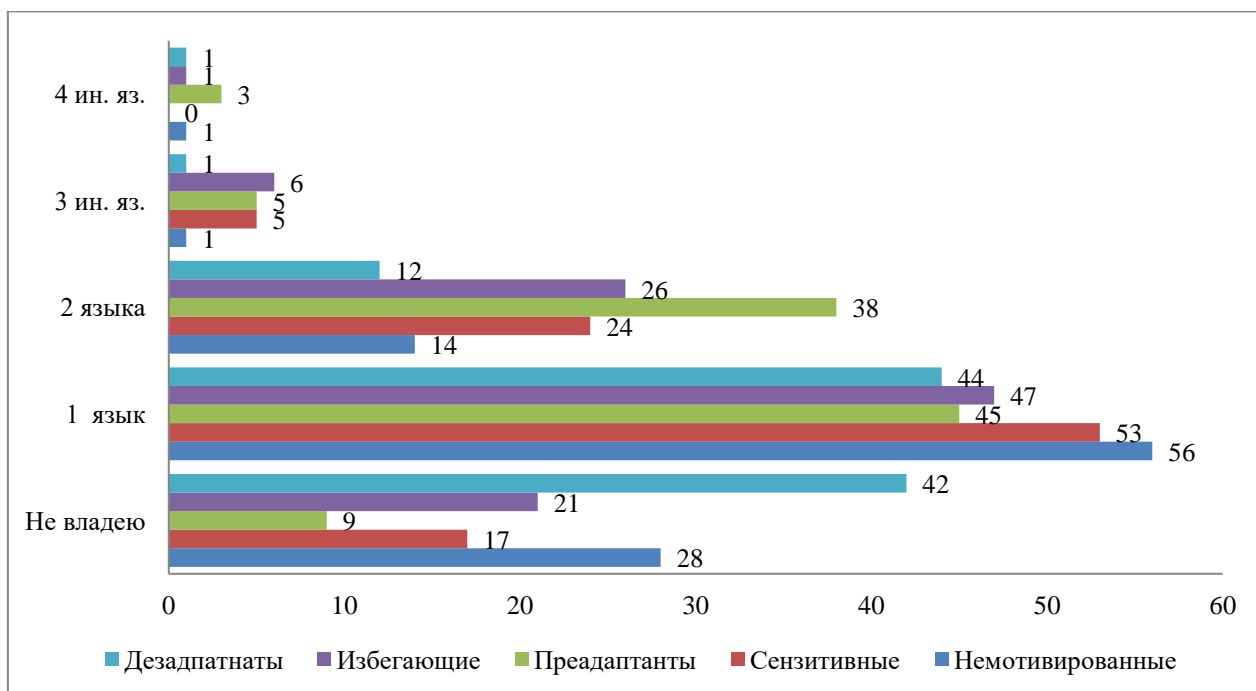

Рис. 25. Количество языков, кроме родного, которыми владеют представители разных типов межкультурной компетентности, %

Интенсивность межкультурного общения. Чаще всего в повседневную межкультурную коммуникацию вступают «преадаптанты» (рис. 26). По этим показателям их догоняют «избегающие» (44% ежедневно и 18% часто) и «сензитивные адаптанты» (40% и 16% соответственно), несколько отстают «немотивированные» (35% ежедневно и 15% часто) и «дезадаптанты» (38% и 13% соответственно). Наиболее высокие показатели по отсутствию повседневного межкультурного контакта у «дезадаптантов» – каждый десятый никогда не вступал в межкультурное взаимодействие. При сравнении интенсивности межкультурного общения респондентов критерий Краскелла-Уоллиса показал значимость различий в выделенных группах ($N=24.409$, $p<0.001$).

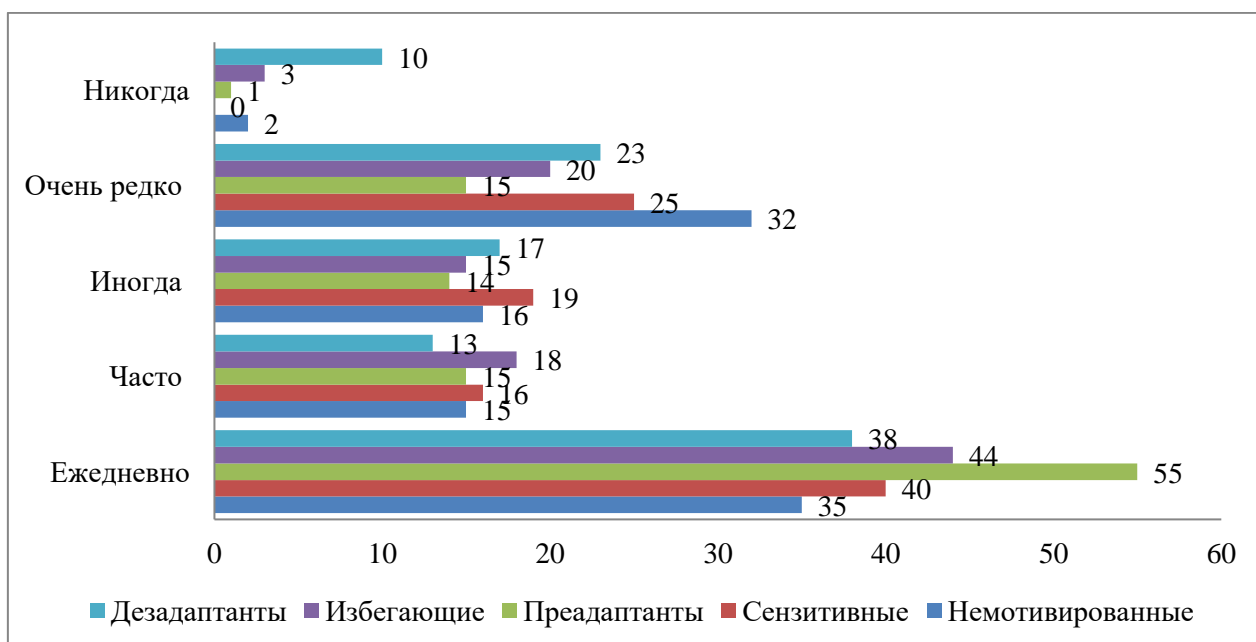

Рис. 26. Интенсивность межкультурного общения, %

Межкультурный социальный капитал. Самые «богатые» в плане межкультурного социального капитала оказались «преадаптанты»: у каждого второго в этой группе оказалось большинство или много друзей (55%) и коллег (54%), принадлежащих к отличной от респондента национальности (рис. 27). Самыми «бедными» оказались «дезадаптанты»: у каждого второго немного друзей (47%) и коллег (49%) другой национальности, а практически у каждого третьего (27%) – вообще нет представителей другой культуры среди друзей, а у каждого десятого (10%) – среди коллег.

Средние показатели по уровню межкультурного социального капитала демонстрируют «сензитивные адаптанты» и «избегающие адаптанты» – больше трети из них имеют в своем кругу большинство или достаточно много друзей и коллег другой культуры (у «сензитивных адаптантов» – 34% и 39% соответственно, у «избегающих» – 37% и 44%). У «немотивированных адаптантов» показатели межкультурного социального капитала оказались близки к «дезадаптантам» – каждый второй имеет узкий круг друзей (51%) и коллег (56%) другой национальности, у каждого четвертого (23%) отсутствуют такие друзья, у каждого десятого (10%) – такие коллеги.

При сравнении групп респондентов по количеству друзей и коллег другой национальности суммарное количество ответов «большинство» и «достаточно много» сопоставлялись с числом ответов «немного» и «нет» в пяти группах с помощью критерия хи-квадрат. Были получены значимые различия между группами как в отношении друзей ($\chi^2(4)=52.537$, $p<0.001$), так и коллег ($\chi^2(4)=23.719$, $p<0.001$).

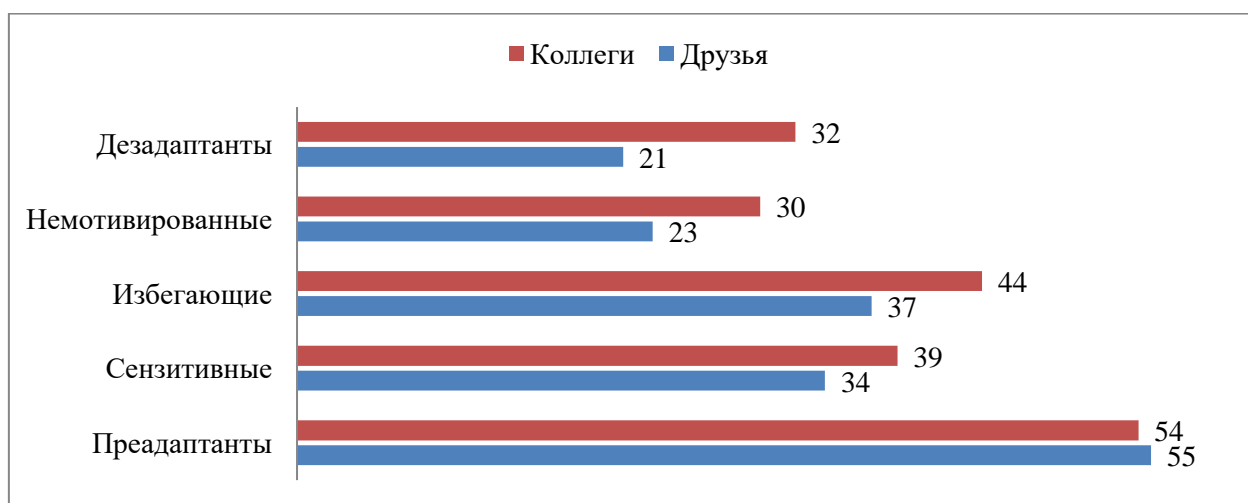

Рис. 27. Количество коллег и друзей другой национальности, ответы «большинство» и «достаточно много», %

Стоит здесь также остановиться на национальности самих респондентов. Мы рассмотрим три основные этнические группы, участвовавшие в исследовании: русских, татар и представителей народностей Дагестана (подробнее: Солдатова и др., 2018; Chigarkova et al., 2018). Среди русских практически каждый третий вошел в группу «избегающие

адаптанты» (30%), каждый четвертый – в группу «сензитивных адаптантов», практически каждый пятый – в «немотивированных адаптантов» и «преадаптантов» (по 18 %), каждый одиннадцатый – в группу «дезадаптантов» (9 %). Среди представителей народностей Дагестана более трети оказались в группе «избегающих адаптантов» (37%), четверть – в группе «преадаптантов» (23%), 18 % – среди «сензитивных адаптантов», 12 % – в группе «немотивированных адаптантов», а каждый десятый – в группе «дезадаптантов» (10%). Каждый третий среди татар оказался в группе «сензитивных адаптантов» (33%) и «избегающих адаптантов» (33%), каждый пятый – среди «преадаптантов», среди «немотивированных адаптантов» – 15%, при этом ни один представитель татарской национальности не оказался в группе «дезадаптантов».

Оценка влияния культурного разнообразия на коллектив. При ответе на вопрос «Как Вы считаете, какое влияние оказывает присутствие представителей разных национальностей на обстановку в учебной или рабочей среде?» наиболее высокие показатели по позитивной оценке влияния культурного разнообразия на коллектив оказались у «преадаптантов» – более половины высказались таким образом (рис. 28). 40% среди «преадаптантов» сообщило об отсутствии какого бы то ни было влияния, и никто не указал на негативное влияние. Большинство «дезадаптантов» (79%) сообщило об отсутствии влияния культурного разнообразия на атмосферу в коллективе, 7 % отметили негативное влияние, а каждый десятый – положительное. Среди «сензитивных адаптантов» каждый третий (сообщил о положительном влиянии представителей разных национальностей на учебе и работе, 61 % – об отсутствии влияния, только 2 % – о негативном. Среди ««избегающих адаптантов» каждый четвертый считает, что присутствие представителей разных национальностей позитивно влияет на коллектив, 67 % оценивает такое влияние как индифферентное и 6% – как негативное. Большинство «немотивированных адаптантов» (70%) сообщило об индифферентном

влиянии, практически каждый пятый – о положительном и 5% – о негативном характере такого влияния на коллектив.

При сравнении соотношения оценок влияния культурного разнообразия на коллектив были выявлены значимые различия в соотношении оценок в пяти группах ($\chi^2(8)=104.852, p<0.001$).

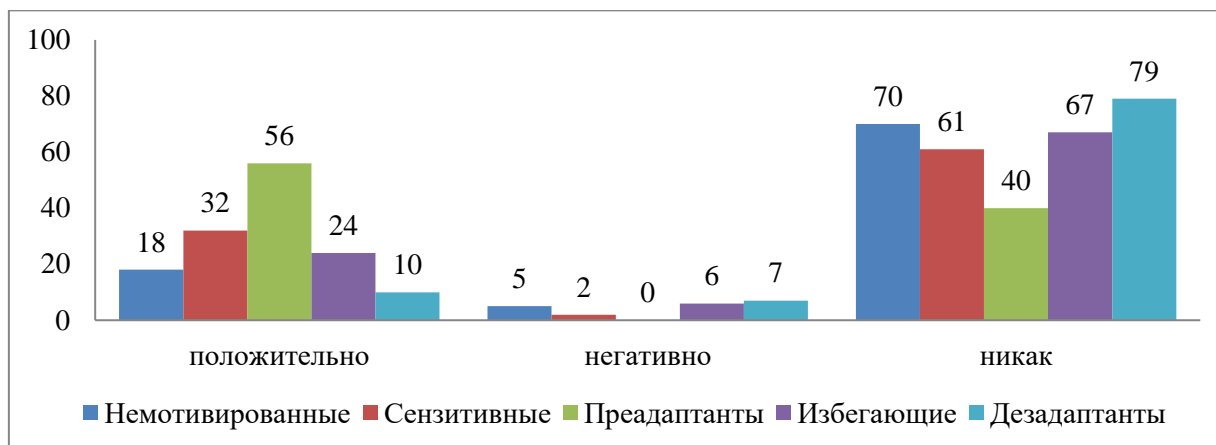

Рис. 28. Оценка влияния культурного разнообразия на коллектив у представителей разных типов межкультурной компетентности (представлены без варианта ответа «другое»), %

Опыт пребывания за границей. Наиболее опытными в плане поездок и жизни за границей оказались «преадаптанты»: каждый третий жил за границей, каждый четвертый выезжает несколько раз в год, каждый второй был за рубежом от двух до пяти и более раз (рис. 29). Наименее опытными оказались «деадаптанты»: только 4% имели опыт проживания в другой стране, четверть никогда не выезжала за границу, только 6% выезжает несколько раз в год, каждый шестой был за границей только один раз, а половина бывала в других странах от двух до пяти и более раз. Среди «сензитивных адаптантов» практически каждый пятый жил за рубежом, каждый восьмой выезжает за границу несколько раз в год, более половины (59%) бывала в других странах от двух до пяти и более раз, а только каждый пятый никогда не выезжал за границу.

Среди «избегающих адаптантов» опыт проживания за границей имеет практически каждый пятый (18%), каждый шестой выезжает несколько раз в

год, чуть меньше половины (44%) бывала за границей от двух до пяти и более раз, каждый восьмой был за рубежом только один раз, а практически треть никогда не выезжала в другую страну. Схожие показатели демонстрируют респонденты группы «немотивированные адаптанты»: каждый восьмой (12%) проживал в другой стране, каждый седьмой выезжает по несколько раз в год, более половины выезжало за границу от двух до пяти и более раз, а четверть никогда не выезжала за границу.

При сравнении опыта поездок с помощью критерия Краскелла-Уоллиса была показана значимость различий в выделенных группах ($N=15.346$, $p=0.004$).

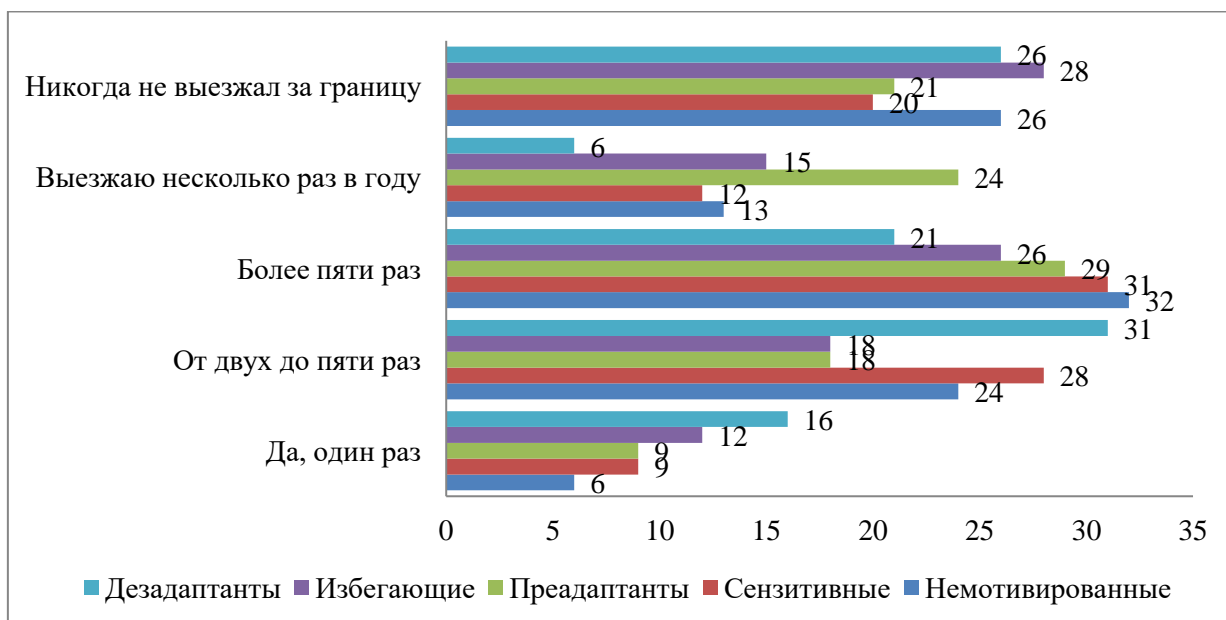

Рис. 29. Опыт поездок за границу у представителей разных типов межкультурной компетентности, %

Самооценка опыта межкультурного взаимодействия. Респонденты, попавшие в группу «преадаптантов», наиболее часто оценивают свой опыт межкультурного взаимодействия как очень успешный (40%) и в основном успешный (53%), а 6% сообщают о переменном успехе – «иногда успешно, иногда неуспешно» (рис. 30). Наименее успешно свой опыт в межкультурном контексте оценивают «деадаптанты»: больше трети сообщают об амбивалентном опыте (иногда успешно, иногда неуспешно), 6% – о в основном неуспешном, только 12% сообщают об очень успешном опыте и

более трети – в основном успешном. Достаточно высокие показатели у «сензитивных адаптантов»: каждый пятый считает свой опыт очень успешным, большинство (63%) сообщает о в основном успешном опыте, 15% – о переменном успехе, и только 1 % – о в основном неуспешном опыте.

Несколько ниже показатели у «избегающих адаптантов»: практически каждый пятый сообщает об очень успешном опыте, каждый второй – об в основном успешном, каждый четвертый – об иногда успешном, иногда неуспешном, 3% – в основном или совсем неуспешном. Близки по показателям к «дезадаптантам» респонденты из группы «немотивированные адаптанты»: практически треть (29%) признаются в переменном успехе в межкультурном взаимодействии, половина считают свой опыт в основном успешным, только каждый восьмой считает себя очень успешным, а совсем неуспешным обозначил свой опыт 1 % опрошенных.

При сравнении самооценки успешности межкультурного взаимодействия по критерию Краскелла-Уоллиса была показана значимость различий в пяти группах ($H=81.171, p<0.001$).

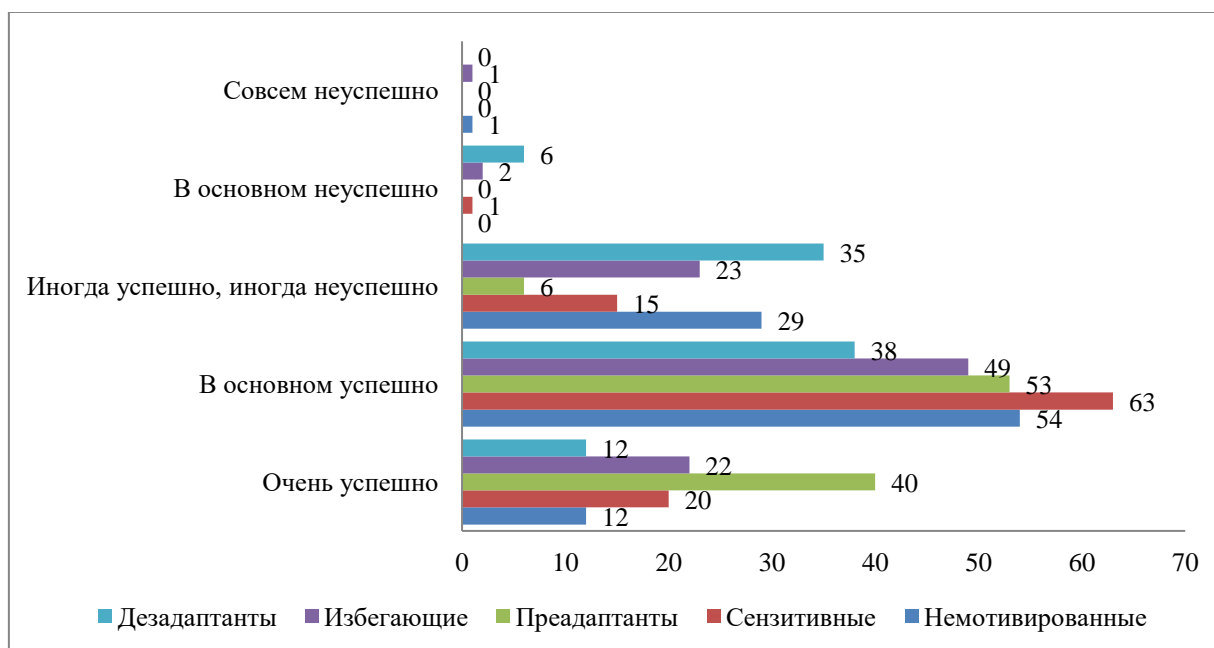

Рис. 30. Самооценка опыта межкультурного взаимодействия (представлены без варианта ответа «другое»), %

Чувства по отношению к представителям других культур.
 Позитивные чувства (интерес, уважение, доверие и т.д.) по отношению к

представителям других культур наиболее характерны для «преадаптантов» (87%) и «сензитивных адаптантов» (76%). Каждый десятый «преадаптант» (10 %) и каждый шестой «сензитивный адаптант» (16%) испытывают и нейтральные чувства (равнодушие, безразличие). Для этих групп не характерны негативные (недоверие, раздражение, тревога) и агрессивные чувства (ненависть, гнев) к людям другой национальности («преадаптанты» – 2 % и 0,7%, «сензитивные адаптанты» – 5 % и 0,8 % соответственно). Две трети «немотивированных адаптантов» и «избегающих адаптантов» (66 %) испытывают позитивные чувства по отношению к представителям других культур, а среди «дезадаптантов» – только каждый второй (53%).

Практически каждый третий (30%) «дезадаптант», четвертый «избегающий адаптант» (25%) и пятый «немотивированный адаптант» (22 %) испытывает нейтральные чувства. Каждый девятый (11%) среди «дезадаптантов» испытывает негативные чувства по отношению к представителям других групп, среди «немотивированных адаптантов» такие чувства испытывает 7%, а среди «избегающих адаптантов» – 5%. Агрессивные чувства указали 5 % «дезадаптантов» и 3,6 % «немотивированных адаптантов» и 2 % «избегающих адаптантов».

2.5.2. Сравнение личностных характеристик у групп с разным типом межкультурной компетентности

В данном параграфе проведём сравнительный анализ групп с разным типом МК на основании следующих личностных характеристик: Большой пятерки личностных черт, выраженности типа этнической идентичности и толерантности, уровню жизнестойкости и толерантности к неопределенности, показателей эмпатии и особенностям ценностных ориентаций.

Сравнение выраженности личностных черт Большой пятерки в группах с разным типом межкультурной компетентности. Сравнение групп по выраженности личностных черт Большой пятерки (Табл. 8) с

помощью дисперсионного анализа показало значимое влияние фактора группы: на экстраверсию ($F(4, 1018) = 11.749, p < 0.001$), доброжелательность ($F(4, 1018) = 16.233, p < 0.001$), открытость опыту ($F(4, 1018) = 16.504, p < 0.001$), добросовестность ($F(4, 1018) = 6.332, p < 0.001$).

Таблица 8. Показатели выраженности личностных черт Большой пятерки в группах с разным типом межкультурной компетентности.

Шкалы		Преадаптанты	Сенз. адаптанты	Немотив. адаптанты	Избег. адаптанты	Деадаптанты
Экстраверсия	Ср.	50.5	47.3	45.2	46.7	45.1
	Ст. откл.	8.3	8.1	9.1	8.3	9.6
Доброжелательность	Ср.	58.2	56.3	54.3	52.2	51.7
	Ст. откл.	9.2	9.0	9.4	10.0	10.3
Добросовестность	Ср.	56.9	56.0	54.8	53.2	53.1
	Ст. откл.	9.5	9.5	9.0	9.2	10.4
Нейротизм	Ср.	47.3	49.1	49.9	49.0	49.6
	Ст. откл.	12.5	12.2	9.6	11.0	12.1
Открытость опыту	Ср.	58.0	56.1	52.5	54.7	50.8
	Ст. откл.	9.0	8.5	8.0	8.1	9.2

Результаты попарного сравнения групп с поправкой для множественных сравнений Хольма показывают, что различия в выраженности экстраверсии касаются только респондентов из группы «преадаптанты»: «преадаптанты» значительно отличаются большей общительностью, любовью к развлечениям и коллективным мероприятиям, более широким кругом друзей и знакомых, высокой потребностью в общении по сравнению со всеми остальными респондентами, вошедшими в другие группы по типу межкультурной компетентности.

Различия в выраженности добросовестности касаются респондентов из группы «избегающих адаптантов»: они значительно отличаются беспечностью, склонностью к необдуманным поступкам, пренебрежением к принятым в обществе требованиям и культурным нормам поведения по сравнению с респондентами, входящими в группы «преадаптантов» и «сензитивных адаптантов».

Различия в выраженности доброжелательности обнаружены у респондентов из групп «преадаптантов» и «сензитивных адаптантов»: они значимо отличаются позитивным отношением к другим людям, готовностью к сотрудничеству и оказанию поддержки окружающим, по сравнению с «избегающими адаптантами» и «дезадаптантами», а «преадаптанты» – еще и по сравнению с «немотивированными адаптантами».

Существует целый ряд различий между респондентами, относящимися к разным группами, в выраженности открытости к опыту: «преадаптанты» значимо отличаются своим любопытством и желанием новых открытий по сравнению с «избегающими адаптантами» и «дезадаптантами», при этом «избегающие адаптанты» все же демонстрируют большее стремление к новизне по сравнению с «дезадаптантами». Респонденты, вошедшие в группу «немотивированные адаптанты», более склонны к постоянству, надежности и стабильности в повседневной жизни по сравнению с «преадаптантами», «сензитивными адаптантами», а также «избегающими адаптантами».

Сравнение показателей толерантности к неопределенности в группах с разным типом межкультурной компетентности. Сравнение групп по показателям толерантности к неопределенности (Табл. 9) с помощью дисперсионного анализа показало значимое влияние фактора группы на шкалу толерантности к неопределенности ($F(4, 1022) = 17.642, p < 0.001$).

Таблица 9. Показатели шкал толерантности к неопределенности в группах с разным типом межкультурной компетентности.

Шкалы		Преадаптанты	Сенз. адаптанты	Немотив. адаптанты	Избег. адаптанты	Деадаптанты
толерантность к неопределенности	Ср.	59.6	58.3	56.1	55.8	51.7
	Ст. откл.	8.3	7.7	8.0	7.9	10.5
интолерантность к неопределенности	Ср.	63.3	63.6	63.6	61.5	60.1
	Ст. откл.	10.6	9.3	9.2	10.0	12.0
межличностная интолерантность к неопределенности	Ср.	35.4	36.2	36.9	35.4	34.9
	Ст. откл.	7.3	6.7	6.6	6.6	8.4

Результаты попарного сравнения групп с поправкой для множественных сравнений Хольма показывают, что различия в уровне толерантности к неопределенности касаются нескольких групп: «преадаптанты» и «сензитивные адаптанты» значительно отличаются стремлением к изменениям, новизне и оригинальности по сравнению с «немотивированными адаптантами», «избегающими адаптантами» и «дезадаптантами». В свою очередь, уровень толерантности к неопределенности у «избегающих адаптантов» значительно выше, чем у «дезадаптантов».

Сравнение уровня жизнестойкости в группах с разным типом межкультурной компетентности. Сравнение групп (Табл. 10) с помощью дисперсионного анализа показало значимое влияние фактора группы на уровень жизнестойкости ($F(4, 1023) = 11.286, p < 0.001$).

Таблица 10. Уровень жизнестойкости в группах с разным типом межкультурной компетентности.

	Преадаптанты	Сенз. адаптанты	Немотив. адаптанты	Избег. адаптанты	Дезадаптанты
Среднее	52.8	51.1	47.2	47.6	44.3
Ст. откл.	12.2	12.9	10.5	13.0	14.5

Результаты попарного сравнения групп с поправкой для множественных сравнений Хольма показывают, что различия в уровне жизнестойкости касаются нескольких групп: «преадаптанты» и «сензитивные адаптанты» значительно отличаются большей способностью к совладанию с внутренним напряжением в стрессовых ситуациях по сравнению со всеми остальными респондентами.

Сравнение уровня толерантности в группах с разным типом межкультурной компетентности. Сравнение групп по показателям толерантности (Табл. 11) с помощью дисперсионного анализа показало значимое влияние фактора группы на общий уровень толерантности ($F(4, 1020) = 15.806, p < 0.001$) и этническую толерантность ($F(4, 1020) = 21.772, p < 0.001$).

Таблица 11. Показатели толерантности в группах с разным типом межкультурной компетентности.

Шкалы		Преадаптанты	Сенз. адаптанты	Немотив. адаптанты	Избег. адаптанты	Деадаптанты
общий уровень толерантности	Ср.	87.2	83.6	81.0	80.9	78.8
	Ст. откл.	11.1	10.3	9.1	11.2	10.7
этническая толерантность	Ср.	29.4	27.0	25.2	26.0	25.0
	Ст. откл.	4.8	5.1	4.9	5.4	5.3
социальная толерантность	Ср.	28.9	28.0	27.4	27.5	27.0
	Ст. откл.	4.9	4.5	4.0	4.4	4.6
толерантность как черта личности	Ср.	28.9	28.6	28.5	27.5	26.8
	Ст. откл.	5.0	4.2	3.8	4.6	4.8

Результаты попарного сравнения групп с поправкой для множественных сравнений Хольма показывают, что различия в общем уровне толерантности и этнической толерантности касаются двух групп: «преадаптанты» значительно отличаются большей терпимостью к различным проявлениям инаковости, в том числе, и к этнической, по сравнению со всеми остальными группами. «Сензитивные адаптанты» демонстрируют значительно более терпимые установки по отношению к окружающему миру в сравнении с «избегающими адаптантами» и «деадаптантами», а также более толерантное отношение к представителям других национальностей в сравнении с «немотивированными адаптантами» и «деадаптантами».

Сравнение уровня эмпатии в группах с разным типом межкультурной компетентности. Сравнение групп по показателям эмпатии (Табл. 11) с помощью дисперсионного анализа показало значимое влияние фактора группы на общий уровень эмпатии ($F(4, 1016) = 8.369, p < 0.001$), проникающую способность в эмпатии ($F(4, 1016) = 6.188, p < 0.001$) и идентификацию ($F(4, 1016) = 9.479, p < 0.001$).

Таблица 12. Показатели эмпатии в группах с разным типом межкультурной компетентности.

Шкалы		Преадаптанты	Сенз. адаптанты	Немотив. адаптанты	Избег. адаптанты	Деадаптанты
Эмпатия	Ср.	19.8	19.6	18.6	18.4	16.8
	Ст. отк.	4.7	4.5	4.5	4.8	5.2
Рациональный канал эмпатии	Ср.	3.3	3.1	2.9	3.0	2.6
	Ст. отк.	1.3	1.2	1.2	1.3	1.4
Эмоциональный канал эмпатии	Ср.	3.2	3.4	3.3	3.1	3.0
	Ст. отк.	1.4	1.5	1.4	1.5	1.4
Интуитивный канал эмпатии	Ср.	2.7	2.7	2.7	2.6	2.8
	Ст. отк.	1.8	1.8	1.7	1.7	1.8
Установки в эмпатии	Ср.	3.6	3.7	3.5	3.5	3.1
	Ст. отк.	1.4	1.3	1.3	1.4	1.5
Проникающая способность в эмпатии	Ср.	3.5	3.5	3.3	3.3	2.7
	Ст. отк.	1.3	1.3	1.3	1.2	1.4
Идентификация	Ср.	3.5	3.3	2.9	3.0	2.5
	Ст. отк.	1.4	1.5	1.5	1.5	1.4

Результаты попарного сравнения групп с поправкой для множественных сравнений Хольма показывают, что различия в показателях эмпатии касаются следующих групп: общая способность к сопереживанию другому человеку развита у «дезадаптантов» значительно слабее по сравнению со всеми остальными группами, также «сензитивные адаптанты» способны к более сильному сопереживанию другому по сравнению с «избегающим адаптантам». У «дезадаптантов» слабее выражена проникающая способность в эмпатии – коммуникативное свойство человека, позволяющее создавать атмосферу открытости, доверительности, задушевности. Способность идентифицироваться с переживаниями другого, поставить себя на его место, значительно выражена у «преадаптантов» по сравнению с «немотивированными адаптантами», «избегающими адаптантами» и «дезадаптантами», а также у «сензитивных адаптантов» по сравнению с «немотивированными адаптантами» и «дезадаптантами».

Сравнение особенностей ценностных ориентаций в группах с разным типом межкультурной компетентности. Сравнение групп по особенностям ценностных ориентаций (Табл. 12) с помощью дисперсионного анализа

показало значимое влияние фактора группы на показатели по дистанции власти ($F(4, 1024) = 5.329, p < 0.001$), индивидуализму-коллективизму ($F(4, 1024) = 4.497, p < 0.001$) и гедонизму ($F(4, 1024) = 5.726, p < 0.001$).

Таблица 13. Особенности ценностных ориентаций в группах с разным типом межкультурной компетентности.

Шкалы		Преадаптанты	Сенз. адаптанты	Немотив. адаптанты	Избег. адаптанты	Деадаптанты
дистанция власти	Сред.	2.4	2.6	2.5	2.5	2.4
	Ст. отк.	0.5	0.4	0.4	0.4	0.4
индивидуализм-коллективизм	Сред.	2.4	2.5	2.4	2.4	2.2
	Ст. отк.	0.5	0.4	0.4	0.5	0.5
маскулинность-феминность	Сред.	2.1	2.2	2.2	2.2	2.1
	Ст. отк.	0.4	0.4	0.4	0.4	0.4
избегание неопределенности	Сред.	2.1	2.1	2.2	2.2	2.2
	Ст. отк.	0.4	0.4	0.4	0.4	0.4
долгосрочная ориентация	Сред.	2.3	2.3	2.3	2.3	2.3
	Ст. отк.	0.4	0.4	0.4	0.4	0.5
гедонизм	Сред.	2.8	2.7	2.6	2.7	2.6
	Ст. отк.	0.4	0.4	0.4	0.4	0.4

Результаты попарного сравнения групп с поправкой для множественных сравнений Хольма показывают, что различия в ценностных ориентациях касаются следующих групп: «сензитивные адаптанты» значимо более склонны воспринимать и следовать иерархической структуре социума по сравнению с «преадаптантами», «избегающими адаптантами» и «деадаптантами». «Сензитивные адаптанты» и «избегающие адаптанты» демонстрируют более сильные индивидуалистические установки по сравнению с «деадаптантами». «Преадаптанты» значимо отличаются большим стремлением к получению удовольствия, следованию своим желаниям по сравнению с респондентами, входящими в группы «немотивированные адаптанты», «избегающие адаптанты» и «деадаптанты».

Сравнение выраженности типов этнической идентичности в группах с разным типом межкультурной компетентности. Сравнение групп по

выраженности типов этнической идентичности (Табл. 13) с помощью дисперсионного анализа показало значимое влияние фактора группы на показатели позитивной этнической идентичности ($F(4, 1022) = 32.660$, $p < 0.001$), этноэгоизма ($F(4, 1022) = 34.410$, $p < 0.001$), этноизоляционизма ($F(4, 1022) = 16.681$, $p < 0.001$), этнофанатизма ($F(4, 1022) = 14.249$, $p < 0.001$), этнонигилизма ($F(4, 1022) = 6.227$, $p < 0.001$).

Таблица 14. Особенности ценностных ориентаций в группах с разным типом межкультурной компетентности.

Шкалы		Преадаптанты	Сенз. адаптанты	Немотив. адаптанты	Избег. адаптанты	Деадаптанты
этнонигилизм	Сред.	3.2	3.3	4.2	4.2	4.4
	Ст. отк.	3.0	3.1	2.9	3.3	3.6
этн. индифферентность	Сред.	11.0	10.8	10.2	11.3	10.5
	Ст. отк.	3.7	3.8	3.5	3.8	3.6
позитивная этн. идентичность	Сред.	17.2	16.4	15.0	15.0	13.6
	Ст. отк.	2.4	2.5	2.9	3.6	3.6
этноэгоизм	Сред.	4.0	5.5	7.8	6.5	8.6
	Ст. отк.	3.1	3.6	3.8	4.2	4.8
этноизоляционизм	Сред.	3.4	4.2	5.4	5.2	6.8
	Ст. отк.	3.1	3.6	3.6	4.1	4.3
этнофанатизм	Сред.	4.9	5.5	7.1	6.3	8.2
	Ст. отк.	3.8	3.8	4.0	4.4	4.2

Результаты попарного сравнения групп с поправкой для множественных сравнений Хольма показывают, что различия в типах этнической идентичности касаются следующих групп: «преадаптанты» обладают значимо более выраженной позитивной этнической идентичностью по сравнению со всеми остальными группами, как и «сензитивные адаптанты» по сравнению с «немотивированными адаптантами», «избегающими адаптантами» и «деадаптантами». «Деадаптанты» отличаются более слабо выраженной позитивной этнической идентичностью по сравнению с «немотивированными адаптантами» и «избегающими адаптантами». Все типы гиперидентичности (этноэгоизм, этноизоляционизм, этнофанатизм) значимо слабо выражены у «преадаптантов» и «сензитивных адаптантов» по сравнению с остальными группами, а у «избегающих

адаптантов» – по сравнению с «дезадаптантами». Этнонигилизм как тип гипоидентичности значимо сильнее выражен у «дезадаптантов», «избегающих адаптантов» и «немотивированных адаптантов» в сравнении с «преадаптантами» и «сензитивными адаптантами».

2.5.3. Обсуждение результатов

Гипотеза о наличии различных типов, отражающих соотношение выраженности компонентов МК и характеризующихся различиями в личностных ресурсах, подтвердилась. На основании полученных результатов мы можем дать подробную характеристику особенностей межкультурного опыта и личностных характеристик респондентов в пяти группах, выделенных по типу МК. Данная классификация представляется уникальной, поскольку в ее основу положены идеи о существовании диапазона адаптивных активностей личности, что в определенной степени затрудняет ее сравнение с другими существующими классификациями (Гридунова, 2018; Логашенко, 2015; Манойлова, 2011). Тем не менее, данные, о связи ряда личностных свойств и социокультурных факторов с уровнем межкультурной компетентности находят наиболее полное отражение в характеристиках крайних групп с наиболее высокими показателями МК («преадаптанты») и с наиболее низкими («дезадаптанты»). Так, для «преадаптантов» будут характерны высокие показатели по большинству характеристик, а «дезадаптантов» - низкие. В связи с этим во избежание повторов мы будем указывать работы, согласующиеся с полученными нами данными, только для этих двух групп. На основании ряда социокультурных и личностных характеристик рассмотрим портреты выделенных типов наших респондентов.

Преадаптанты. В группу «преадаптанты» вошли респонденты с наиболее высокими показателями по всем шкалам КИ, а также по шкале принятия различий межкультурной сензитивности. Так, «преадаптанты» способны задействовать все компоненты МК для достижения успеха в межкультурном контексте.

«Преадаптанты» демонстрируют высокие показатели во владении языками (Wilson et al., 2013), характеризуются высокой интенсивностью в повседневном межкультурном взаимодействии и богатством в межкультурном социальном капитале (Wolff, Borzikowsky, 2018). Представители данной группы чаще остальных сообщают о позитивном влиянии культурного разнообразия коллектива на профессиональную и учебную среду. Большинство «преадаптантов» активно выходит за границы своей культуры в повседневной жизни и путешествиях за рубежом (Black, Duhon, 2006; Li et al., 2013; Soldatova, Chigarkova, 2019; Wolff, Borzikowsky, 2018) и высоко оценивает успешность полученного опыта межкультурного взаимодействия. Для «преадаптантов» характерно испытывать позитивные чувства по отношению к представителям других культур. Они отличаются от остальных также выраженностью таких личностных черт как экстраверсия, открытость опыту и доброжелательность (Ang et al., 2006; Oolders et al., 2008; Sahin et al., 2013; Van Dyne, Ang, Tan, 2017; Van Oudenhoven, Van der Zee, 2002). Таким образом, они общительны, получают удовольствие от межличностного и коллективного взаимодействия, отличаются любопытством и интересом к неизведанному, отзывчивы и готовы оказать поддержку окружающим.

«Преадаптанты» способны совладать с внутренним напряжением в стрессовых ситуациях (Mendenhall et al., 2008) и не бояться неопределенности (Deardorff, 2006; Gudykunst, 1993; Hammer et al., 1997; Imahori, Lanigan, 1989; Ting-Toomey, 1999). Важной коммуникативной характеристикой «преадаптантов» является развитая способность к эмпатии, особенно чувствовать и сопереживать другому через идентификацию с ним (Arasaratnam, Doerfel, 2005; Deardorff, 2006; Imahori, Lanigan, 1989; Van der Zee, Van Oudenhoven, 2000). У респондентов, вошедших в эту группу, преобладает позитивная этническая идентичность, а этническая идентичность по типу гипо- и гиперидентичности выражена слабо (Гусева, 2004; Лебедева, Лунева, Стефаненко, 2004; Солдатова, 1998; Collier, 1989;

Cupach, Imahori, 1993; Imahori, Lanigan, 1989; Ting-Toomey, Kugori, 1998). «Преадаптанты» толерантны по отношению к окружающим, в том числе, и к представителям других этнокультурных сообществ (Новикова 2012, 2015; Почебут, 2012; Deardorff, 2006).

Обратим внимание, что по ценностным ориентациям «преадаптанты» по сравнению с другими группами отличаются высоким уровнем гедонизма, то есть ориентацией на получение удовольствия и удовлетворение своих желаний. Таким образом, мы можем говорить, что «преадаптанты» обладают широким репертуаром способностей и набором качеств, обеспечивающих актуальную адаптивную, преадаптивную и неадаптивную активность в контексте межкультурной среды, характеризующейся разнообразием, сложностью и неопределенностью. Они обладают высоким потенциалом и личностными ресурсами для эффективной деятельности в межкультурных контекстах и легко могут их актуализировать. С точки зрения формирования МК их можно отнести к готовым универсальным коммуникаторам, которым, возможно, требуется только подготовка с точки зрения специфики отдельных культур. Если рассматривать «преадаптантов» как возможных кандидатов для профессиональной деятельности в поликультурных организациях, выстраивания контактов с партнерами из других культур, зарубежных рабочих командировок, стажировок или обучения, то они представляются наилучшим вариантом.

Дезадаптанты. Противоположную «преадаптантам» по большинству рассмотренных характеристик группу составили «дезадаптанты». В нее вошли респонденты с наиболее низкими показателями по всем шкалам культурного интеллекта и шкале принятия различий, то есть обладающие наиболее слабым арсеналом ресурсов для успешного межкультурного взаимодействия. По половозрастным характеристикам в данную группу вошло больше респондентов мужского пола и более старшего возраста по сравнению с составом остальных групп. Данные о связи пола и возраста с уровнем МК носят противоречивый характер. Тем не менее, ряд

исследований показывает, что более низкий уровень МК характерен для представителей мужского пола (Гридунова, 2018; Логашенко, 2015; Jubert, 2016; Malazonia et al., 2017; Ruiz-Bernardo et al., 2012; Solhaug, Kristensen, 2016) и более старшего возраста (Malazonia et al., 2017; Wilson et al., 2013), что согласуется с нашими данными по «дезадаптантам».

«Дезадаптанты» отличаются низкими показателями во владении языками (Wilson et al., 2013) и частоте вступления в межкультурное взаимодействие, а также низкими показателями межкультурного социального капитала (Wolff, Borzikowsky, 2018). Подавляющее большинство «дезадаптантов» оценивают влияние межкультурного разнообразия коллектива на его атмосферу как индифферентное. Такая позиция может свидетельствовать о равнодушии к межкультурному контексту и об отсутствии понимания важности этнокультурного фактора, его принижении или вытеснении. Это отражается и в том, что для них в меньшей степени характерны позитивные чувства по отношению к представителям другой культуры по сравнению с другими группами, при этом треть из них сообщает о таком чувстве как равнодушие.

У «дезадаптантов» отмечается наиболее скудный багаж межкультурного общения за рубежом (Wolff, Borzikowsky, 2018) и более низкая оценка успешности полученного опыта межкультурного взаимодействия. Наиболее значимые различия в выраженности личностных черт наблюдаются у «дезадаптантов» по сравнению, в первую очередь, с «преадаптантами», а также «сензитивными адаптантами». Они более склонны к интроверсии и стабильности, обособлены по отношению к окружающим (Ang et al., 2006; Oolders et al., 2008; Sahin et al., 2013; Van Dyne, Ang, Tan, 2017; Van Oudenhoven, Van der Zee, 2002). Респонденты данной группы стараются избегать неопределенности (Deardorff, 2006; Gudykunst, 1993; Hammer et al., 1997; Imahori, Lanigan, 1989; Ting-Toomey, 1999) и обладают меньшими ресурсами в совладании с внутренним напряжением в стрессовых ситуациях (Mendenhall et al., 2008).

«Дезадаптанты» менее терпимы к проявлению разного рода инаковости в окружении, в том числе, и в этническом аспекте (Новикова 2012, 2015; Почебут, 2012; Deardorff, 2006). Несмотря на то, что наиболее выраженным типом этнической идентичности для «дезадаптантов» является позитивная этническая идентичность, по сравнению с другими группами она менее выражена. Для «дезадаптантов» также характерны наиболее высокие показатели по этнонигилизму и всем типам гиперидентичности.

Таким образом, «дезадаптанты» чаще других групп либо отказываются от восприятия этнокультурного фактора как важной составляющей идентичности своей и других, либо с разной степенью силы тяготеют к этноцентристскому восприятию мира (Солдатова, 1998). Все эти характеристики свидетельствуют о достаточно слабых ресурсах и низком потенциале «дезадаптантов» в сфере межкультурного взаимодействия. Для них сложно осуществлять актуальную адаптивную активность в рамках межкультурной контекста, не говоря уже о преадаптивной и неадаптивной. Развитие МК видится для представителей данной группы проблемным, а погружение в межкультурный контекст без длительной подготовки не рекомендуется.

Сензитивные адаптанты. Данную группу составляют респонденты с высокими показателями по метакогнитивному, когнитивному и мотивационному компонентам КИ, а также по шкале принятия различий межкультурной сензитивности. Представители данной группы по многим показателям тяготеют к «преадаптантам».

«Сензитивные адаптанты» могут быть успешны в межкультурном взаимодействии вследствие искреннего интереса к межкультурному контексту, осознания важности культурных различий, знаний об особенностях разных национальностей и реализации соответствующих культурному контексту стратегий взаимодействия. Большая часть ее представителей владеют языками, достаточно часто общаются с представителями других культур в повседневной жизни, имеют широкий

круг друзей и коллег другой национальности. «Сензитивные адаптанты» отмечают позитивное влияние представителей других культур на коллектив, но тяготеют в сторону индифферентной оценки, таким образом, нивелируя место этнокультурного фактора во внутригрупповом взаимодействии. Большинство «сензитивных адаптантов» имеют опыт зарубежных поездок, а некоторая часть – и опыт проживания. В большинстве «сензитивные адаптанты» оценивают свой опыт межкультурного взаимодействия достаточно высоко.

«Сензитивные адаптанты» отличаются доброжелательностью и открытостью опыту по сравнению с другими группами, только «преадаптанты» превосходят их в выраженности этих черт. «Сензитивные адаптанты» готовы к изменениям, новизне и неопределенности и способны идти неизведанными путями. Они обладают высокой способностью справляться с внутренними переживаниями при попадании в стрессовые ситуации. У них выражены толерантные установки, в том числе, и к другим этническим группам, пусть и менее сильно по сравнению с «преадаптантами». «Сензитивные адаптанты» практически наравне с «преадаптантами» способны к эмпатии, в том числе, к идентификации с другим человеком для более глубокого понимания его переживаний. «Сензитивные адаптанты» свойственна выраженность позитивной этнической идентичности и в меньшей степени присущи этнонигилизм и гиперидентичность.

Отметим, что у «сензитивных адаптантов» среди ценностных ориентаций наиболее выражена дистанция власти и индивидуализм. С одной стороны, следование иерархическим отношениям может объяснять некоторую скованность в поведенческом компоненте в межкультурном контексте. С другой стороны, независимость от коллективных предписаний, индивидуальный подход в оценке окружающих создает условия для расширения знаний о других культурах и выстраивания адекватных стратегий межкультурного взаимодействия. «Сензитивные адаптанты»

обладают достаточно высоким потенциалом и богатством ресурсов, но не всегда способны актуализировать их в поведении при межкультурном взаимодействии. Таким образом, для них характерна, в первую очередь, актуальная адаптивная активность с элементами преадаптивной. Их высокая готовность к межкультурному взаимодействию может содействовать быстрому росту в рамках обучающих программ и тренингов МК. Особое внимание необходимо обратить на оттачивание навыков вербального и невербального поведения при взаимодействии с представителями других культур.

Немотивированные адаптанты. Данную группу составили респонденты с показателями выше среднего по двум параметрам: по поведенческому компоненту КИ и шкале принятия различий. «Немотивированные адаптанты» при необходимости могут обеспечивать успешность межкультурного взаимодействия только через соответствующее культурному контексту вербальное и невербальное поведение. При этом они не заинтересованы во вступлении в межкультурное взаимодействие, не обладают глубокими знаниями о других культурах и не выстраивают стратегий при таком взаимодействии. «Немотивированные адаптанты» демонстрируют средние показатели по владению языками, схожие с «дезадаптантами» низкие показатели интенсивности повседневного межкультурного взаимодействия и скудность межкультурного социального капитала.

В подавляющем большинстве «немотивированные адаптанты» не отмечают влияния культурного разнообразия коллектива на общую атмосферу в нем, то есть не обращают внимания на возможности обогащения профессиональной деятельности благодаря разным культурным контекстам. Две трети из них испытывают позитивные чувства по отношению к представителям других культур, при этом пятая часть сообщает о равнодушном отношении. Опыт межкультурного взаимодействия за рубежом не очень большой. Показатели по успешности межкультурного опыта не

очень высокие и близки к «дезадаптантам». «Немотивированным адаптантам» присуща некоторая сдержанность и неуверенность при общении, при этом они доброжелательны по отношению к другим. «Немотивированные адаптанты» в большей степени, чем все остальные кроме «дезадаптантов», склонны к постоянству и стабильности в жизни, не всегда готовы к изменениям, хотя и могут быть открыты новому опыту. Они обладают выраженными на среднем уровне способностями совладать внутри себя со стрессовыми ситуациями, понимать и сочувствовать переживаниям другого, принимать инаковость окружающих.

Преобладающим типом у «немотивированных адаптантов» является позитивная этническая идентичность, хотя отмечены более высокие по сравнению с другими группами, кроме «дезадаптантов», показатели выраженности гиперидентичности, особенно этноэгоизма и этнофанатизма. Таким образом, хотя представители данного типа имеют определенные ресурсы в различении и принятии межкультурной специфики, умении вести себя в соответствии с культурным контекстом, доброжелательности к другим, относительно позитивным установкам по отношению к чужим культурам, тем не менее, эти ресурсы не актуализированы: отсутствует желание и готовность вступать в межкультурное взаимодействие, наблюдается дефицит знаний о других культурах и способность выстраивать стратегии межкультурного взаимодействия. Такие характеристики могут приводить к неоднозначным результатам межкультурного взаимодействия в контексте адаптивной активности. Возможно, за счёт сензитивности и соответствующего поведения они могут быть в определенной степени адаптивными к межкультурному контексту на непродолжительное время, но без развития остальных компонентов МК это не может быть долгосрочным решением проблемы. Перечисленные особенности требуют направленной работы по формированию МК, в первую очередь, мотивационной составляющей, которая может способствовать дальнейшему развитию других ее компонентов.

Избегающие адаптанты. В эту группу вошли респонденты со средними показателями когнитивного компонента КИ и низкими показателями по мотивационному, метакогнитивному, поведенческому компоненту КИ и шкале принятия межкультурной сензитивности. Так, у «избегающих адаптантов» есть возможность обеспечить успешную межкультурную коммуникацию только благодаря определенным знаниям и представлениям о других культурах, хотя при отсутствии других составляющих это видится проблематичным. «Избегающие адаптанты» имеют достаточно высокие показатели по владению языками и интенсивности межкультурного общения, а также средний по величине круг межкультурных социальных связей.

Большинство «избегающих адаптантов» оценивают влияние присутствия представителей разных национальностей на коллектив индифферентно или положительно. Две трети «избегающих адаптантов» испытывает позитивные чувства по отношению к представителям других культур. Четверть – нейтральные чувства, что также свидетельствует об их невысокой заинтересованности в исследовании мира на границах культур. По наличию опыта жизни и поездок за рубеж «избегающие адаптанты» похожи на «немотивированных адаптантов», большая часть бывала за границей, хотя не так часто, как «преадаптанты» и «сензитивные адаптанты». «Избегающие адаптанты» в основном оценивают свой опыт межкультурного взаимодействия положительно, хотя и несколько ниже, чем «сензитивные адаптанты».

Для «избегающих адаптантов» характерна в большей мере интроверсия. Они скорее могут пренебрегать обязательствами и не соблюдать принятые культурные нормы. Они менее доброжелательны по сравнению с другими группами, кроме «дезадаптантов». «Избегающие адаптанты» проявляют интерес к новому и неизведанному, достаточно толерантны к ситуациям, характеризующимся неопределенностью, и готовы справляться со сложными ситуациями, требующими внутренних ресурсов

для совладания. Для «избегающих адаптантов» по сравнению с «дезадаптантами» и «немотивированными адаптантами» более характерны толерантные установки по отношению к представителям других национальностей и способность сопереживать другому через механизмы идентификации.

По сравнению с этими группами также слабее выражены трансформации этнической идентичности по типу гиперидентичности. Наиболее свойственными «избегающим адаптантам» типами этнической идентичности оказались позитивная и индифферентная. Последнее может свидетельствовать о восприятии этничности как неактуальной или несущественной формы самоопределения личности, что может приводить к ошибкам в межкультурном взаимодействии. Таким образом, «избегающие адаптанты» обладают определенными личностными ресурсами, которые могли бы обеспечить им успешность в межкультурном взаимодействии, но будто бы совсем не смотрят в эту сторону и безразличны к культурному многообразию, ограничиваясь лишь осведомленностью о культурных особенностях, но не принимая их в расчет. В отличие от «немотивированных адаптантов» они с трудом будут справляться с адаптацией к межкультурному контексту, а скорее предпочтут стратегию избегания ситуаций взаимодействия культуры, при этом обладая определенным личностным потенциалом для эффективной активности в межкультурном контексте. Так, с представителями этого типа нет первоочередной задачи повышения МК через расширение знаний о культурах, но необходимо обратить внимание на ее аффективно-мотивационную составляющую.

2.6. Выводы

1. Феномен МК связан с личностными характеристиками, вносящими вклад в способность индивида осуществлять актуальную адаптивную, преадаптивную и неадаптивную активность, в том числе, и в условиях межкультурного разнообразия. Формирование МК связано с такими личностными характеристиками как открытость опыту, экстраверсия, добросовестность, доброжелательность, толерантность, этническая идентичность, жизнестойкость, эмпатия, толерантность к неопределенности. Наиболее сильные связи компонентов МК обнаружены с выраженностью типов этнической идентичности: прямая — с позитивной этнической идентичностью, обратная — с типами гиперидентичности.

2. Ряд исследованных личностных характеристик не только связан с МК, но может выступать предиктором выраженности ее компонентов. В рамках построенной модели позитивная этническая идентичность — наиболее значимый предиктор уровня всех компонентов МК. Открытость опыту предсказывает уровень всех компонентов КИ. Именно эти личностные характеристики способствуют наиболее эффективному сочетанию различных форм адаптивной активности индивида, обеспечивающей успешность в межкультурном контексте. Выраженность типов гиперидентичности, напротив, оказывает отрицательный эффект на уровень МК, ограничивает возможности личности в межкультурной среде. Остальные личностные характеристики вносят вклад в отдельные компоненты МК.

Наиболее полно личностные и социокультурные характеристики объясняют мотивационный компонент КИ, а также, хотя и несколько слабее, когнитивный компонент КИ и межкультурную сензитивность. Вклад исследованных предикторов в уровень сформированности поведенческого и метакогнитивного компонента КИ оказывается наиболее слабым. Как метапознание на уровне межкультурных контекстов, так и непосредственная реализация стратегий в поведении оказываются более неоднозначными

процессами, которые сложнее предсказать на основании выделенных личностных характеристик. Полученные в рамках предложенной модели результаты не противоречат нашей гипотезе о предикторах межкультурной компетентности, но требуют дальнейшего уточнения и проверки.

3. Выделенные типы межкультурной компетентности личности — «преадаптанты», «сензитивные адаптанты», «немотивированные адаптанты», «избегающие адаптанты», «дезадаптанты» — порождаются специфическими сочетаниями выраженности отдельных компонентов МК, что может свидетельствовать о нелинейности процесса ее развития. Представители данных групп различаются по выраженности рассмотренных личностных характеристик, играющих существенную роль в успешности межкультурного взаимодействия и определяющих возможности осуществления актуальной адаптивной, преадаптивной и неадаптивной активности индивида. Они также отличны по ряду показателей, важных в межкультурном взаимодействии: владение языками, интенсивность межкультурного общения в повседневной жизни, межкультурные социальные связи, межкультурный опыт и оценка его успешности.

Наиболее высокие показатели по перечисленным параметрам у «преадаптантов», обладающих наиболее полным набором межкультурных компетенций, а также у «сензитивных адаптантов», которым, тем не менее, не хватает навыков в поведенческом аспекте межкультурного взаимодействия. Средние показатели демонстрируют «немотивированные адаптанты», обладающие ограниченным репертуаром компетенций, что может приводить к амбивалентным результатам в межкультурном общении. «Избегающие адаптанты», обладая ограниченными личностными ресурсами и низкими показателями МК, занимают защитную позицию, стараясь не впускать в свой мир культурное разнообразие. Наиболее слабые показатели у «дезадаптантов», именно обладание таким типом МК может приводить к постоянным неудачам в межкультурном взаимодействии.

4. Представленный анализ связи личностных характеристик и типов МК позволяет сформировать представления о ресурсах и способах ее повышения, а также даёт возможность в соответствии с особенностями структуры МК обосновать индивидуальные траектории ее развития. Одной из базовых составляющих формирования МК является работа с этнической идентичностью личности — конструированием, осознанием и принятием позитивных установок относительно своей родной культуры при толерантном отношении к другим культурам. Оценка выраженности таких личностных свойств как открытость, экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, толерантность к неопределенности, жизнестойкость, этническая толерантность, эмпатийная способность к идентификации позволят определить личностные ресурсы, имеющиеся у индивида в распоряжении на «входе» в процессе развития МК личности.

5. Результаты адаптации методики «Расширенная шкала культурного интеллекта» показывают, что русскоязычная версия является надежным и валидным психодиагностическим инструментом, направленным на исследование мотивации к межкультурной коммуникации, знаний о других культурах, стратегии межкультурного взаимодействия и поведения в ситуациях культурного разнообразия. Данная методика может применяться для измерения ключевых аспектов МК в русскоязычной среде.

Заключение

Траектория развития современного мира придает особую значимость способности успешно существовать и действовать в условиях культурного разнообразия и неопределенности. Так, межкультурная компетентность становится одной из ключевых компетентностей настоящего и ближайшего будущего, наравне с цифровой грамотностью. Изучение социокультурных и личностных факторов, определяющих возможности ее развития, представляется актуальным для понимания механизмов ее формирования.

В рамках теоретического обзора, несмотря на диффузность исследовательского поля, были выделены общие научные представления о содержательных характеристиках межкультурной компетентности. Межкультурная компетентность рассматривается как интегральное динамическое личностное образование, имеющее сложную структуру и включающее когнитивный, поведенческий, аффективный и мотивационный компоненты, способствующее осуществлению эффективного взаимодействия в межкультурном контексте в рамках адаптивных стратегий. В опоре на отечественную методологию такой подход был дополнен представлениями о более широком спектре стратегий успешной межкультурной коммуникации, связанных не только с актуальной адаптацией, но и преадаптивной и неадаптивной активностью личности. Так, общее ускорение протекания различных процессов, в том числе, глобальных, и усиление на этом фоне неопределенности и сложности различных сторон человеческой жизнедеятельности требуют не только развития способов приспособления к существующему межкультурному контексту, но и предвосхищения культурного разнообразия, гибкого управления изменяющимися ситуациями межкультурного взаимодействия, а также создания новых надситуативных форм и продуктов коммуникации в контексте диалога культурных миров, направленных на конструирование совместного будущего. В качестве исследовательских конструктов, адекватных представленному пониманию сущности межкультурной компетентности, были выбраны такие феномены

как межкультурная сензитивность, обеспечивающая чувствительность к разнообразию культурных контекстов и принятие культурных различий, и культурный интеллект, представляющий способность эффективно функционировать и взаимодействовать в ситуациях, характеризующихся культурным многообразием. Так, мы можем выделить оптимальную стратегию реализации межкультурной компетентности, включающую а) преадаптивную активность, выражающуюся в развитии интереса к другим культурам, чувствительности к культурным различиям и их принятию, б) адаптивную активность, связанную с мотивацией к получению новых возможностей от межкультурного контекста и уверенностью в собственной эффективности в адаптации в инокультурном контексте; овладением знаниями о других культурах; выработкой адекватных другой культуре невербальных и вербальных поведенческих реакций; в) неадаптивную активность, определяющую в рамках диалога преобразование и конструирование нового представителями взаимодействующих культур, не являющегося продуктом одной из культур, но выходящего за их рамки и представляющего результат их совместного творчества, иную траекторию и стратегию взаимодействия. Таким образом, межкультурная компетентность как интегральная динамическая личностная характеристика, включающая метакогнитивный, когнитивный, аффективный, мотивационный и поведенческий компоненты, обеспечивает различные виды адаптивной активности личности в межкультурном контексте, актуализирующиеся в расширении репертуара стратегий преодоления неопределенности, управлении ситуациями культурного разнообразия и конструировании нового пространства взаимодействия посредством диалога культур.

Гипотезы эмпирического исследования подтвердились частично. Наиболее сильные связи компонентов межкультурной компетентности обнаружены с выраженностью типов этнической идентичности: положительная – с позитивной этнической идентичностью, отрицательная – с видами гиперидентичности. Открытость, экстраверсия, доброжелательность,

добросовестность, толерантность, толерантность к неопределенности, жизнестойкость и эмпатия как личностные характеристики, вносящие вклад в способность индивида осуществлять актуальную адаптивную, преадаптивную и неадаптивную активность, в том числе, и в условиях межкультурного разнообразия, оказались связаны с компонентами межкультурной компетентности.

Полученные в рамках построенной модели результаты в целом не противоречат гипотезе о предикторах уровня межкультурной компетентности. Тем не менее, только часть предполагаемых личностных характеристик вошли в окончательную модель: позитивная этническая идентичность, гиперидентичность, открытость, экстраверсия, добросовестность, доброжелательность, этническая толерантность, жизнестойкость толерантность к неопределенности, эмпатийная способность к идентификации. В качестве предикторов также были рассмотрены такие социокультурные факторы как знание языков и социальный культурный капитал, показавшие свою значимость при анализе теоретических и эмпирических работ. В рамках построенной модели основными предикторами уровня межкультурной компетентности выступили позитивная этническая идентичность, а также открытость. Именно выраженность этих личностных характеристик в большей мере может определять уровень компонентов межкультурной компетентности. Так, позитивное самосознание себя как части этнокультурной группы при уважительном отношении к другим культурам, а также интерес к неизведанному и возможность принять новое, оказались наиболее значимыми характеристиками в определении потенциала для осуществления активности различной направленности в межкультурном контексте в диапазоне от актуальной адаптации к надситуативной неадаптации. Они могут играть наиболее важную роль в формировании способности чувствовать культурные различия и принимать их, быть мотивированным на взаимодействие в межкультурном контексте,

обогащать свой кругозор знаниями о других культурах, выстраивать стратегии межкультурного взаимодействия и реализовывать их в поведении.

На основании представления о нелинейности развития межкультурной компетентности и различиях в наличии ресурсов для осуществления актуальной адаптивной, преадаптивной и неадаптивной активности личности была выдвинута гипотеза о существовании нескольких типов межкультурной компетентности, получившая свое подтверждение в эмпирическом исследовании. Выделенные на основании соотношения выраженности компонентов межкультурной компетентности типы – «преадаптанты», «сензитивные адаптанты», «немотивированные адаптанты», «избегающие адаптанты», «дезадаптанты» – различаются по ряду социодемографических и личностных характеристик. Наиболее ресурсными типами выступают «преадаптанты» и «сензитивные адаптанты», обладающие благоприятным социокультурным багажом и выраженностью личностных характеристик, способствующих успешному осуществлению различной активности в межкультурном взаимодействии. Противоположный полюс занимают «дезадаптанты», хуже всего готовые к деятельности в межкультурном контексте. «Немотивированные адаптанты» и «избегающие адаптанты» обладают определенным потенциалом для успешного межкультурного взаимодействия, что требует, в той или иной мере, развития компонентов межкультурной компетентности.

В качестве практического выхода данного исследования выделенная типология и апробированный психодиагностический инструментарий могут лечь в основу программ целостной оценки уровня межкультурной компетентности и разработки индивидуальных траекторий ее развития в соответствии с выраженностью мотивационно-аффективного, когнитивного, метакогнитивного и поведенческого компонентов межкультурной компетентности, а также социокультурных и личностных характеристик субъектов.

Одним из перспективных направлений дальнейшего исследования можно назвать дальнейшее изучение взаимоотношений между описанными предикторами формирования межкультурной компетентности личности, того, как они опосредствуют друг друга и в какой роли выступают (медиаторы и модераторы), что позволит создать более целостное представление о феномене. Полученные результаты показывают, что данные предикторы лучше объясняют аффективно-мотивационную и когнитивную составляющие межкультурной компетентности, в то время как эффект на метакогнитивный и поведенческий компоненты оказывается слабым. Так, необходимо продолжить поиск тех личностных характеристик и социокультурных факторов, которые связаны с выраженностью именно этих компонентов.

Данная работа представляется только первым шагом в понимании сочетания актуальной адаптивной, преадаптивной и неадаптивной активности личности в межкультурном контексте. Если проблеме актуальной адаптации в межкультурной среде уделялось основное внимание в научном дискурсе, то механизмы и особенности преадаптивной и неадаптивной активности на стыке культурных миров требуют основательного исследования в силу своей пока слабой разработанности. Для более полного понимания феномена в условиях возрастающих сложности, неопределенности и разнообразия мира необходимо рассматривать межкультурную компетентность именно через призму гибкого переключения между различными видами адаптивной активности для обеспечения эффективности в многообразии ситуаций межкультурного взаимодействия.

Список литературы

1. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 239 с.
2. Андреева Г. М. Личность в поисках идентичности в глобальном мире // Социальная психология сегодня: поиски и размышления. – М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2009. – 155 с.
3. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: Издательство МГУ, 1980. – 414 с.
4. Асмолов А.Г. Историко-эволюционный подход к пониманию личности: проблемы и перспективы исследования // Вопросы психологии, 1986. – № 1. – С. 28–41.
5. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. – М.; Воронеж, 1996. – 650 с.
6. Асмолов А.Г. Непройдённый путь: от культуры полезности - к культуре достоинства // Вопросы психологии, 1990. – № 5. – С. 5–13.
7. Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. – М.: «Смысл», 2002а. – 480 с.
8. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2007. – 526 с.
9. Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. – М.: Смысл, 2001. – 414 с.
10. Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия [Электронный ресурс] // Психологические исследования, 2015. – Т. 8. – № 40. – С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.05.2018)
11. Асмолов А.Г. Толерантность как культура XX века // Толерантность: объединяем усилия. М.: Летний сад, 2002б. – С. 150–181.

12. Асмолов А.Г., Солдатова Г.У. Режиссура совместных действий [Электронный ресурс] // Учительская газета, 2007. – № 40. URL: <http://www.ug.ru/archive/21071> (дата обращения: 11.06.2018).
13. Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии, 2017. — № 4. — С. 3–26.
14. Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты. – М., 2018. – 212 с.
15. Белинская Е.П. Идентичность личности в условиях социальных изменений: диссертация ... доктора психологических наук: 19.00.05. – Москва, 2006. – 479 с.
16. Белинская Е.П. Неопределенность как категория современной социальной психологии личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования, 2014. – Т. 7. – № 36. – С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.06.2018).
17. Беловол Е.В., Шкварило К.А., Хворова, Е.М. Адаптация опросника «Шкала культурного интеллекта» К. Эрли и С. Анга на русскоязычной выборке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика, 2012. – № 4. – С. 5–14.
18. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика и культура. – М.: Прогресс, 1991. – 176 с.
19. Вербицкий А.А., Ларионова О.Г. Личностный и компетентностный подходы в образовании: проблемы интеграции. – М.: Логос, 2009. – 339 с.
20. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
21. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т.3 Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983. – 368 с.
22. Гасимов А.Ф. Индивидуальные характеристики личности как факторы прогнозирования хода переговорного процесса.: Автореф. ... дис. канд. психол. наук. – М., 2021. – 33 с.

23. Гридунова М.В. Психологические факторы межкультурной компетентности студентов и школьников: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.01. – РУДН, Москва, 2018. – 306 с.
24. Гридунова М.В., Новикова И.А., Шляхта Д.А. Межкультурная компетентность и факторы «Большой пятерки»: к постановке проблемы // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Серия. Акмеология образования. Психология развития, 2017. – Т. 6. – Вып. 2. – № 22. – С. 140–147.
25. Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. – 252 с.
26. Гриценко В.В. Этническая идентичность и социально-психологическая адаптация // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика, 2006. – Т. 6. – Вып. 1/2. – С. 62–70.
27. Гриценко В.В., Павлова О.С., Ткаченко Н.В., Усубян Ш.А., Хухлаев О.Е., Шорохова В.А. Анализ зарубежных эмпирических моделей межкультурной компетентности и методик для ее оценки (Часть 2) [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология, 2020б. – Том 9. – № 3. – С. 108–117. doi:10.17759/jmfp.2020090310
28. Гриценко В.В., Хухлаев О.Е., Павлова О.С., Ткаченко Н.В., Усубян Ш.А., Шорохова В.А. Анализ зарубежных эмпирических моделей межкультурной компетентности и методик для ее оценки [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология, 2020а. – Том 9. – № 1. – С. 103–113. doi:10.17759/jmfp.2020090111
29. Гуриева С.Д. Психология межэтнических отношений. – СПб.: Санкт-Петербургский госуниверситет, 2010. – 276 с.
30. Гусев А.И. Толерантность к неопределенности как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2011. – С. 300-329.
31. Гусев А.Н., Садовская Е.А. Влияние установок разного уровня на выраженность феномена слепота к изменению [Электронный ресурс] //

Психологические исследования, 2015. – Т. 8, № 40. – С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.09.2018).

32. Гусева О.Ю. Этническая идентичность в ситуации межкультурного взаимодействия и в условиях моноэтнической среды: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.05. – Москва, МГППУ, 2004. – 251 с.

33. Диагностика уровня эмпатических способностей В.В. Бойко // Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие / Под ред. Д.Я. Райгородского. – Самара, 2001. – С. 486–490.

34. Донцов А.И., Стефаненко Т.Г., Уталиева Ж.Т. Язык как фактор этнической идентичности // Вопросы психологии. – 2009. – № 4. – С. 75–86.

35. Дробижева Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся / Под редакцией Л.М. Дробижевой. – Academia, 2002. – С. 213–244.

36. Жамбал О. Специфика межкультурной адаптации и факторов «Большой пятерки» у монгольских и китайских студентов // Психологическое благополучие в поликультурном мире: сб. ст. победителей конкурсов научных работ студентов и аспирантов. – М.: РУДН, 2015. – С. 16–28.

37. Жиганов Б.А. О роли социальной компетентности личности в повышении эффективности управленческих кадров в системе образования: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.01. – М., 2007. – 208 с.

38. Жуков Ю.М. Тренинг как метод совершенствования коммуникативной компетентности: диссертация ... доктора психологических наук: 19.00.05. – М., 2003. – 356 с.

39. Зимняя И.А. Компетенция и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании // Иностранные языки в школе, 2012. – № 6. – С. 2–10.

40. Зинченко В.П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? // Вопросы психологии, 2007. – № 6. – С. 3–20.

41. Знаков В.В. Новый этап развития психологических исследований субъекта // Вопросы психологии, 2017. – № 2. – С. 3–16.

42. Кадильникова О.А. Жизнестойкость как фактор межкультурной адаптации иностранных студентов из разных регионов // Вестник РУДН, серия Психология и педагогика, 2011. – № 5. – С. 240–244.
43. Карпов А.В., Скитяева И.М. Психология метакогнитивных процессов личности онлайн. – М.: Институт психологии РАН, 2005. – 344 с.
44. Корнилова М.В. Динамика межкультурной компетентности в моно- и поликультурных группах (на материале межкультурного тренинга): диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.05. – М.: МГППУ, 2012. – 212 с.
45. Корнилова Т.В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. – Нестор-История Санкт-Петербург, 2016. – 334 с.
46. Корнилова Т.В. Новый опросник толерантности к неопределенности // Психологический журнал, 2010. – Т. 31. – № 1. – С. 74–86.
47. Корнилова Т.В. Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности // Психологический журнал, 2009. – Т. 30. – № 6. – С. 140–152.
48. Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска [Электронный ресурс] // Психологические исследования, 2015. – Т. 8. – № 40. – С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 12.08.2018).
49. Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии: основания и проблемы [Электронный ресурс] // Психологические исследования, 2010. – Т. 3. – № 11. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 27.07.2018).
50. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. – М.: «Когито-Центр», Издательство «Институт психологии РАН», 1997. – 432 с.
51. Купавская А.С. Развитие этнокультурной компетентности подростка методом социально-психологического тренинга: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.05. – Москва: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2008. – 159 с.

52. Лебедева Н.М. Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ // Этническая толерантность в поликультурных регионах России / Под ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – С. 10–34.
53. Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г. Межкультурный диалог в школе. Кн. 2. Программа тренинга. — М.: Изд-во РУДН Москва, 2004. – 300 с.
54. Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г., Мартынова М.Ю. Межкультурный диалог: Тренинг этнокультурной компетентности. – М.: Издательство РУДН Москва, 2003. – 268 с.
55. Левкович В. П., Андрущак И. Б. Этноцентризм как социально-психологический феномен (на материале исследования этнических групп Узбекистана) // Психологический журнал, 1995. – Т. 16. – № 2. – С. 70–80.
56. Леонтович О.А. Россия и США. Введение в межкультурную коммуникацию: Учеб. пособие. – Волгоград: Перемена, 2003. – 399 с.
57. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М: Политиздат, 1975. – 304 с.
58. Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования, 2015. – Т. 8. – № 40. – С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 23.07.2018).
59. Леонтьев Д.А. Психологические ресурсы преодоления стрессовых ситуаций: к уточнению базовых конструктов // Психология совладания: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Кострома, 23–25 сент. 2010 г. В 2 т. / Отв. ред.: Т.Л. Крюкова, М.В. Сапоровская, С.А. Хазова. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2010. – Т. 2. – С. 40–42.
60. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2011. – С. 178–209.

61. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. – М.: Смысл, 2006. – 63 с.
62. Логашенко Ю.А. Межкультурная сенситивность студентов в полиэтничной среде: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.05. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2015. – 239 с.
63. Логашенко Ю.А. Чувствительность к культурным различиям у студентов с разным опытом межкультурного взаимодействия // Вестник БФУ им. И. Канта, 2014. – № 11. – С. 73–81.
64. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика, 2006. – № 4. – С. 3–22.
65. Манойлова М.А. Акмеологическое развитие полиэтнической компетентности субъектов образования: диссертация ... доктора психологических наук: 19.00.13. – Псков: Псковский государственный университет, 2011. – 432 с.
66. Марцинковская Т.Д. Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. – М.: Смысл, 2017. – 271 с.
67. Марцинковская Т.Д. Современная психология – вызовы транзитивности [Электронный ресурс] // Психологические исследования, 2015. – Т. 8. – № 42. – С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.09.2018).
68. Марцинковская Т.Д. Трансформации социокультурной и лингвистической идентичности в процессе социализации в мультикультурной среде [Электронный ресурс] // Психологические исследования, 2018. – Т. 11, № 58. — С. 4. <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.02.2019).
69. Марцинковская Т.Д., Киселева Е.А. Проблема позитивной социализации в современном мультикультурном мире // Психологический журнал, 2018. – Т. 39. – № 3. – С. 79–89.

70. Mobilis in mobile: личность в эпоху перемен / Под ред. А.Г. Асмолова. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. – 546 с.
71. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. – Академический проспект, 2011. – 396 с.
72. Мурзаканова А.З. Особенности толерантности и индивидуально-личностных факторов у русских и кабардинских студентов // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика, 2015. – № 4. – С. 57–64.
73. Новикова И.А. Толерантность как условие эффективного взаимодействия в поликультурном образовательном пространстве // Психология образования в поликультурном пространстве, 2015. – Т. 1. – № 29. – С. 52–62.
74. Новикова И.А. Толерантность как фактор межкультурной адаптации и самореализации студентов многонационального университета // Самореализация личности в межкультурном пространстве. Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. С.И. Кудинова. – М.: РУДН, 2012. – С. 204–208.
75. Олпорт Г. Природа предубеждения // Век толерантности, 2003. – № 5. – С. 40–47.
76. Осин Е.Н. Факторная структура версии шкалы общей толерантности к неопределенности Д. МакЛейна // Психологическая диагностика, 2010. – № 2. – С. 65–86.
77. Осин Е.Н., Рассказова Е.И. Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 2013. – № 2. – С. 147–165.
78. Павленко В.Н. Аккультурационные стратегии и модели трансформации идентичности у мигрантов // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы / Под ред. Г.У. Солдатовой. – М.: Смысл, 2001. – С. 25–29.

79. Петровская Л.А. Компетентность в общении: Социально-психологический тренинг. – М.: Изд-во Московского университета, 1989. – 216 с.
80. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 512 с.
81. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности / Рос. открытый ун-т. – М.: ТОО «Горбунок», 1992. – 224 с.
82. Платонов Ю.П. Основы этнической психологии: учебное пособие. – Санкт-Петербург: Речь, 2003. – 452 с.
83. Пономарева М. А. Эмпатия: теория, диагностика, развитие: монография. – Минск: Бестпринт, 2006. – 76 с.
84. Почебут Л.Г. Социально-психологические принципы межкультурной коммуникативной компетентности // Ананьевские чтения – 2010. Современные прикладные направления и проблемы психологии: матер. науч. конф., 19—21 октября 2010 г. Ч. 2. – СПб., 2010. – С. 484.
85. Почебут Л.Г. Теория межкультурной коммуникативной компетентности // Наукові праці. Соціологія, 2012. – Випуск 172. – Том 184. – С. 14–18.
86. Почебут Л.Г. Тренинг межкультурного взаємопонимання // 18 програм тренінгов: керівництво для професіоналів / Під ред. В. А. Чикер. – СПб.: Речь, 2007. – С. 155–175.
87. Равен Дж. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. – М.: Когито-центр, 2002. – 396 с.
88. Роджерс К., Фрейберг Дж. Свобода учиться. – Москва: Смысл, 2002. – 527 с.
89. Садохин А.П. Межкультурная компетентность: понятие, структура, пути формирования // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2007. – Том X. – № 1. – С. 125–139.

90. Садохин А.П. Межкультурная компетентность: сущность и механизмы формирования: диссертация ... доктора культурологических наук: 24.00.01. – Москва: РАНХиГС, 2009. – 345 с.
91. Собкин В.С., Грачева А.М. К психологии еврейской идентичности // Этнос. Идентичность. Образование: Труды по социологии образования. Т. IV. - Вып. VI / Под ред. В.С. Собкина. – М.: Центр социологии образования РАО, 1998. – С. 105–141.
92. Соколова Е.Т. Шок от столкновения с социокультурной неопределенностью: клинический взгляд [Электронный ресурс] // Психологические исследования, 2015. – Т. 8. – № 40. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 16.09.2018).
93. Солдатова Г.У. Межкультурная компетентность как интегральная характеристика личности / Поверх барьеров: человек, текст, общение. Тезисы конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А.А. Леонтьева. – М., Смысл, 2006. – С. 26–29.
94. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.
95. Солдатова Г.У. Тест Культурно-ценностный дифференциал // Психология общения. Энциклопедический словарь. / Под ред. А.А. Бодалева. – М. Когито-Центр, 2011.
96. Солдатова Г.У., Кравцова О.А., Хухлаев О.Е., Шайгерова Л.А. Экспресс опросник «Индекс толерантности» // Психодиагностика толерантности личности / Под редакцией Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. – М.: Смысл, 2008. – С. 46–51.
97. Солдатова Г.У., Макарчук А.В., Пантелеев А.Б., Стебаков Д.А., Филилеева Е.В., Хохлова О.А. Методология и технология оценки социальной напряженности в образовательной среде. – АСОУ Москва, 2007. – 165 с.
98. Солдатова Г.У., Макарчук А.В., Шайгерова Л.А., Лютая Т.А. Искусство жить с непохожими людьми: психотехники толерантности – ГУ МО Издательский дом Московия, 2009. – 310 с.

99. Солдатова Г.У., Нестик Т.А. Историко-эволюционная перспектива человечества в мире разнообразия: от парадигмы конфликта к парадигме толерантности // Национальный психологический журнал, 2011. – № 2. – С. 15-25.
100. Солдатова Г.У., Чигарькова С. В. Личностные особенности как психологические предикторы успешности межкультурного взаимодействия организации // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии: Материалы пятой международной научной конференции 27-28 мая 2016 г. – Т. 2. – Издательство Смоленского гуманитарного университета Смоленск, 2016. – С. 191–194.
101. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В. Концепция культурного интеллекта и основные направления ее исследования // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции: В 5 томах: Том 2 / Отв. ред. Д. Б. Богоявленская – Т. 2. – Когито-Центр Москва, 2015. – С. 421–423.
102. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Кулеш Е.В., М.Ю. Тихомиров М.Ю. Этносоциальные и личностные предикторы направленности межкультурной коммуникации у жителей российских городов с различным этническим составом населения [Электронный ресурс] // Психологические исследования, 2018. – Т. 11. – № 62. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n62/1650-soldatova62.html>
103. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Рассказова Е.И. Апробация русскоязычной версии расширенной Шкалы культурного интеллекта // Психология. Журнал Высшей Школы Экономики, 2018. – Т. 15. – № 3. – С. 510–526.
104. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Групповая работа с вынужденными мигрантами // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы. Сборник статей. – Смысл Москва, 2001. – С. 208–225.

105. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Культурно-исторический подход к проблеме межкультурного взаимодействия (в печати).
106. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Рефлексия множественности выбора в психологии межкультурных коммуникаций [Электронный ресурс] // Психологические исследования, 2015. – Т. 8. – № 40. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 30.05.2018).
107. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Макачук А.В. Тренинг повышения межкультурной компетентности. – Москва: МГУ им М.В. Ломоносова, 2005. – 156 с.
108. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Шарова О.Д. Жить в мире с собой и другими. Тренинг толерантности для подростков (учебно-методическая разработка). – Москва: Генезис, 2001. – 112 с.
109. Социальная компетентность классного руководителя: режиссура совместных действий / Под ред. А.Г. Асмолова, Г.У. Солдатовой. – Москва: Учебная кн. БИС, 2007. – 160 с.
110. Спенсер Л.М., Спенсер С.М. Компетенции на работе. Модели максимальной эффективности работы. – М.: ГИППО, 2010. – 384 с.
111. Стернберг Дж. Интеллект успеха: монография. – Изд-во: Попурри, 1996. – 390 с.
112. Стернберг Дж., Форсайт Дж.Б., Хедланд Дж. Практический интеллект: монография / Под общ. ред. Дж. Стернберга. – Санкт-Петербург: Питер, 2002. – 272 с.
113. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: Учебник для студентов вузов. 5-е изд., испр. и доп. — Аспект Пресс Москва, 2014. – 352 с.
114. Ушаков Д.В. Социальный интеллект как вид интеллекта // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – с. 11–29.
115. Холодная М.А. Интеллектуальное воспитание или функциональная грамотность: приоритеты образовательной политики. Расширенный текст доклада на IV Всероссийском съезде психологов образования России

«Психология и современное российское образование», 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://ipras.ru/cntnt/rus/novosti/rus_news1/n2742.html. (дата обращения: 12.09.2018).

116. Холодная М.А. Перспективы исследований в области психологии способностей // Психологический журнал, 2007. – Т. 28. – № 1. – С. 28–37.

117. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. – М.: Московский университет, 1972. – 258 с.

118. Хотинец В.Ю. Этническая идентичность и толерантность. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 124 с.

119. Хромов А.Б. Пятифакторный опросник личности: Учебно-методическое пособие. – Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2000. – 23 с.

120. Хуторской А.В. Дидактическая эвристика. Теория и технология обучения. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 416 с.

121. Хухлаев О.Е., Чибисова М.Ю. Теоретические и практические вопросы межкультурной коммуникации: современные тенденции // Психологическая наука и образование, 2010. – № 5. – С. 168–179.

122. Черняк Н.В. Межкультурная компетенция: история исследования, определение, модели и методы контроля. – Флинта Москва, 2016. – 265 с.

123. Чигарькова С. В. Культурный интеллект как инструмент эффективного межкультурного взаимодействия в организации // Векторы развития современной России. Война миров: научное знание / прагматика жизни. Материалы XIV Международной научно-практической конференции молодых ученых. 17-18 апреля 2015 года: сборник материалов / Под общ. ред. М.Г. Пугачевой. – Издательский дом Дело РАНХиГС Москва, 2016. – С. 229–234.

124. Чигарькова С.В. Личностные особенности как фактор развития диалога культур в поликультурном обществе // Комплексные исследования человека: Психология. Материалы VII Сибирского психологического форума / под ред. О.М. Краснорядцевой. Часть 1. Аттракторы и идентичности человека

цифровой эпохи. Образование. Воспитание. Творчество. — Томский государственный университет Томск, 2017б. — С. 250–252.

125. Чигарькова С.В. Личностные черты как психологические предикторы успешности социального взаимодействия в мультикультурном обществе // Социальная психология личности и акмеология. Сборник материалов Международной научно-практической конференции 19-20 октября 2017 г. г. Саратов. — Перо Факультет психолого-педагогических и специального образования Саратовского Национального исследовательского государственного университета им. Чернышевского, 2017а. — С. 349–353.

126. Чигарькова С.В., Солдатова Г.У. Культурный интеллект как социально-психологический феномен: обзор концепции // Национальный психологический журнал, 2018. — Т. 32. — № 4. — С. 27–38.

127. Шайгерова Л.А. Трансформации идентичности личности в ситуации вынужденной миграции: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.01. — Москва, 2002. — 218 с.

128. Шлягина Е.И. Этническая толерантность личности: опыт эмпирического исследования // Межкультурный диалог: исследования и практика / Под ред. Г.У. Солдатовой, Т.Ю. Прокофьевой, Т.А. Лютой. — М.: Центр СМИ МГУ имени М.В. Ломоносова, 2004. — С. 218–224.

129. Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н. Методы исследования этнической толерантности личности // Стефаненко Т.Г., Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н. Методы этнопсихологического исследования. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. — С. 28–54.

130. Эльконин Д.Б. Психическое развитие в детских возрастах: Избранные психологические труды. — М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. — 416 с.

131. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис — Москва: Прогресс, 1996. — 344 с.

132. Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. — М.: Эдиториал УРСС, 1997. — 444 с.

133. Юревич А.В. Естественная и гуманитарная парадигмы в психологии, или раскачанный маятник // Вопросы психологии, 2005. – № 2. – С. 147–151.
134. Abdul M.M., Budhwar P. Cultural intelligence as a predictor of expatriate adjustment and performance in Malaysia // Journal of World Business, Elsevier, 2013. – Vol. 48. – № 2. – P. 222–231.
135. Abe H., Wiseman R.L. A cross-cultural confirmation of the dimensions of intercultural effectiveness // International Journal of Intercultural Relations, 1983. – Vol. 7. – P. 53–67.
136. Ackerman P.L. A theory of adult intellectual development: Process, personality, interests, and knowledge // Intelligence, 1996. – Vol. 22. – P. 227–257. doi:10.1016/S0160-2896(96)90016-1
137. Adler P.S. The transitional experience: An alternative view of culture shock // Journal of Humanistic Psychology, 1975 – Vol. 15. – P. 3–23.
138. Adler M. The paideia proposal: An educational manifesto. – New York: Macmillan, 1982. – 84 p.
139. Adorno T.W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D.J., Sanford R.N. The Authoritarian Personality. – New York: Harper & Row, 1950. – 990 p.
140. Ali A., Van der Zee K.I., Sanders G. Determinants of intercultural adjustment among expatriate spouses // International Journal of Intercultural Relations, 2003. – Vol. 27. – P. 563–580.
141. Ang S., Van Dyne L. Conceptualization of cultural intelligence: Definition, distinctiveness, and nomological network // Handbook of cultural intelligence: Theory, measurement, and applications / Ed. by S. Ang, L. Van Dyne, 2008.– P. 3–15
142. Ang S., Van Dyne L., Koh C., Ng K.-Y., Templer K.J., Tay C., Chandrasekar N. A. Cultural intelligence: Its measurement and effects on cultural judgment and decision making, cultural adaptation and task performance // Management and Organization Review, 2007. – Vol. 3. – P. 335–371. doi:10.1111/j.1740-8784.2007.00082.x.

143. Ang S., Van Dyne L., Koh, C. Personality correlates of the four-factor model of cultural intelligence // *Group & Organization Management*, 2006. – Vol. 31. – P. 100–123. doi:10.1177/1059601105275267.
144. Ang S., Van Dyne L., Tan M.L. Cultural intelligence. // *Cambridge handbook on intelligence* / Ed. by R. J. Sternberg, S. C. Kaufman. – Cambridge, England: Cambridge University Press, 2011. – P. 582–602.
145. Arasaratnam L.A. Intercultural Communication Competence: Development and Empirical Validation of a New Model // Paper presented at the annual meeting of the International Communication Association, New Orleans Sheraton, New Orleans, LA, May 27, 2004. – 38 p.
146. Arasaratnam L.A. Intercultural competence [Электронный ресурс] // *Oxford Research Encyclopedia of Communication*, 2016. URL: <https://oxfordre.com/communication/view/10.1093/acrefore/9780190228613.001.001/acrefore-9780190228613-e-68> (дата обращения: 28.08.2018).
147. Arasaratnam L.A., Doerfel M.L. Intercultural communication competence: Identifying key components from multicultural perspectives // *International Journal of Intercultural Relations*, 2005. – Vol. 29. – P. 137–163.
148. Argyris C. Explorations in interpersonal competence and organizational effectiveness. – Homewood, Irwin-Dorsey, 1965. – 292 p.
149. Arthur W., Bennett W. The international assignee: The relative importance of factors perceived to contribute to success // *Personnel Psychology*, 1995. – Vol. 48. – P. 99–114
150. Bakker W., Van der Zee K.I., Van Oudenhoven J.P. Personality and Dutch emigrants' reactions to acculturation strategies // *Journal of Applied Social Psychology*, 2006. – Vol. 36. – P. 2864–2891.
151. Bandura A. Social cognitive theory in cultural context // *Applied Psychology*, 2002. – Vol. 51. – P. 269-290. doi:10.1111/1464-0597.00092.
152. Behrnd V., Porzelt S. Intercultural competence and training outcomes of students with experiences abroad // *International Journal of Intercultural Relations*, 2012. – Vol. 36. – P. 213–223.

153. Bennett M.J. A Developmental Approach to Training for Intercultural Sensitivity // *International Journal of Intercultural Relations*, 1986. – № 10. – P. 179–196.
154. Bennett M.J. Basic concepts of intercultural communication: Selected readings. – Maine: Intercultural Press, 1998. – 288 p.
155. Bennett M.J. Developing intercultural competence for global leadership // *Interkulturelles management: Konzeption – Beratung – Training* / Ed. by R. D., C. Fußinger. – Wiesbaden: Gabler, 2001. – P. 205–226.
156. Bennett M.J. Towards ethnorelativism: A developmental model of intercultural sensitivity // *Education for the intercultural experience* / Ed. by M. Paige. – Yarmouth, ME: Intercultural Press, 1993. – P. 21–71.
157. Bentler P. M. Comparative fit indexes in structural models // *Psychological Bulletin*, 1990. – Vol. 107. – P. 238–246.
158. Berry J.W., Kim U., Power S., Young M., Bujaki M. Acculturation in plural societies // *Applied Psychology: An International Review*, 1989. – Vol. 38. – P. 185–206.
159. Bird A., Mendenhall M., Stevens M.J., Oddou G. Defining the content domain of intercultural competence for global leader // *Journal of Managerial Psychology*, 2010. – Vol. 25. – P. 810–828.
160. Black H.T., Duhon D.L. Assessing the impact of business study abroad programs on cultural awareness and personal development // *Journal of Education for Business*, 2006. – Vol. 81. – P. 140–144.
161. Bochner A.P., Kelly C.W. Interpersonal competence: Rationale, philosophy, and implementation of a conceptual framework // *The Speech Teacher*, 1974. – Vol. 23. – № 4. – P. 279–301. doi.org/10.1080/03634527409378103
162. Bochner S. Defining Intolerance of Ambiguity // *The Psychological Record*, 1965. – Vol. 15. – P. 393–400.
163. Bochner S., McLeod B.M., Lin A. Friendship patterns of overseas students: A functional model // *International Journal of Psychology*, 1977. – Vol. 12. – P. 277–297.

164. Bradford L., Allen M., Beisser K. Meta-analysis of Intercultural Communication Competence Research // *World Communication*, 2000. – Vol. 29. – P. 28–51.
165. Breakwell G. M. *Coping with threatened identities*. – London: Methuen, 1986. – 280 p.
166. Brislin R.W. *Cross-cultural Encounters: Face-to-face Interaction*. – New York: Pergamon Press, 1981. – 372 p.
167. Browne M. W., Cudeck R. Alternative ways of assessing model fit // *Testing structural equation models* / Ed. by K. A. Bollen, J. S. Long. – Newbury Park, CA: Sage, 1993. – P. 136–162.
168. Brummett B.R., Wade J.C., Ponterotto J.G., Thombs B., Lewis C. Psychosocial wellbeing and a multicultural personality disposition // *Journal of Counseling & Development*, 2007. – Vol. 85. – P. 73–81.
169. Bücker J., Furrer O., Lin Y. Measuring cultural intelligence (CQ): A new test of the CQ scale // *International Journal of Cross Cultural Management*, 2015. – Vol. 15. – № 3. – P. 259–284.
170. Bücker J., Poutsma E. Global management competencies: a theoretical foundation // *Journal of Managerial Psychology*, 2010 – Vol.25. – № 8. –P. 829–844. doi:10.1108/02683941011089116
171. Budner S. Intolerance of Ambiguity as a Personality Variable // *Journal of Personality*, 1962. – Vol. 30. – P. 29–50.
172. Byram M. On Being «Bicultural» and «Intercultural» // *Intercultural Experience and Education* / Ed. by G. Alred, M. Byram, M. Fleming. – Tonowanda, NY: Multilingual Matters, 2003. – P. 50–66.
173. Byram M. *Teaching and Assessing Intercultural Communication Competence*. – New York: Multilingual Matters, 1997. – 136 p.
174. Byram M., Nichols A., Stevens D. *Developing Intercultural Competence in Practice*. – New York: Multilingual Matters, 2001. – 296 p.
175. Byrne B. Adaptation of assessment scales in cross-national research: issues, guidelines and caveats // *International Perspectives in Psychology: Research*,

- Practice, Consultation, 2016. – Vol. 5. – № 1. – P. 51–65. doi: dx.doi.org/10.1037/ipp0000042
176. Caligiuri P.M. The Big Five personality characters as predictors of expatriate's desire to terminate the assignment and supervisor-rated performance // *Personnel Psychology*, 2000. – Vol. 53. – P. 67–88.
177. Calloway-Thomas C. *Empathy in the global world: An intercultural perspective*. – Los Angeles: Sage, 2010. – 264 p.
178. Cantor N., Kihlstrom, J.E *Personality and social intelligence*. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1987. – 290 p.
179. Chen G., Kirkman B. L., Kim K., Farh C.I.C., Tangirala S. When does cross-cultural motivation enhance expatriate effectiveness? A multilevel investigation of the moderating roles of subsidiary support and cultural distance // *Academy of Management Journal*, 2010. – Vol. 53. – P. 1110–1130. doi:10.5465/AMJ.2010.54533217
180. Chen G.M. *A Review of the Concept of intercultural Sensitivity* // Paper presented at the biennial convention of Pacific and Asian communication association. – Honolulu, 1997.
181. Chen G.M., Starosta W.J. *Foundations of Intercultural communication*. – Boston: Allyn and Bacon, 1998. – 352 p.
182. Chen G.M., Starosta W.J. *Intercultural communication competence: A synthesis* // *Communication Yearbook 19* / Ed. by In B. Burleson. – Thousand Oaks: Sage, 1996. – P. 353–383.
183. Chen G.M., Starosta W.J. *Intercultural communication competence: A synthesis* // *Communication Yearbook № 19* / Ed. by B. Burleson. – Thousand Oaks, California, the USA: Sage, 1996. – P. 353–383.
184. Chen G.M., Starosta W.J. *Intercultural listening: collected reflections, collated refractions* // *International and Intercultural Communication Annual*, 2005. – Vol. 28. – P. 274–285.

185. Chen G.M., Starosta W.J. The development and validation of the intercultural communication sensitivity scale // *Human Communication*, 2000. – Vol. 3. – P. 1–15.
186. Chen X.P., Liu D., Portnoy R.A. multilevel investigation of motivational cultural intelligence, organizational diversity climate, and cultural sales: Evidence from U.S. real estate firms // *Journal of Applied Psychology*, 2011. – Vol. 97. – № 1. – P. 93–106. doi: 10.1037/a0024697
187. Chigarkova S., Soldatova G., Khrushchev S., Rasskazova E., Tkhostov A. Chigarkova S. Personality and cultural intelligence as factors of coping with stress of recent relocation and adaptation in multicultural environment in Russia // *European Psychiatry*, 2018. – Vol. 48. – № S1. – P. 161–161.
188. Chiu C.-Y., Lonner W.J., Matsumoto D., Ward C. Cross-cultural competence: Theory, research, and application // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2013. – Vol. 44. – P. 843–848.
189. Chomsky N. Aspects of a theory of syntax. – Cambridge Mass.: MIT Press, 1965. – 251 p.
190. Chua R.Y.J., Morris M.W., Mor S. Collaborating Across Cultures: Cultural Metacognition and AffectBased Trust // *Creative Collaboration Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 2012. – Vol. 118. – № 2. – P. 116–131.
191. Church A.T. Sojourner adjustment // *Psychological Bulletin*, 1982. – Vol. 91. – P. 540-572.
192. Cleveland H.I., Mangone G.J, Clarke J. The overseas Americans. – New York: McGraw-Hill, 1960. – 316 p.
193. Collier M.J. Cultural and intercultural communication competence: Current approaches and directions for future research // *International Journal of Intercultural Relations*, 1989. – Vol. 13. – P. 287–302.
194. Collier M.J. Theorizing cultural identifications // *Theorizing about intercultural communication* / Ed. by W.B. Gudykunst. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2005. – P. 235–256.

195. Collier M.J., Thomas M. Cultural identity: An interpretive perspective // Theories in intercultural communication / Ed. by Y.Y. Kim, W.B. Gudykunst. – Newbury Park, CA: Sage, 1988. – P. 94–120.
196. Costa P.T, McCrae R.R. Revised NEO Personality Inventory (NEO PI-R) and New Five-Factor Inventory (NEO FFI) Professional Manual. – Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, 1992.
197. Crowne K.A. The Relationships among Social Intelligence, Emotional Intelligence and Cultural Intelligence // Organizational Management Journal, 2009. – Vol. 6. – P. 148–163.
198. Cupach W.R., Imahori T.T. Identity management theory: Communication competence in intercultural episodes and relationships // Intercultural communication competence / Ed. by R. L. Wiseman, J. Koester. – Newbury Park, CA: Sage, 1993. – P. 112–131.
199. Cushner K., Brislin R.W. Intercultural relations: A practical guide (2nd ed.). – Thousand Oaks, CA: Sage, 1996. – 365 p. doi: 10.4135/9781452204970.
200. Dalton M., Wilson M. The relationship of the five-factor model of personality to job performance for a group of Middle Eastern expatriate managers // Journal of Personality and Social Psychology, 2000. – Vol. 31. – P. 250–258.
201. Dean B.P. Cultural intelligence in global leadership: A model for developing culturally and nationally diverse teams: unpublished doctoral dissertation. – Regent University, Virginia Beach, VA, 2007. – 283 p.
202. Deardorff D.K. Assessing intercultural competence // New Directions for Institutional Research, 2011. – Vol. 149. – P. 65–79. doi: 10.1002/ir.381.
203. Deardorff D.K. Identification and Assessment of Intercultural Competence as a Student Outcome of Internationalization // Journal of Studies in International Education, 2006. – Vol. 10. – № 3. – P. 241–266. doi: 10.1177/1028315306287002.
204. Deci E.L., Ryan R.M. Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. – New York, NY: Plenum, 1985. – 372 p.

205. Deng L., Gibson P.A. qualitative evaluation on the role of cultural intelligence in cross-cultural leadership effectiveness // *International Journal of Leadership Studies*, 2008. – Vol. 3. – № 2. – P.181–197.
206. DeTurk S. Intercultural empathy: Myth, competency, or possibility for alliance building? // *Communication Education*, 2001. – Vol. 50. – № 4. – P. 374–384.
207. Duff A.J., Tahbaz A., Chan C. The interactive effect of cultural intelligence and openness on task performance // *Research and Practice in Human Resource Management*, 2012. – Vol. 20. – P. 1–12.
208. Earley P.C., Ang S. *Cultural intelligence: Individual interactions across cultures*. – Palo Alto, CA: Stanford University Press, 2003. – 400 p.
209. Eccles J.S., Wigfield A. Motivational beliefs, values, and goals // *Annual review of psychology*, 53 / Ed, by S.T. Fiske, D.L. Schacter, C. Zahn-Waxler. – Palo Alto, CA: Annual Reviews, 2002. – P. 109–132.
210. Elenkov D.S., Manev I.M. Senior expatriate leadership's effects on innovation and the role of cultural intelligence // *Journal of World Business*, 2009. – Vol. 44. – P. 357–369. doi:10.1016/j.jwb.2008.11.001
211. Endriulaitiene A., Seibokaite L., Pranckeviciene A., Zardeckaite-Matulaitiene K., Marksaityte R. Personality or acculturation – what matters for substance use of lithuanian emigrants? // *European Scientific Journal*, 2015. – Vol.11. – № 17. – P. 56–73.
212. Engle L., Engle J. Assessing language acquisition and intercultural sensitivity development in relation to study abroad program design // *Frontiers: The Interdisciplinary Journal to Study Abroad*, 2004. – Vol. 10. – P. 219–236.
213. Engle R.L., Crowne K.A. The Impact of International Experience on Cultural Intelligence: An Application of Contact Theory in a Structured ShortTerm Programme // *Human Resource Development International*, 2013. – Vol. 17. – P. 30–46.

214. Engle R.L., Nehrt C.C. Antecedents of cultural intelligence: The role of risk, control, and openness in France and the United States // *Journal of Management*, 2012. – Vol. 13. – № 5. – P. 35–47.
215. Fantini A., Tirmizi, Exploring and assessing intercultural competence. – World Learning Publications, 2006. – 74 p.
216. Fehr R., Kuo E. The impact of cultural intelligence in multicultural social networks // Paper presented at the 23rd Annual Conference of the Society for Industrial and Organizational Psychology. – San Francisco, CA, 2008.
217. Ford M.E., Maher M.A. Self-awareness and social intelligence // *Self-awareness: Its nature and development* / Ed. by M. D. Ferrari, R. J. Sternberg. – New York: Guilford Press, 1998. – P. 191–218.
218. Frenkel-Brunswick E. Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable // *Journal of Personality*, 1949. – Vol.11. – № 1. – P. 108–143.
219. Fritz W. Die interkulturelle Kompetenz von Managern – ein Schlüsselfaktor für den Erfolg auf Auslandsmärkten // *Kompetenzen moderner Unternehmensführung: Joachim Hentze zum 60. Geburtstag* / Ed. by D. von Oelsnitz, A. Kammel. – Bern.: Haupt, 2001. – P. 87–101.
220. Fromm E. *Escape from Freedom*. – New York: Henry Holt and Company, LLC, 1941. – 177 p.
221. Funder D.C. Personality // *Annual Review of Psychology*, 2001. – Vol. 52. – P. 197–221. doi:10.1146/annurev.psych.52.1.197.
222. Furnham A., Ribchester T. Tolerance of ambiguity: A review of the concept, its measurement and applications // *Current Psychology*, 1995. – Vol. 14. – № 3. – P. 179–199.
223. Furnham A.F., Bochner S. Social difficulty in a foreign culture: An empirical analysis of culture shock // *Culture in Contact: Studies in cross cultural interaction* / Ed. by S. Bochner. – Pergamon: Oxford, 1982. – P. 161–198.

224. Garcea E.A.A. European Perspectives on Intercultural Communication // *European Journal of Intercultural studies*, 1998. – Vol. 9. – № 1. – P. 25–40. doi: 10.1080/0952391980090102.
225. Gardner H. *Frames of mind: The theory of multiple intelligences*. – New York: Basic Books, 1983. – 528 p.
226. Gardner H. *Multiple intelligences: Theory in practice*. – New York, NY: Basic Books, 1993. – 320 p.
227. Gelfand M.J., Imai L., Fehr R. Thinking intelligently about cultural intelligence: The road ahead // *Handbook of cultural intelligence: Theory, measurement, and applications* / Ed. by S. Ang, L. Van Dyne. – New York, NY: M. E. Sharpe, 2008. – P. 375–387.
228. Gjertsen T., Torp A.M., Koh C.K., Tan M.L. The impact of cultural intelligence on homophily in intraorganizational multinational networks // Paper presented at the annual meeting of the Academy of Management. – Montreal, Canada, 2010.
229. Goffman E. On face-work: an analysis of ritual elements in social interaction // *Psychiatry: Journal for the Study of Interpersonal Processes*, 1955. – Vol. 18. – P. 213–231.
230. Goleman D. *Emotional intelligence*. – New York: Bantam Books, 1995. – 384 p.
231. Graf A. Screening and training intercultural competencies: Evaluating the impact of national culture on intercultural competencies // *International Journal of Human Resource Management*, 2004. – Vol. 15. – № 6. – P. 1124–1148.
232. Griffith D.A., Harvey M.G. An intercultural communication model for use in global interorganizational networks // *Journal of International Marketing*, 2000. – Vol. 9. – № 3. – P. 87–103.
233. Groves K., Feyerherm A. Leader cultural intelligence in context: Testing the moderating effects of team cultural diversity on leader and team performance // *Group and Organization Management*, 2011. – Vol. 36. – P. 535–566. doi:10.1177/1059601111415664

234. Groves K.S., Feyerherm A., Gu M. Examining Cultural Intelligence and CrossCultural Negotiation Effectiveness // *Journal of Management Education*, 2015. – Vol. 39. – P. 209–243.
235. Gudykunst W.B. Applying anxiety/uncertainty management (AUM) Theory to intercultural adjustment training // *International Journal of Intercultural Relations*, 1998. – Vol. 22. – № 2. – P. 227–250.
236. Gudykunst W.B. *Bridging Differences: Effective Intergroup Communication*. – London: SAGE Publications Inc., 2004. – 448 p.
237. Gudykunst W.B. Intercultural communication theories // *Handbook of international and intercultural communication*. 2nd ed. / Ed. by W.B. Gudykunst, B. Mody. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2002. – P. 183–206.
238. Gudykunst W.B. Intercultural contact and attitude change: A review of literature and suggestions for future research // *International and Intercultural Communication Annual*, 1977. – Vol. 4. – P. 2–16.
239. Gudykunst W.B. Toward a theory of effective interpersonal and intergroup communication // *Intercultural Communication Competence, International and Intercultural Communication Annual*, Vol. 16 / Ed. by R.J. Wiseman, J. Koester. – Newbury Park, CA: Sage, 1993. – P. 3–17.
240. Gudykunst W.B., Hammer M.R. Dimensions of intercultural effectiveness: Culture specific or culture general? // *International Journal of Intercultural Relations*, 1984. – Vol. 8. – P. 1–10.
241. Gudykunst W.B., Hammer M.R., Wiseman R.L. An analysis of an integrated approach to cross-cultural training // *International Journal of Intercultural Relations*, 1977. – Vol. 1 – № 2. – P. 99–110. doi: 10.1016/0147-1767(77)90045-1
242. Gudykunst W.B., Ting-Toomey S., Chua E. *Culture and interpersonal communication*. – Newbury Park, CA: Sage, 1988. – 280 p.
243. Gullahorn J.E., Gullahorn J.T. American students abroad: Professional versus personal development // *The Annals*, 1966. – № 368. – P. 43–59.
244. Hajek C., Giles H. *New Directions in Intercultural Communication Competence: The Process Model*. // *Handbook of Communication and Social*

- Interaction Skills / Ed. by J. Greene, B. Burleson. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2003. – P. 935–957.
245. Hall E.T. Beyond Culture. – New York: Doubleday, 1976. – 320 p.
246. Hall E.T. The Silent Language. – New York: Doubleday, 1959. – 240 p.
247. Hammer M.R. Additional intercultural validity testing of the intercultural development inventory // International Journal of Intercultural Relations, 2011. – Vol. 35. – P. 474–487.
248. Hammer M.R. Assessment of the impact of the AFS study abroad experience [Электронный ресурс]. – Hammer Consulting, 2005. URL: https://idiinventory.com/wp-content/uploads/2014/02/afs_study.pdf (дата обращения: 01.08. 2018)
249. Hammer M.R. Behavioral dimensions of intercultural effectiveness: A replication and extension // International Journal of Intercultural Relations, 1987. – Vol. 11. – P. 65–88.
250. Hammer M.R., Bennett M.J. The intercultural development inventory (IDI) manual. – Portland, OR: Intercultural Communication Institute, 1998.
251. Hammer M.R., Bennett M.J., Wiseman R. Measuring intercultural sensitivity: Intercultural Development Inventory // International Journal of Intercultural Relations, 2003. – № 27. – P. 421–443.
252. Hammer M.R., Gudykunst W.B., Wiseman R.L. Dimensions of intercultural effectiveness: An exploratory study // International Journal of Intercultural Relations, 1978. – Vol. 2. – P. 382–393.
253. Hammer M.R., Wiseman R.L., Rasmussen J.L., Brusckie J.C. A test of anxiety/ uncertainty management theory: The intercultural adaptation context // Communication Quarterly, 1998. – Vol. 46. – P. 309–326.
254. Harris J.G. A science of the South Pacific: Analysis of the character structure of the Peace Corps volunteer // American Psychologist, 1973. – Vol. 28. – № 3. – P. 232–247.

255. Hatzer B., Layes G. Applied Intercultural Competence // Handbook of Intercultural Communication and Cooperation / Ed. by A. Thomas, E.-U. Kinast, S. Schroll-Machl. – Vandenhoeck & Ruprecht, 2010. – P. 121–130.
256. Heath D.H. Maturity and competence. – New York: Gardner Press, 1977.
257. Herrera C.J. Multicultural Personality, Hardiness, Morale, Distress and Cultural Stress in U.S. Service Members. PhD diss., University of Tennessee, 2012. https://trace.tennessee.edu/utk_graddiss/1528
258. Hoffman M.L. Empathy and moral development: Implications for caring and justice. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 342 p.
259. Hoffman T. The meanings of competency // Journal of European Industrial Training, 1999. – Vol. 23 – № 6. – P. 274–275.
260. Hofstede G. Culture's consequences: International differences in work-related values. – Beverly Hills CA: Sage, 1980. – 328 p.
261. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. Revised and expanded third edition. – New York: McGraw-Hill, 2010. – 576 p.
262. Hofstede G., Minkov M. Values Survey Module 2013 Manual [Электронный ресурс]. URL: <http://geerthofstede.com/wp-content/uploads/2016/07/Manual-VSM-2013.pdf/> (дата обращения: 08.07.2015).
263. Huang T., Chi S., Lawler J.J. The relationship between expatriates' personality traits and their adjustment to international assignments // International Journal of Human Resource Management, 2005. – Vol. 16. – P. 1656–1670.
264. Huff K.C. Language, cultural intelligence and expatriate success // Management Research Review, 2013. – Vol. 36. – P. 596–612.
265. Huff K.C., Song P., Gresch E.B. Cultural intelligence, personality, and cross-cultural adjustment: A study of expatriates in Japan International // Journal of Intercultural Relations, 2014. – Vol. 38. – P. 151–157.
266. Hwang J.C., Chase L.J., Arden-Ogle E. Communication competence across three cultures: In search of similarity // Paper presented at the International Communication Association Conference. – Chicago. 1985.

267. Hwang J.C., Chase L.J., Kelly C.W. An intercultural examination of communication competence // Paper presented at the International Communication Association Conference. – Acapulco, Mexico, 1980.
268. Hymes D. Competence and performance in linguistic theory // Language acquisition: Models and methods / Ed. by R. Huxley, E. Ingram. – New York: Academic Press, 1971. – P. 3–28.
269. Ilan A., Higgins J.M. Global Leadership Success through Emotional and Cultural Intelligences // Business Horizons, 2005. – Vol. 48. – P. 501–512.
270. Imahori T.T., Lanigan M.L. Relational Model of Intercultural Communication Competence // International Journal of Intercultural Relations, 1989. – Vol. 13. – P. 269–286.
271. Imai L., Gelfand M. J. The culturally intelligent negotiator: The impact of cultural intelligence (CQ) on negotiation sequences and outcomes // Organizational Behavior and Human Decision Processes, 2010. – Vol. 112. – P. 83–98. doi:10.1016/j.obhdp.2010.02.001.
272. Inglehart R. Modernization and post-modernization: Cultural, economic and political change in 43 societies. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. – 464 p.
273. Jackson J. Globalization, internationalization, and short-term stays abroad // International Journal of Intercultural Relations, 2008. – Vol. 32. – P. 349–358.
274. Javidan M., Teagarden M.B. Conceptualizing and measuring global mindset // Advances in Global Leadership. Volume 6 / Ed. by W.H. Mobley, M. Li., Y. Wang. – Emerald Group Publishing Limited, 2011. – P. 13–39.
275. Jubert D. Factors Contributing to the Intercultural Competence of International School Administrators: A Mixed Methods Study [Электронный ресурс]: Dissertation retrieved from the University of Minnesota Digital Conservancy, 2016. URL: <http://hdl.handle.net/11299/182290> (дата обращения: 26.08.2018).
276. Kagan H., Cohen J. Cultural adjustment of international students // Psychological sciences, 1990. – Vol. 1. – P. 133–137.

277. Kealey D. J. The challenge of international personnel selection // Handbook of intercultural training / Ed. by D.L. Landis, R.S. Bhagat. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1996. – P. 81–105.
278. Kelley C., Meyers J. Cross-cultural adaptability inventory manual. – Arlington, VA: Vangent, 1995. – 81 p.
279. Kiechl R. Interkulturelle Kompetenz, dans Kooper, E. et Kiechl R. (sous la direction de), Globalisierung: von der Vision zur Praxis // Methoden und Ansätze zur Entwicklung interkultureller Kompetenz. – Zurich: Versus, 1997. – P. 11–29.
280. Kim B., Cartwright B., Asay P., D'Andrea M. A Revision of the Multicultural Awareness, Knowledge, and Skills Survey // Measurement and Evaluation in Counseling and Development, 2003. – Vol. 36. – №3. – P. 161–180.
281. Kim K., Kirkman B.L., Chen G. Cultural intelligence and international assignment effectiveness // Handbook of cultural intelligence: Theory, measurement, and applications / Ed. by S. Ang, L. Van Dyne. – New York, NY: Sharpe, 2008. – P. 71–90.
282. Kim Y.J., Van Dyne L. Cultural Intelligence and International Leadership Potential: The Importance of Contact for Members of the Majority // Applied Psychology: An International Review, 2012. – Vol. 61. – P. 272–294.
283. Kim M.-S. Intercultural communication in Asia: current state and future prospects // Asian Journal of Communication, 2010. – Vol. 20 – № 2. P. 166–180. doi: 10.1080/01292981003693351
284. Kitsantas A., Meyers J. Studying abroad: Does it enhance college student cross-cultural awareness? [Электронный ресурс] // Paper presented at the Combined Annual Meeting of the San Diego State University and the U.S. Department of Education Centers for International Business Education and Research, San Diego, CA, 2001. URL: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/ED456648.pdf> (дата обращения: 07.07.2018).
285. Kluckhohn F, Strodtbeck F. Variations in value orientations. – Evanston, IL: Row, Peterson, 1961. – 437 p.

286. Koester J., Olebe, M. The behavioral assessment scale for intercultural assessment // *International Journal of Intercultural Relations*, 1988. – Vol. 12. – P. 233–246.
287. Koo H., Choi B., Shik Jung J. Previous international experience, cross-cultural training, and expatriates' cross-cultural adjustment: Effects of cultural intelligence and goal orientation // *Human Resource Development Quarterly*, 2012. – Vol. 23. – № 3. – P. 285–330.
288. Kornhaber M., Gardner H. Critical thinking across multiple intelligences // *Learning to think: Thinking to learn* / Ed. by S. Machlure, P. Davies. – Oxford: Pergamon, 1991. – P. 147–168.
289. Kupka B., Everett A., Wildermuth S. The Rainbow Model of Intercultural Communication Competence: A Review and Extension of Existing Research // *Intercultural Communication Studies*, 2007. – Vol. XVI. – № 2. – P. 18–36.
290. Leung K., Ang S., Tan M.L. Intercultural Competence // *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, 2014. – Vol. 1. – P. 489–519.
291. Li M., Mobley W.H., Kelly A. When do global leaders learn best to develop cultural intelligence? An investigation of the moderating role of experiential learning style // *Academy of Management Learning & Education*, 2013. – Vol. 12. – P. 32–50.
292. Lieberman D.A., Gamst G. Intercultural communication competence revisited: Linking the intercultural and multicultural fields // *International Journal of Intercultural Relations*, 2015. – Vol. 48. – P. 17–19.
293. Lin Y.C., Chen A.S.Y., Song Y.C. Does Your Intelligence Help to Survive in a Foreign Jungle? The Effects of Cultural Intelligence and Emotional Intelligence on CrossCultural Adjustment // *International Journal of Intercultural Relations*, 2012. – Vol. 36. – P. 541–552.
294. Little T. D. Longitudinal structural equation modeling. – New York: Guilford Press, 2013. – 386 p.

295. Liu M., Huang J.L. Cross-cultural adjustment to the United States: the role of contextualized extraversion change // *Frontiers in Psychology*, 2015. – Vol. 6. – P. 1650. doi: 10.3389/fpsyg.2015.01650
296. Lloyd S., Härtel C. Intercultural competencies for culturally diverse work teams // *Journal of Managerial Psychology*, 2010. – Vol. 25. – P. 845–875.
297. Lonner W.J., Hayes S.A. Understanding the cognitive and social aspects of intercultural competence // *Culture and competence: Contexts of life success* / Ed. by R. Sternberg, E. Grigorenko. – Washington, DC: American Psychological Association, 2004. – P. 89–110.
298. MacNab B.R., Reginald W. Individual Characteristics as Predictors of Cultural Intelligence Development: The Relevance of SelfEfficacy // *International Journal of Intercultural Relations*, 2012. – Vol. 36. – P. 62–71.
299. Magalhães E., Costa P., Costa M.J. Empathy of medical students and personality: Evidence from the Five-Factor Model // *Medical Teacher*, 2012. – Vol. 34. № 10. – P. 807–812.
300. Magnusson P., Westjohn S.A., Semenov A.V., Randrianasolo A.A., Zdravkovic S. The Role of Cultural Intelligence Marketing and Export Performance // *Journal of International Marketing*, 2013. – Vol. 21. – P. 44–61.
301. Mak A.S., Buckingham K. Beyond communication courses: Are there benefits in adding skills-based EXCELL™ sociocultural training? // *International Journal of Intercultural Relations*, 2007. – Vol. 31. – P. 277–291.
302. Malazonia D., Maglakelidze S, Chiabrishvili N., Gakheladze G. Factors of students' intercultural competence development in the context of Georgia // *Cogent Education*, 2017. – Vol. 4 – № 1. doi: 10.1080/2331186X.2017.1302867
303. Malik A., Cooper-Thomas H.D., Zikic J. The Neglected Role of Cultural Intelligence in Recent Immigrant Newcomers' Socialization // *International Journal of Cross-Cultural Management*, 2014. – Vol. 14. – P. 195–213.
304. Marcia J. E., Waterman A. S., Matteson D. R., Archer S. L., Orlofsky J. L. *Egoidentity: A handbook for psychosocial research*. – New York: Springer-Verlag, 1993 – 391 p.

305. Martin J., Hammer M., Bradford, L. The Influence of Cultural and Situational Contexts on Hispanic and Non-Hispanic Communication Competence Behaviours // *Communication Quarterly*, 1994. Vol. 42. – P. 160–179.
306. Martin J.N., Hammer M.R. Behavioral categories of intercultural communication competence: Everyday communicators' perceptions // *International Journal of Intercultural Relations*, 1989. – Vol. 13. – P. 303–332.
307. Matsumoto D., Hwang H.C. Assessing cross-cultural competence: A review of available tests // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2013. – Vol. 44. – № 6. – P. 849–873.
308. Matsumoto D., LeRoux J.A., Ratzlaff C., Tatani H., Uchida H., Kim C., Araki S. Development and validation of a measure of intercultural adjustment potential in Japanese sojourners: The Intercultural Adjustment Potential Scale // *International Journal of Intercultural Relations*, 2001. – Vol. 25. – P. 483–510.
309. Matveev A. V., Nelson, P. E. Cross cultural communication competence and multicultural team performance: Perceptions of American and Russian managers // *International Journal of Cross-Cultural Management*, 2004. – Vol. 4. – P. 253–270.
310. Mayer J. D. *Personal intelligence: The power of personality and how it shapes our lives.* – New York: Scientific American/Farrar, Strauss, & Giroux, 2014.–288 p.
311. McClelland D.C. Testing for competence rather than for «intelligence» // *American Psychologist*, 1973. – Vol. 28. – № 1. – P. 1–14. doi: 10.1037/h0034092
312. Mendenhall M., Stevens M., Bird A., Oddou G., Osland J. *Intercultural Effectiveness Scale Technical Report.* Intercultural Effectiveness Scale Technical Report. 2008.
313. Messner W., Schäfer N. Advancing intercultural competences for global collaboration // *Globalization of Professional Services: Innovative Strategies, Successful Processes, Inspired Talent Management, and First-Hand Experiences /* Ed. by U. Bäumer, P. Kreutter, W. Messner – Heidelberg: Springer, 2012. – P. 189–202.

314. Milhouse V. The Applicability of Interpersonal Communication Competence to the Intercultural Communication Context // Intercultural communication competence / Ed. by R. Wiseman, J. Koester. – Newbury Park, CA: Sage, 1993. – P. 184–203.
315. Moon H.K., Choi B.K., Jung J.S. Previous International Experience, Cross-Cultural Training, and Expatriates' Cross-Cultural Adjustment: Effects of Cultural Intelligence and Goal Orientation // Human Resource Development Quarterly, 2012. – Vol. 23. – P. 285–330.
316. Moon T. Emotional intelligence correlates of the four-factor model of cultural intelligence // Journal of Managerial Psychology, 2010. – Vol. 25. – P. 876–898. doi:10.1108/02683941011089134
317. Moon T. The effects of cultural intelligence on performance in multicultural teams // Journal of Applied Social Psychology, 2013. – Vol. 43. – P. 2414–2425.
318. Mooradian T.A., Swan K.S. Personality-and-culture: The case of national extraversion and word-of-mouth // Journal of Business Research, 2006. – Vol. 59. – № 6. – P. 778–785.
319. Motowidlo S.J., Dunnette M.D., Carter G.W. An Alternative Selection Procedure: The Low-Fidelity Simulation // Journal of Applied Psychology, 1990. – Vol. 75. – P. 640–647. doi: 10.1037/0021-9010.75.6.640
320. Müller S., Gelbrich K. Interkulturelle Kompetenz als neuartige Anforderung an Entsandte: Status quo und Perspektiven der Forschung // Zeitschrift für betriebswirtschaftliche Forschung, 2001. – Vol. 53 – № 5. – P. 246–272.
321. Murdock G.P. Outline of cultural materials (5th rev. ed.). – New Haven, CT: Human Relations Area Files, 1987. – 247 p.
322. Ng K.-Y., Van Dyne L., Ang S. Cultural intelligence: a review, reflections and recommendations for future research // Conducting Multinational Research, Applying Organizational Psychology in the Workplace / Ed. by A.M. Ryan, F.T.L. Leong, F.L. Oswald. – Washington, Psychological Association, 2012. – P. 29–58.

323. O'Neil H.E., Abedi J. Reliability and validity of a state metacognitive inventory: Potential for alternative assessment // *The Journal of Educational Research*, 1996. – Vol. 89. – P. 234–245. doi:10.1080/00220671.1996.9941208
324. Oolders T., Chernysheva O.S., Stark S. Cultural intelligence as a mediator of relationships between Openness to Experience and adaptive performance // *Handbook of cultural intelligence: Theory, measurement, and applications* / Ed. by S. Ang, L. Van Dyne. – New York, NY: Sharpe, 2008. – P. 145–158.
325. Paige R.M., Cohen A.D., Shively R.L. Assessing the impact of a strategies-based curriculum on language and culture learning abroad // *Frontiers: The Interdisciplinary Journal to Study Abroad*, 2004. – Vol. 10. – P. 253–276.
326. Pedersen P. *A handbook for developing multicultural awareness* (2nd ed.). – Alexandria, VA: American Counseling Association, 1994. – 325 p.
327. Pedersen P.J. Assessing intercultural effectiveness outcomes in a year-long study abroad program // *International Journal of Intercultural Relations*, 2010. – Vol. 34. – № 1. – P. 70–80.
328. Pedersen P.J. Teaching towards an ethnorelative worldview through psychology study abroad // *Intercultural Education*, 2009. – Vol. 20. – P. 73–86.
329. Peifer J.S., Yangchen T. Exploring Cultural Identity, Personality, and Social Exposure Correlates to College Women's Intercultural Competence [Электронный ресурс] // *SAGE Open*, 2017. – Vol. 7. – № 2. – P. 1–13. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244017710493>.
330. Phinney J.S. The Multigroup Ethnic Identity Measure: A New Scale for Use with Diverse Groups // *Journal of Adolescent Research*, 1992. – Vol. 7. – № 2. – P. 156–176. doi:10.1177/074355489272003
331. Pintrich R.R., DeGroot E.V. Motivational and Self-Regulated Learning Components of Classroom Academic Performance // *Journal of Educational Psychology*, 1990. – Vol. 82. – P. 33–40. doi:10.1037/0022-0663.82.1.33.
332. Pochebut L., Logashenko Y. An intercultural sensitivity as a professional trait of specialists of humanitarian sphere // *Proceeding of the International Scientific Conference May 23-24. Rēzeknes Augstskola*, 2014. – Vol 1. – P. 207–216.

333. Ponterotto J. G. Multicultural Personality: An Evolving Theory of Optimal Functioning in Culturally Heterogeneous Societies // *The Counseling Psychologist*, 2010. – Vol. 38. – P. 714–758.
334. Precht E., Lund A. Intercultural Competence and Assessment: Perspectives from the INCA Project // *Handbook of Intercultural Communication* / Ed. by H. Kotthoff, H. Spencer-Oatey. – NY: Mouton de Gruyter, 2007. – P. 467–490.
335. Presbitero A. Cultural Intelligence (CQ) in Virtual, Cross-Cultural Interactions: Generalizability of Measure and Links to Personality Dimensions and Task Performance // *International Journal of Intercultural Relations*, 2016. – Vol. 50. – P. 29–38.
336. Pylyshyn Z.W. The role of competence theories in cognitive psychology // *Journal of Psycholinguistic Research*, 1973. – Vol. 2 – № 1. – P. 21–50.
337. Rasool C., Eklund J., Hansen E.M. Toward conceptualization of ethnocultural empathy // *Journal of Social, Evolutionary, and Cultural Psychology*, 2011. – Vol. 5. – № 1. – P. 1–13.
338. Rathje S. Intercultural competence: The status and future of a controversial concept // *Language & Intercultural Communication*, 2007. – Vol. 7. – № 4. – P. 254–266.
339. Reddin W.J. Using tests to improve training: The complete guide to selecting, developing and using training instruments. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1994. – 245 p.
340. Redmond M.V., Bunyi J.M. The relationship of intercultural communication competence with stress and the handling of stress as reported by international students // *International Journal of Intercultural Relations*, 1993. – Vol. 17. – P. 235–254.
341. Rockstuhl T., Ang S., Ng K.-Y., Lievens F., Van Dyne L. Putting Judging Situations into Situational Judgment Tests: Evidence from Intercultural Multimedia SJTs. // *Journal of Applied Psychology*, 2015. – Vol. 100. – P. 464–480.

342. Rockstuhl T., Ang S., Ng K.-Y., Lievens F., Van Dyne L. The incremental value of assessing situational perspective taking in SJTs // Presented at Annual Conference Social Industrial Organizational Psychology, 28th, Apr. 11–13. – Houston, 2013.
343. Rockstuhl T., Hong Y.Y., Ng K.-Y., Ang S., Chiu C.Y. The culturally intelligent brain: From detecting to bridging cultural differences // NeuroLeadership Institute, 2010. – Vol. 3. – P. 22–36.
344. Rockstuhl T., Ng K.-Y. The effects of cultural intelligence on interpersonal trust in multicultural teams // Handbook of cultural intelligence: Theory, measurement, and applications / Ed. by S. Ang, L. Van Dyne. – New York, NY: Sharpe, 2008. – P. 206–220.
345. Rockstuhl T., Seiler S., Ang S., Van Dyne L., Annen H. Beyond general intelligence (IQ) and emotional intelligence (EQ): The role of cultural intelligence (CQ) on cross-border leadership effectiveness in a globalized world // Journal of Social Issue, 2011. – Vol. 67. – P. 825–840.
346. Ruben B.D. Assessing communication competency for intercultural adaptation // Group & Organization Studies, 1976. – Vol. 1. – P. 334–354.
347. Ruben B.D., Kealey, D.J. Behavioral assessment of communication competency and the prediction of cross-cultural adaptation // International Journal of Intercultural Relations, 1979. – Vol. 3. – P. 15–47.
348. Ruiz-Bernardo P., Ferrández-Berrueco R., Sales-Ciges M.-A. Application of the CIPP model in the study of factors that promote intercultural sensitivity // Relieve, 2012. – Vol. 18. №. 2. – P. 1–14. doi: 10.7203/relieve.18.2.1993.
349. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // American Psychology, 2000. – Vol. 55. – P. 68–78.
350. Sahin F., Gurbuzb S., Köksal O., Ercan Ü. Measuring cultural intelligence in the turkish context // International Journal of Selection and Assessment, 2013 – Vol. 21. – № 2. – P. 135–144.

351. Salmon E.D., Gelfand M.J., Çelik A.B., Kraus S., Wilkenfeld J., Inman M. Cultural Contingencies of Mediation: Effectiveness of Mediator Styles in Intercultural Disputes // *Journal of Organizational Behavior*, 2013. – Vol. 34. – P. 887–909.
352. Salovey P., Mayer J.D. Emotional intelligence // *Imagination, cognition, and personality*, 1990. – Vol. 9. – P. 185–211.
353. Schartner A. You cannot talk with all of the strangers in a pub’: a longitudinal case study of international postgraduate students’ social ties at a British university // *Higher Education*, 2015. – Vol. 69. – № 2. – P. 225–241.
354. Schnabel D.B.L., Kelava A., Van de Vijver F.J.R., Seifert L. Examining psychometric properties, measurement invariance, and construct validity of a short version of the Test to Measure Intercultural Competence (TMIC-S) in Germany and Brazil // *International Journal of Intercultural Relations*, 2015. – Vol. 49. – P. 137–155.
355. Schwartz S.H. Cultural value differences: Some implications for work // *Applied Psychology: An International Review*, 1999. – Vol. 48. – P. 23–47.
356. Shaffer M.A., Harrison D.A., Gregersen H., Black J.S., Ferzandi L.A. You can take it with you: Individual differences and expatriate effectiveness // *Journal of Applied Psychology*, 2006. – Vol. 91. – № 1. – P.109–125.
357. Shannon L.M., Begley T.M. Antecedents of the four-factor model of cultural intelligence // *Handbook of cultural intelligence theory, measurement, and applications* / Ed. by S. Ang, L. Van Dyne. – Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2008. – P. 41–55.
358. Sinicrope C., Norris J., Watanabe Y. Understanding and assessing intercultural competence: a summary of theory, research, and practice (technical report for the foreign language program evaluation project) // *Second Language Studies*, 2007. –Vol. 26. – № 1. – P. 1–58.
359. Smithworth F., Daswani J. *Foundations of linguistics*. – New York: Free Press, 1974. – 177 p.

360. Soldatova G., Chigarkova S. The relationship between the features of intercultural experience and cultural intelligence // Book of Abstracts: XVI European Congress of Psychology (2–5 July, 2019, Lomonosov Moscow State University, Moscow). – Moscow University Press Moscow, 2019. – P. 1418.
361. Soldatova G., Chigarkova S., Rasskazova E. Approbation of the expanded scale of cultural intelligence in Russia // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpSBS), 2017. – Vol. 33. – P. 324–331.
362. Solhaug T., Kristensen N. N. Intercultural competence – a gendered issue?! Analysis of differences in intercultural competence in a Danish and Norwegian sample of uppersecondary school students // ECPR Joint session, 2016. – P. 1–18.
363. Spencer-Oatey H. Culturally speaking: Culture, communication and politeness theory (2nd edition). – London & New York: Continuum, 2008. – 384 p.
364. Spitzberg B.H. A Model of intercultural communication competence // Intercultural communication: A reader / Ed. by L. Samovar, R. Porter. – Belmont, CA: Wadsworth, 2000. – P. 375–387.
365. Spitzberg B.H. A Model of Intercultural Communication Competence // Intercultural communication: a reader. Chapter 7. Communicating Interculturally: Becoming Competent/ Ed. by L.A. Samovar, R.E. Porter. – Belmont: Wadsworth Pub. Co., 1997. – P. 379–391.
366. Spitzberg B.H., Changnon G. Conceptualizing intercultural competence // The SAGE Handbook of Intercultural Competence / Ed. by D.K. Deardorff. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2009. – P. 1–51.
367. Spitzberg B.H., Cupach W.R. Interpersonal Communication Competence. – Beverly Hills, CA: Sage, 1984.
368. Sri Ramalu S., Shamsudin F., Subramaniam C. The mediating effect of cultural intelligence on the relationship between openness personality and job performance among expatriates on international assignments // International Business Management, 2012. – Vol. 6. – P. 601–610.

369. Srinivas K.M. Globalization of business and the third world: challenge of expanding the mindsets // *Journal of Management Development*, 1995. – Vol. 14. – № 3. – P. 26–49. doi:10.1108/02621719510078957.
370. Sternberg R.J. *Beyond IQ: A triarchic theory of human intelligence*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 411 p.
371. Sternberg R.J., Detterman D.K. *What is intelligence? Contemporary viewpoints on its nature and definition*. – Norwood, NJ: Ablex, 1986. – 173 p.
372. Stewart A.C., Wilson C.E., Miles A.K. Developing ethically and culturally-intelligent leaders through international service experiences // *Journal of Leadership, Accountability and Ethics*, 2014. – Vol. 11. – P. 115–127.
373. Tajfel H., Turner J.C. *The Social Identity Theory of Intergroup Behavior* // *Psychology of Intergroup Relation* / Ed. by S. Worchel, W.G. Austin. – Hall Publishers, Chicago, 1986. – P. 7-24.
374. Tarique I., Takeuchi R. Developing cultural intelligence. The roles of international nonwork experiences // *Handbook of cultural intelligence. Theory, measurement, and applications* / Ed. by S. Ang, L. Van Dyne. – Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2008. – P. 56–70.
375. Tay C., Westman M., Chia A. Antecedents and consequences of cultural intelligence among short-term business travelers // *Handbook of cultural intelligence: Theory, measurement, and applications* / Ed. by S. Ang, L. Van Dyne. – New York, NY: Sharpe, 2008. – P. 126–144.
376. Templer K.J., Tay C., Chandrasekar N.A. Motivational cultural intelligence, realistic job preview, realistic living conditions preview, and cross-cultural adjustment // *Group & Organization Management*, 2006. – Vol. 31. – P. 154–173. doi:10.1177/1059601105275293.
377. Ting-Toomey S. *Communicating across cultures*. – New York: Guilford, 1999. – 310 p.
378. Ting-Toomey S., Kurogi A. Facework Competence in Intercultural Conflict: An Updated Face-Negotiation Theory // *International Journal of Intercultural Relations*, 1988. – Vol. 22. – P. 187–225. doi:10.1016/S0147-1767(98)00004-2.

379. Triandis H.C. *Culture and Social Behavior*. – New York: McGraw-Hill, 1994. – 320 p.
380. Trice A.G. Mixing it up: Graduate international students' social interactions with American students // *Journal of College Student Development*, 2004. – Vol. 45. – P. 671–687.
381. Trompenaars F., Hampden-Turner C. *Riding the waves of culture*. – McGraw-Hill Education, 1998. – 400 p.
382. Van der Zee K.I., Ali A., Haaksma I. Determinants of effective coping with cultural transition among expatriate children and adolescents // *Anxiety, Stress & Coping*, 2007. – Vol. 20. – P. 25–45.
383. Van der Zee K.I., Van Oudenhoven J.P. Culture shock or challenge? The role of personality as a determinant of intercultural Competence // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2013. – Vol. 44. – № 6. – P. 928–940.
384. Van der Zee K.I., Van Oudenhoven J.P. Personality and multicultural effectiveness / *The Oxford handbook of multicultural identity* // Ed. by V. Benet-Martínez, Hong Ying-Yi. – New York, 2014. – P. 255–275.
385. Van der Zee K.I., Van Oudenhoven J.P. The multicultural personality questionnaire: A multidimensional instrument of multicultural effectiveness // *European Journal of Personality*, 2000. – Vol. 14. – P. 291–309.
386. Van der Zee K.I., Van Oudenhoven J.P. The multicultural personality questionnaire: The reliability and validity of self- and other ratings of multicultural effectiveness // *Journal of Research in Personality*, 2001. – Vol. 35. – P. 278–288.
387. Van Dyne L., Ang S., Koh, C. Development and validation of the CQAS: The cultural intelligence scale // *Handbook of cultural intelligence: Theory, measurement, and applications* / Ed. by S. Ang, L. Van Dyne. – New York, NY: Sharpe, 2008. – P. 16–38.
388. Van Dyne L., Ang S., Ng K.-Y., Rockstuhl T., Tan M.L., Koh, C. Sub-dimensions of the four factor model of cultural intelligence: Expanding the conceptualization and measurement of cultural intelligence (CQ) // *Social and Personal Psychology: Compass*, 2012. – Vol. 6. – № 4. – P. 295–313.

389. Van Dyne L., Ang S., Tan M.L. Cultural Intelligence. Oxford Bibliographies. – Oxford, UK: Oxford University Press, 2017. – 23 p.
390. Van Oudenhoven J.P., Van der Zee K.I. Predicting multicultural effectiveness of international students: The Multicultural Personality Questionnaire // *International Journal of Intercultural Relations*, 2002. – Vol. 26. – P. 679–694.
391. Van Roey M. The Erasmus experience: multicultural effectiveness and language contact: master's dissertation. – Universiteit Gent, 2016. – 82 p.
392. Wang W.-L., Ching G.S. The role of personality and intercultural effectiveness towards study abroad academic and social activities // *International Journal of Research Studies in Psychology*, 2015. – Vol. 4 – № 4. – P. 13–27.
393. Wang Y., Davidson M., Yakushko O.F., Savoy H.B., Tan J.A., Bleier J.K. The scale of ethnocultural empathy: Development, validation and reliability // *Journal of Counseling Psychology*, 2003. – Vol. 50. – № 2. – P. 221–234.
394. Ward C. Acculturation // *Handbook of intercultural training* (2nd ed.) / Ed. by D. Landis, R. Bhagat. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1996. – P. 124–147.
395. Ward C. The Role of Intercultural Competence in Retaining Immigrants and Enhancing Settlement Outcomes // *Presentation in Centre for Applied Cross-Cultural Research*, Victoria University of Wellington, 2016. – P. 1–15.
396. Ward C., Bochner S., Furnham A. The psychology of culture shock. – London, England: Routledge, 2001. – 384 p.
397. Ward C., Fischer R. Personality, cultural intelligence, and intercultural adaptation // *Handbook of cultural intelligence: Theory, measurement, and applications* / Ed. by S. Ang, L. Van Dyne. – NY: Sharpe, 2008. – P. 159–176.
398. Ward C., Fischer R., Lam F.S.Z., Hall L. The convergent, discriminant, and incremental validity of scores on a self-report measure of cultural intelligence // *Educational and Psychological Measurement*, 2009. – Vol. 69. – P. 85–105.
399. Ward C., Kennedy A. Where's the "culture" in cross-cultural transition? Comparative studies of sojourner adjustment // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1993. – Vol. 24. – P. 221–249.

400. Ward C., Leong C.-H., Lo M. Personality and sojourner adjustment: An exploration of the Big Five and the cultural fit proposition // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2004. – Vol. 35. – P. 137–151.
401. Ward C., Okura Y., Kennedy A., Kojima T. The U-curve on trial: A longitudinal study of psychological and sociocultural adjustment during cross-cultural transition *International // Journal of Intercultural Relations*, 1998. – Vol. 22. – P. 277–291.
402. Ward C., Wilson J., Fisher R. Assessing the predictive validity of cultural intelligence over time // *Personality and Individual Differences*, 2011. – Vol. 51. – P. 138–142.
403. Ward C., Wilson, J. Conceptualizing, measuring and predicting intercultural competence // *Intercultural communication competence. / Ed. by X.D. Dai, G.M. Chen.* – Newcastle, UK: Cambridge Scholars Publishers, 2014. – P. 41–68.
404. Ward J. H. Hierarchical grouping to optimize an objective function // *Journal of the American Statistical Association*, 1963. – Vol. 58. – № 301. – P. 236–244.
405. Weber M. *The Protestant ethic and the spirit of capitalism.* – New York: Scribners. 1958. – 132 p.
406. Wiemann J.M. A summary of current research in communicative competence. Paper presented at the annual convention of the Speech Communication Association, Washington, D.C., 1977. – 30 p.
407. Williams T.R. Exploring the impact of study abroad on students' intercultural communication skills: Adaptability and sensitivity // *Journal of Studies in International Education*, 2005. – Vol. 9. – P. 356–371.
408. Wilson J., Ward C., Fischer R. Beyond culture learning theory: What can personality tell us about cultural competence? // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2013. – Vol. 44. – № 6. – P. 900–927.
409. Wiseman R.L. Intercultural communication competence // *Handbook of international and intercultural communication / Ed. By W.B. Gudykunst, B. Mody.* – Thousand Oaks, CA: Sage, 2002. – P. 207–224.

410. Wiseman R.L., Abe H. Cognitive complexity and intercultural effectiveness: Perceptions in American-Japanese dyads // *Communication yearbook 9* / Ed. by M.L. McLaughlin. – Beverly Hills, CA: Sage, 1986. – P. 611–622.
411. Wolff F., Borzikowsky C. Intercultural Competence by International Experiences? An Investigation of the Impact of Educational Stays Abroad on Intercultural Competence and Its Facets // *Journal of Cross–Cultural Psychology*, 2018. – Vol. 49. – № 3. – P. 488–514.
412. Wu PeiChuan, Ang S.H. The Impact of Expatriate Supporting Practices and Cultural Intelligence on CrossCultural Adjustment and Performance of Expatriates in Singapore // *International Journal of Human Resource Management*, 2011. – Vol. 22. – P. 2683–2702.
413. Zahed S. Erfahrungen, die verändern. Auswirkungen eines längerfristigen Auslandsaufenthaltes auf die Sozialkompetenz und die Selbstwirksamkeit. – Aachen, Germany: Shaker, 2012. – 426 p.
414. Zhu H. From intercultural awareness to intercultural empathy // *English Language Teaching*, 2011. – Vol. 4. – № 1. – P. 116–119.
415. Zimmerman S. Perceptions of intercultural communication competence and international student adaptation to an American campus // *Communication Education*, 1995. – Vol. 44. – P. 321–335.

Приложение 1. Пункты методики «Расширенная шкала культурного интеллекта» (оригинал и перевод)

Оригинальные пункты	Перевод
I truly enjoy interacting with people from different cultures.	Мне нравится взаимодействовать с представителями других национальностей и культур.
I thrive on experiencing cultural differences that are new to me	Меня обогащает взаимодействие с новой для меня культурой.
Given a choice, I prefer working with people from different (rather than similar) cultural backgrounds.	Если у меня будет выбор, я предпочту работать/учиться с людьми разного, а не одинакового культурного происхождения.
I value the reputation I would gain from living or working in a different culture.	Для меня важна оценка других, которой я бы мог (могла) добиться, проживая или работая в другой культурной среде.
Given a choice, I would value the tangible benefits (pay, promotion, perks) that could be gained from an intercultural interaction more than a same-culture interaction.	Если у меня будет выбор, я предпочту преимущества и возможности (заработную плату, продвижение, льготы и т.д.), которые дают учеба/работа в коллективе с представителями разных национальностей, а не только моей.
I value the reputation I would gain from developing global networks and culturally diverse connections.	Опыт учебы и работы в других странах и культурах мог бы улучшить мою репутацию.
I am confident I can persist in coping with the living conditions in different cultures.	Я уверен(а), что смогу приспособиться к условиям жизни в другой культуре.
I am sure I can handle the stress of interacting with people from cultures that are new to me.	Я уверен(а), что смогу справиться со стрессом от взаимодействия с представителями новых для меня культур.
I am confident I can socialize with locals in a culture that is unfamiliar to me.	Я уверен(а), что смогу успешно взаимодействовать с местными жителями в незнакомой мне культуре.
I can describe views of beauty and aesthetics across cultural settings.	Я имею представления о красоте и эстетике в разных культурах.
I can describe the different cultural value frameworks that explain behaviors around the world.	Я могу охарактеризовать основные ценности различных культур, объясняющие поведение их представителей.
I can describe religious beliefs of other cultures.	Я имею представления о разных религиях мира.
I can describe similarities and differences in legal, economic, and political systems across cultures.	Я имею представления о сходствах и различиях в праве, экономике и политике разных стран и культур.
I can speak and understand many languages.	Я владею на хорошем уровне двумя и более языками.
I develop action plans before interacting with people from a different culture.	Если у меня планируется важная встреча с представителем другой культуры, я разрабатываю план действий.
I think about possible cultural differences before meeting people from other cultures.	Если у меня планируется важная встреча с представителем другой культуры, я пытаюсь представить, какие могут быть культурные различия между нами.
I ask myself what I hope to accomplish before I meet with people from different cultures.	Если у меня планируется важная встреча с представителем другой культуры, я спрашиваю себя, чего я надеюсь достичь.
I am aware of how my cultural background influences my interactions with people from different cultures.	Я осознаю, как мое культурное происхождение влияет на взаимодействие с представителями других национальностей и культур.
I pay attention to how culture may influence what is happening in a situation.	Я уделяю внимание тому, как культурные особенности могут влиять на то, как развивается конкретная ситуация.
I am conscious of how other people's cultural background may influence their thoughts, feelings, and actions.	Я осознаю, как культурное происхождение людей может влиять на их мысли, чувства и действия.

I adjust my understanding of a culture while I interact with people from that culture.	Я корректирую свои представления о другой культуре в процессе взаимодействия с ее представителями.
I double check the accuracy of my cultural knowledge during intercultural interactions.	Я тщательно проверяю правильность моего понимания другой культуры в процессе межкультурного взаимодействия.
I adjust my cultural knowledge after a cultural misunderstanding.	В ситуации культурного непонимания я корректирую мои знания о данной культуре.
I modify the way I disagree with others to fit the cultural setting.	Я меняю способы выражения несогласия в речи в соответствии с культурным окружением.
I change how I make requests of others depending on their cultural background.	Когда я обращаюсь с просьбой к разным людям, то говорю это в соответствии с их культурными традициями.
I vary the way I show gratitude (express appreciation, accept compliments) based on the cultural context.	В зависимости от культурного окружения я произношу благодарность (выражаю признательность, принимаю комплименты) разными способами.
I change my use of pause and silence to suit different cultural situations.	Я стараюсь учитывать, как принято в другой культуре делать паузы в речи при общении с собеседниками.
I vary my verbal behaviors (accent, tone, rate of speaking) to fit specific cultural contexts.	Я пытаюсь подстроить свою речь (произношение, тон, темп и т.д.) к конкретной ситуации межкультурного общения.
I modify the amount of warmth I express to fit the cultural context.	В соответствии с культурным окружением я меняю степень эмоциональности своей речи.
I modify how close or far apart I stand when interacting with people from different cultures.	Я меняю дистанцию, на которой общаюсь, в зависимости от культуры собеседника.
I change my nonverbal behaviors (hand gestures, head movements) to fit the cultural situation.	В соответствии с культурной ситуацией я меняю свою жестикуляцию (движения тела, рук, головы).
I vary the way I greet others (shake hands, bow, nod) when in different cultural contexts.	Попадая в другое культурное окружение, я приветствую людей так, как принято в их культуре (пожимаю руки, кланяюсь, киваю и т.д.).

Приложение 2. Анкета и методики исследования

Уважаемый участник исследования!

Мы приглашаем Вас ответить на вопросы исследования, которое проводит факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Данное исследование позволит получить данные о личностных особенностях, важных для взаимодействия с представителями разных культур и национальностей. Данные исследования анонимны — Вам не нужно указывать свою фамилию. Для заполнения анкеты прочитайте каждый вопрос и выберите вариант(ы) ответа, отметив его «крестиком» — ☒ или «галочкой» — ☑.

Ваше участие в исследовании и Ваши искренние ответы очень важны для нас!

БЛОК 1

Укажите, пожалуйста, некоторые данные о себе:

1. Возраст _____

2. Пол

женский

мужской

3. Образование

среднее

среднее специальное

высшее (бакалавр)

высшее (магистр, специалист)

несколько высших

послевузовское (аспирантура и т.д.)

другое (какое именно): _____

4. Профессия, специальность по образованию (если есть) _____

5. Род Ваших занятий:

школьник

домохозяйка

студент

безработный

рабочий

менеджер

служащий

чиновник

ученый

сотрудник частной компании

военный

предприниматель

сотрудник полиции

другое (что именно) _____

пенсионер

6. Место проживания (город (село), область, республика, край; напр., Воронеж) _____

7. Как давно Вы живете в данном населенном пункте?

с рождения

10 до 15 лет

менее 5 лет

от 15 до 20 лет

от 5 до 10 лет

более 20 лет

8. Оцените, пожалуйста, Ваше материальное положение (выберите только один ответ):

отличное

ниже среднего

хорошее

плохое

среднее

9. Укажите Вашу национальность: _____

10. Укажите национальность Ваших родителей: мать _____ отец _____

11. Какой язык Вы считаете родным _____

12. Какими языками еще владеете: _____

13. На каком (каких) языках Вы говорите в семье: _____

Ответьте, пожалуйста, на вопросы:

1. Как часто Вы общаетесь с представителями других (не Вашей) национальностей?

Ежедневно

Очень редко (несколько раз в месяц)

Часто (2-3 раза в неделю)

Никогда

Иногда (раз в неделю)

2. Есть ли среди Ваших близких друзей представители других (не Вашей) национальностей?

- Да, большинство Нет
 Да, достаточно много Не знаю национальности моих друзей
 Да, но немного

3. Есть ли в Вашей учебной или рабочей среде представители других национальностей?

- Да, большинство
 Да, достаточно много
 Да, но немного
 Нет
 Не знаю национальности моих коллег

4. Как Вы считаете, какое влияние оказывает присутствие представителей разных национальностей на обстановку в учебной или рабочей среде?

- Положительное
 Негативное
 Никак не влияет
 Другое _____

5. Как Вы оцениваете Ваше взаимодействие с представителями других национальностей?

- Очень успешно
 В основном успешно
 Иногда успешно, иногда неуспешно
 В основном неуспешно
 Совсем неуспешно
 Другое _____

6. Какие чувства Вы испытываете в наибольшей степени по отношению к людям другой национальности в целом? (выберите не больше трех ответов):

☐ интерес	☐ презрение
☐ восхищение	☐ поклонение
☐ гнев	☐ равнодушие
☐ гордость	☐ разочарование
☐ доверие	☐ сострадание
☐ жалость	☐ стыд
☐ любовь	☐ уважение
☐ ненависть	☐ другое (напишите, что именно): _____
☐ обида	

7. Вы когда-нибудь были за границей?

- Да, один раз Выезжаю несколько раз в году
 От двух до пяти раз Никогда не выезжал за границу
 Более пяти раз

8. Вы когда-нибудь жили в другой стране?

- Да Нет

9. Если «Да», то напишите:

- в какой стране _____
 в каком возрасте _____
 как долго _____

10. Вы когда-нибудь учились или работали в другой стране?

- Да Нет

11. Если «Да», то как долго?

- Несколько месяцев От одного года до трех лет
 Около одного года Более трех лет

12. Каждый человек считает для себя чуждыми какие-то группы – религиозные, расовые этнические или социальные. Укажите группы, которые Вы считаете наиболее чуждыми для себя.

1. Бомжи. 2. Православные. 3. Африканцы. 4. Больные СПИДом. 5. Китайцы. 6. Проститутки. 7. Мигранты, беженцы. 8. Евреи. 9. Русские. 10. Наркоманы. 11. Чеченцы. 12. Психически неполноценные. 13. Мусульмане. 14. Кавказцы. 15. Американцы. 16. Гомосексуалисты. 17. Цыгане. 18. Украинцы. 19. Другие _____

БЛОК 2

Перед Вами опросник, состоящий из 75-и противоположных по значению высказываний, разделенных оценочной шкалой. Прочтите внимательно высказывание и определите, какая его часть больше соответствует особенностям Вашей личности. Если Вы считаете, что левая, то используйте для оценки символы -2 и -1 шкалы, если Вы считаете, что правая, то используйте правую часть шкалы (+2 и +1). Цифрами Вы отразите степень выраженности оцениваемого признака: 2 - сильно выражено, 1 - слабо выражено, если Вы сомневаетесь в выборе, то выбирайте 0. Выбрать можно только один вариант ответа. Помните, в данном опроснике нет утверждений правильных или неправильных, так же как нет “хороших” или “плохих” черт личности.

1. Мне нравится заниматься физкультурой	-2	-1	0	1	2	Я не люблю физические нагрузки
2. Люди считают меня отзывчивым и доброжелательным человеком	-2	-1	0	1	2	Некоторые люди считают меня холодным и черствым
3. Я во всем ценю чистоту и порядок	-2	-1	0	1	2	Иногда я позволяю себе быть неряшливым
4. Меня часто беспокоит мысль, что что-нибудь может случиться	-2	-1	0	1	2	«Мелочи жизни» меня не тревожат
5. Все новое вызывает у меня интерес	-2	-1	0	1	2	Часто новое вызывает у меня раздражение
6. Если я ничем не занят, то это меня беспокоит	-2	-1	0	1	2	Я человек спокойный и не люблю суетиться
7. Я стараюсь проявлять дружелюбие ко всем людям	-2	-1	0	1	2	Я не всегда и не со всеми дружелюбный человек
8. Моя комната всегда аккуратно прибрана	-2	-1	0	1	2	Я не очень стараюсь следить за чистотой и порядком
9. Иногда я расстраиваюсь из-за пустяков	-2	-1	0	1	2	Я не обращаю внимания на мелкие проблемы
10. Мне нравятся неожиданности	-2	-1	0	1	2	Я люблю предсказуемость событий
11. Я не могу долго оставаться в неподвижности	-2	-1	0	1	2	Мне не нравится быстрый стиль жизни
12. Я тактичен по отношению к другим людям	-2	-1	0	1	2	Иногда в шутку я задеваю самолюбие других
13. Я методичен и пунктуален во всем	-2	-1	0	1	2	Я не очень обязательный человек
14. Мои чувства легко уязвимы и ранимы	-2	-1	0	1	2	Я редко тревожусь и редко чего-либо боюсь
15. Мне не интересно, когда ответ ясен заранее	-2	-1	0	1	2	Я не интересуюсь вещами, которые мне не понятны

16. Я люблю, чтобы другие быстро выполняли мои распоряжения	-2	-1	0	1	2	Я не спеша выполняю чужие распоряжения
17. Я уступчивый и склонный к компромиссам человек	-2	-1	0	1	2	Я люблю поспорить с окружающими
18. Я проявляю настойчивость, решая трудную задачу	-2	-1	0	1	2	Я не очень настойчивый человек
19. В трудных ситуациях я весь сжимаюсь от напряжения	-2	-1	0	1	2	Я могу расслабиться в любой ситуации
20. У меня очень живое воображение	-2	-1	0	1	2	Я всегда предпочитаю реально смотреть на мир
21. Мне часто приходится быть лидером, проявлять инициативу	-2	-1	0	1	2	Я скорее подчиненный, чем лидер
22. Я всегда готов оказать помощь и разделить чужие трудности	-2	-1	0	1	2	Каждый должен уметь позаботиться о себе
23. Я очень старательный во всех делах человек	-2	-1	0	1	2	Я не очень усердствую на работе
24. У меня часто выступает холодный пот и дрожат руки	-2	-1	0	1	2	Я редко испытывал напряжение, сопровождаемое дрожью в теле
25. Мне нравится мечтать	-2	-1	0	1	2	Я редко увлекаюсь фантазиями
26. Часто случается, что я руковожу, отдаю распоряжения другим людям	-2	-1	0	1	2	Я предпочитаю, чтобы кто-то другой брал в свои руки руководство
27. Я предпочитаю сотрудничать с другими, чем соперничать	-2	-1	0	1	2	Без соперничества общество не могло бы развиваться
28. Я серьезно и прилежно отношусь к работе	-2	-1	0	1	2	Я стараюсь не брать дополнительные обязанности на работе
29. В необычной обстановке я часто нервничаю	-2	-1	0	1	2	Я легко привыкаю к новой обстановке
30. Иногда я погружаюсь в глубокие размышления	-2	-1	0	1	2	Я не люблю тратить свое время на размышления
31. Мне нравится общаться с незнакомыми людьми	-2	-1	0	1	2	Я не очень общительный человек
32. Большинство людей добры от природы	-2	-1	0	1	2	Я думаю, что жизнь делает некоторых людей злыми
33. Люди часто доверяют мне ответственные дела	-2	-1	0	1	2	Некоторые считают меня безответственным
34. Иногда я чувствую себя одиноко, тоскливо и все валится из рук	-2	-1	0	1	2	Часто, что-либо делая, я так увлекаюсь, что забываю обо всем
35. Я хорошо знаю, что такое красота и элегантность	-2	-1	0	1	2	Мое представление о красоте такое же, как и у других
36. Мне нравится приобретать новых	-2	-1	0	1	2	Я предпочитаю иметь только

друзей и знакомых						несколько надежных друзей
37. Люди, с которыми я общаюсь, обычно мне нравятся	-2	-1	0	1	2	Есть такие люди, которых я не люблю
38. Я требователен и строг в работе	-2	-1	0	1	2	Иногда я пренебрегаю своими обязанностями
39. Когда я сильно расстроен, у меня тяжело на душе	-2	-1	0	1	2	У меня очень редко бывает мрачное настроение
40. Музыка способна так захватить меня, что я теряю чувство времени	-2	-1	0	1	2	Драматическое искусство и балет кажутся мне скучными
41. Я люблю находиться в больших и веселых компаниях	-2	-1	0	1	2	Я предпочитаю уединение
42. Большинство людей честные, и им можно доверять	-2	-1	0	1	2	Иногда я отношусь подозрительно к другим людям
43. Я обычно работаю добросовестно	-2	-1	0	1	2	Люди часто находят в моей работе ошибки
44. Я легко впадаю в депрессию	-2	-1	0	1	2	Мне невозможно испортить настроение
45. Настоящее произведение искусства вызывает у меня восхищение	-2	-1	0	1	2	Я редко восхищаюсь совершенством настоящего произведения искусства
46. «Болея» на спортивных соревнованиях, я забываю обо всем	-2	-1	0	1	2	Я не понимаю, почему люди занимаются опасными видами спорта
47. Я стараюсь проявлять чуткость, когда имею дело с людьми	-2	-1	0	1	2	Иногда мне нет дела до интересов других людей
48. Я редко делаю необдуманно то, что хочу сделать	-2	-1	0	1	2	Я предпочитаю принимать решения быстро
49. У меня много слабостей и недостатков	-2	-1	0	1	2	У меня высокая самооценка
50. Я хорошо понимаю свое душевное состояние	-2	-1	0	1	2	Мне кажется, что другие люди менее чувствительны, чем я
51. Я часто игнорирую сигналы, предупреждающие об опасности	-2	-1	0	1	2	Я предпочитаю избегать опасных ситуаций
52. Радость других я разделяю как собственную	-2	-1	0	1	2	Я не всегда разделяю чувства других людей
53. Я обычно контролирую свои чувства и желания	-2	-1	0	1	2	Мне трудно сдерживать свои желания
54. Если я терплю неудачу, то обычно обвиняю себя	-2	-1	0	1	2	Мне часто «везет», и обстоятельства редко бывают против меня
55. Я верю, что чувства делают мою жизнь содержательнее	-2	-1	0	1	2	Я редко обращаю внимание на чужие переживания
56. Мне нравятся карнавальные шествия и демонстрации	-2	-1	0	1	2	Мне не нравится находиться в многолюдных местах

57. Я стараюсь поставить себя на место другого человека, чтобы его понять	-2	-1	0	1	2	Я не стремлюсь понять все нюансы переживаний других людей
58. В магазине я обычно долго выбираю то, что надумал купить	-2	-1	0	1	2	Иногда я покупаю вещи импульсивно
59. Иногда я чувствую себя жалким человеком	-2	-1	0	1	2	Обычно я чувствую себя нужным человеком
60. Я легко «вживаюсь» в переживания вымышленного героя	-2	-1	0	1	2	Приключения киногероя не могут изменить мое душевное состояние
61. Я чувствую себя счастливым, когда на меня обращают внимание	-2	-1	0	1	2	Я скромный человек и стараюсь не выделяться среди людей
62. В каждом человеке есть нечто, за что его можно уважать	-2	-1	0	1	2	Я еще не встречал человека, которого можно было бы уважать
63. Обычно я хорошо думаю, прежде чем действую	-2	-1	0	1	2	Я не люблю продумывать заранее результаты своих поступков
64. Часто у меня бывают взлеты и падения настроения	-2	-1	0	1	2	Обычно у меня ровное настроение
65. Иногда я чувствую себя фокусником, подшучивающим над людьми	-2	-1	0	1	2	Люди часто называют меня скучным, но надежным человеком
66. Я привлекателен для лиц противоположного пола	-2	-1	0	1	2	Некоторые считают меня обычным и неинтересным человеком
67. Я всегда стараюсь быть добрым и внимательным с каждым человеком	-2	-1	0	1	2	Некоторые люди думают, что я самонадеянный и эгоистичный
68. Перед путешествием я намечаю точный план	-2	-1	0	1	2	Я не могу понять, зачем люди строят такие детальные планы
69. Мое настроение легко меняется на противоположное	-2	-1	0	1	2	Я всегда спокоен и уравновешен
70. Я думаю, что жизнь – это азартная игра	-2	-1	0	1	2	Жизнь – это опыт, передаваемый последующим поколениям
71. Мне нравится выглядеть вызывающе	-2	-1	0	1	2	В обществе я обычно не выделяюсь поведением и модной одеждой
72. Некоторые говорят, что я снисходителен к окружающим	-2	-1	0	1	2	Говорят, что я часто хвастаюсь своими успехами
73. Я точно и методично выполняю свою работу	-2	-1	0	1	2	Я предпочитаю «плыть по течению», доверяя своей интуиции
74. Иногда я бываю настолько взволнован, что даже плачу	-2	-1	0	1	2	Меня трудно вывести из себя
75. Иногда я чувствую, что могу открыть в себе нечто новое	-2	-1	0	1	2	Я не хотел бы ничего в себе менять

БЛОК 3

Оцените, пожалуйста, насколько Вы согласны или не согласны с приведенными утверждениями, и в соответствии с этим поставьте галочку или любой другой знак напротив каждого утверждения:

№	Утверждения	Полностью не согласен	Не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить, согласен или не согласен	Скорее согласен	Согласен	Полностью согласен
1.	Мне нравится взаимодействовать с представителями других национальностей и культур.							
2.	Я имею представления о том, как воспитывают детей в разных культурах.							
3.	Наличие у меня межкультурных контактов и связей могло бы улучшить мою репутацию.							
4.	Я могу описать правила поведения между коллегами по учебе или работе в разных странах и культурах.							
5.	Я владею на хорошем уровне двумя и более языками.							
6.	Я обращаю внимание на то, как культурные особенности могут влиять на развитие ситуации общения и взаимодействия.							
7.	Я пытаюсь подстроить свою речь (произношение, тон, темп и т.д.) к конкретной ситуации межкультурного общения.							
8.	Если у меня планируется важная встреча с представителем другой культуры, я разрабатываю план действий.							
9.	Меня обогащает взаимодействие с новой для меня культурой.							
10.	Я осознаю, как культурное происхождение людей может влиять на их мысли, чувства и действия.							
11.	Я имею представления о красоте и эстетике в разных культурах.							
12.	Если у меня планируется важная встреча с представителем другой культуры, я пытаюсь представить, какие могут быть культурные различия между нами.							
13.	Когда я обращаюсь с просьбой к разным людям, то говорю это в соответствии с их культурными традициями.							
14.	Если у меня будет выбор, я предпочту работать/учиться с людьми разного, а не одинакового культурного происхождения.							
15.	Я тщательно проверяю правильность моего понимания другой культуры в процессе межкультурного взаимодействия.							
16.	Я могу охарактеризовать основные ценности различных культур, объясняющие поведение их представителей.							
17.	В соответствии с культурным окружением я меняю степень эмоциональности своей речи.							
18.	Если у меня планируется важная встреча с представителем другой культуры, я спрашиваю себя, чего я надеюсь достичь.							
19.	В ситуации культурного непонимания я корректирую мои знания о данной культуре.							
20.	В зависимости от культурного окружения я произношу благодарность (выражаю признательность, принимаю комплименты) разными способами.							

№	Утверждения	Полностью не согласен	Не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить, согласен или не согласен	Скорее согласен	Согласен	Полностью согласен
21.	Опыт учебы и работы в других странах и культурах мог бы улучшить мою репутацию.							
22.	Я имею представления о разных религиях мира.							
23.	Я могу описать особенности дружеских отношений в разных культурах.							
24.	Я корректирую свои представления о другой культуре в процессе взаимодействия с ее представителями.							
25.	В соответствии с культурной ситуацией я меняю свою жестикуляцию (движения тела, рук, головы).							
26.	Попадая в другое культурное окружение, я приветствую людей так, как принято в их культуре (пожимаю руки, кланяюсь, киваю и т.д.).							
27.	Если у меня будет выбор, я предпочту преимущества и возможности (заработную плату, продвижение, льготы и т.д.), которые дают учеба/работа в коллективе с представителями разных национальностей, а не только моей.							
28.	Я меняю дистанцию, на которой общаюсь, в зависимости от культуры собеседника.							
29.	Я уверен(а), что смогу приспособиться к условиям жизни в другой культуре.							
30.	Я имею представления о браке и различиях в семейном укладе в разных культурах.							
31.	Я осознаю, как мое культурное происхождение влияет на взаимодействие с представителями других национальностей и культур.							
32.	Я меняю способы выражения несогласия в речи в соответствии с культурным окружением.							
33.	Я уверен(а), что смогу справиться со стрессом при взаимодействии с представителями новой для меня культуры.							
34.	Я имею представления о различиях в поведении мужчин и женщин в разных культурах.							
35.	Я стараюсь учитывать, как принято в другой культуре делать паузы в речи при общении с собеседниками.							
36.	Я уверен(а), что смогу успешно взаимодействовать с местными жителями в незнакомой мне культуре.							
37.	Я имею представления о сходствах и различиях в праве, экономике и политике разных стран и культур.							

БЛОК 4

Ответьте, пожалуйста, на следующие вопросы, отмечая галочкой тот ответ, который наилучшим образом отражает Ваше мнение.

№	Вопросы	нет	скорее нет, чем да	скорее да, чем нет	да
1.	Я часто не уверен в собственных решениях				
2.	Иногда мне кажется, что никому нет до меня дела				
3.	Я постоянно занят, и мне это нравится				
4.	Порой все, что я делаю, кажется мне бесполезным				
5.	Вечером я часто чувствую себя совершенно разбитым				
6.	Иногда меня пугают мысли о будущем				
7.	Я всегда уверен, что смогу воплотить в жизнь, то что задумал				

№	Вопросы	нет	скорее нет, чем да	скорее да, чем нет	да
8.	Мне кажется, я не живу полной жизнью, а только играю роль				
9.	Мне кажется, если бы в прошлом у меня было меньше разочарований и невзгод, мне было бы сейчас легче жить на свете				
10.	Возникающие проблемы часто кажутся мне неразрешимыми				
11.	Когда кто-нибудь жалуется, что жизнь скучна, это значит, что он просто не умеет видеть интересного				
12.	Мне всегда есть чем заняться				
13.	Я часто сожалею о том, что уже сделано				
14.	Я довольно часто откладываю на завтра то, что трудно осуществимо, или то, в чем я не уверен				
15.	Мне кажется, жизнь проходит мимо меня				
16.	Мои мечты редко сбываются				
17.	Порой мне кажется, что все мои усилия напрасны				
18.	Мне не хватает упорства закончить начатое				
19.	Бывает, жизнь кажется мне скучной и бесцветной				
20.	Как правило, я работаю с удовольствием				
21.	Иногда я чувствую себя лишним даже в кругу друзей				
22.	Бывает, на меня наваливается столько проблем, что просто руки опускаются				
23.	Друзья уважают меня за упорство и непреклонность				
24.	Я охотно берусь воплощать новые идеи				

БЛОК 5

Ниже приводятся высказывания различных людей по вопросам национальных отношений, национальной культуры. Подумайте, насколько Ваше мнение совпадает с мнением этих людей. Определите свое согласие или несогласие с данными высказываниями.

№	Я – человек, который...	Согласен	Скорее согласен	В чем-то согласен, в чем-то нет	Скорее не согласен	Не согласен
1.	...предпочитает образ жизни своего народа, но с большим интересом относится к другим народам.					
2.	...считает, что межнациональные браки разрушают народ.					
3.	...часто ощущает превосходство людей другой национальности.					
4.	...считает, что права нации всегда выше прав человека.					
5.	...считает, что в повседневном общении национальность не имеет значения.					
6.	...предпочитает образ жизни только своего народа.					
7.	...обычно не скрывает своей национальности.					
8.	...считает, что настоящая дружба может быть только между людьми одной национальности.					
9.	...часто испытывает стыд за людей своей национальности.					
10.	...считает, что любые средства хороши для защиты интересов своего народа.					
11.	...не отдает предпочтения какой-либо национальной культуре, включая и свою собственную.					
12.	...нередко чувствует превосходство своего народа над другими.					
13.	...любит свой народ, но уважает язык и культуру других народов.					
14.	...считает строго необходимым сохранять чистоту нации.					
15.	...трудно уживается с людьми своей национальности.					

№	Я – человек, который...	Согласен	Скорее согласен	В чем-то согласен, в чем-то нет	Скорее не согласен	Не согласен
16	...считает, что взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей.					
17	...безразлично относится к своей национальной принадлежности.					
18	...испытывает напряжение, когда слышит вокруг себя чужую речь.					
19	...готов иметь дело с представителем любого народа, несмотря на национальные различия.					
20	...считает, что его народ имеет право решать свои проблемы за счет других народов.					
21	...часто чувствует неполноценность из-за своей национальной принадлежности.					
22	...считает свой народ более одаренным и развитым по сравнению с другими народами.					
23	...считает, что люди других национальностей должны быть ограничены в праве проживания на его национальной территории.					
24	...раздражается при близком общении с людьми других национальностей.					
25	...всегда находит возможность мирно договориться в межнациональном споре.					
26	...считает необходимым "очищение" культуры своего народа от влияния других культур.					
27	...не уважает свой народ.					
28	...считает, что на его земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только его народу.					
29	...никогда серьезно не относился к межнациональным проблемам.					
30	...считает, что его народ не лучше и не хуже других народов.					

БЛОК 6

Оцените, пожалуйста, насколько Вы согласны или не согласны с приведенными утверждениями:

№	Утверждение	Абсолютно не согласен	Не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Согласен	Полностью согласен
1.	В средствах массовой информации может быть представлено любое мнение						
2.	В смешанных браках обычно больше проблем, чем в браках между людьми одной национальности						
3.	Если друг предал, надо отомстить ему						
4.	К кавказцам станут относиться лучше, если они изменят свое поведение						
5.	В споре может быть правильной только одна точка зрения						
6.	Нищие и бродяги сами виноваты в своих проблемах						
7.	Нормально считать, что твой народ лучше, чем все остальные						
8.	С неопрятными людьми неприятно общаться						
9.	Даже если у меня есть свое мнение, я готов выслушать и другие точки зрения						

№	Утверждение	Абсолютно не согласен	Не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Согласен	Полностью согласен
10.	Всех психически больных людей необходимо изолировать от общества						
11.	Я готов принять в качестве члена своей семьи человека любой национальности						
12.	Беженцам надо помогать не больше, чем всем остальным, так как у местных проблем не меньше						
13.	Если кто-то поступает со мной грубо, я отвечаю тем же						
14.	Я хочу, чтобы среди моих друзей были люди разных национальностей						
15.	Для наведения порядка в стране необходима "сильная рука"						
16.	Приезжие должны иметь те же права, что и местные жители						
17.	Человек, который думает не так, как я, вызывает у меня раздражение						
18.	К некоторым нациям и народам трудно хорошо относиться						
19.	Беспорядок меня очень раздражает						
20.	Любые религиозные течения имеют право на существование						
21.	Я могу представить чернокожего человека своим близким другом						
22.	Я хотел бы стать более терпимым человеком по отношению к другим						

БЛОК 7

Оцените, пожалуйста, степень своего согласия или несогласия с приведенными ниже утверждениями.

№	Утверждения	Полностью не согласен	Не согласен	Кое в чём не согласен	Ни то, ни другое	Кое в чём согласен	Согласен	Полностью согласен
1.	Любое дело можно сделать правильными путями.							
2.	Определенность в действиях всегда лучше нерешительности.							
3.	У самых хороших руководителей указания настолько точны, что подчиненным не о чем беспокоиться.							
4.	Умный человек упорядочивает свою жизнь таким образом, чтобы не волноваться все время из-за мелочей.							
5.	Лучше уж придерживаться выбранного метода ведения дел, чем менять его, поскольку это может привести к неразберихе.							
6.	Лучше попытаться (воспользоваться случаем) и потерпеть неудачу, чем идти всю жизнь по проторенной дорожке.							
7.	Задача для меня малопривлекательна, если я не считаю ее решаемой.							
8.	Я испытываю дискомфорт в отношениях с людьми до тех пор, пока не пойму их поведение.							
9.	Я начинаю довольно сильно волноваться, если оказываюсь в ситуации, которую не могу контролировать.							

№	Утверждения	<i>Полностью не согласен</i>	<i>Не согласен</i>	<i>Кое в чём не согласен</i>	<i>Ни то, ни другое</i>	<i>Кое в чём согласен</i>	<i>Согласен</i>	<i>Полностью согласен</i>
10.	Практически каждая проблема имеет какое-то решение.							
11.	Меня смущает, если я не могу следовать за ходом мыслей другого человека.							
12.	Я всегда чувствовал, что существуют четкие различия между правильным и неправильным.							
13.	Меня беспокоит, если я не знаю, как другие люди реагируют на меня.							
14.	Если не придерживаться принципов, ничто в этом мире не будет доведено до конца.							
15.	Неопределенные и импрессионистские картины на самом деле ничто во мне не затрагивают.							
16.	Иногда мне доставляет удовольствие нарушить правило и сделать то, чего я сам от себя не ожидал.							
17.	Я люблю погружаться в новые идеи, даже если позже окажется, что я попросту потерял время.							
18.	Безупречная гармония – сущность каждой хорошей композиции.							
19.	В долговременной перспективе добиться большего возможно, решая маленькие и простые проблемы, чем большие и сложные.							
20.	Человек, который ведет ровную, размеренную жизнь (без особых сюрпризов и неожиданностей), на самом деле должен быть благодарен судьбе.							
21.	Специалист, который не может дать четкий ответ, возможно, не слишком много знает.							
22.	Нет такого явления, как проблема, которую нельзя решить.							
23.	Хорошая работа – это та, на которой всегда ясно, что и как это нужно делать.							
24.	Привычное всегда предпочтительнее незнакомого.							
25.	Человек, который ведет ровную, размеренную жизнь (без сюрпризов и неожиданностей) на самом деле должен быть благодарен судьбе.							
26.	Я больше люблю вечеринки со знакомыми людьми, чем те, где большинство людей мне совершенно незнакомы.							
27.	Чем скорее мы придем к единым ценностям и идеалам, тем лучше.							
28.	Я хотел бы пожить какое-то время в новой для меня стране.							
29.	Люди, которые подчинили свою жизнь расписанию, возможно лишают себя большинства радостей жизни.							
30.	Интереснее заниматься сложной проблемой, чем решать простую.							
31.	Часто наиболее интересные и заводящие других люди – это те, кто не боится быть оригинальным и непохожим на остальных.							
32.	Учителя и наставники, которые нечетко формулируют задания, дают шанс проявить инициативу и оригинальность.							
33.	Хороший учитель – это тот, кто заставляет тебя размышлять о твоём взгляде на жизнь.							

БЛОК 8

Представьте себе идеальное место работы, вне зависимости от того, где Вы работаете или учитесь сейчас. Оцените, насколько важным было бы для Вас следующее при выборе идеальной работы: (Отметьте значком ответ, наилучшим образом выражающий Вашу точку зрения по каждому из пунктов):

№	Утверждение	крайне важно	очень важно	в средней степени важно	не очень важно	совсем не важно
1.	иметь достаточно времени на личную жизнь и домашние заботы					
2.	иметь руководителя, которого Вы уважаете					
3.	получать признание за хорошо выполненную работу					
4.	быть уверенным, что не потеряете работу					
5.	работать с людьми, которые Вам нравятся					
6.	делать интересную работу					
7.	участвовать вместе с руководителем в принятии решений, которые касаются Вашей работы					
8.	жить в том месте, которое бы Вам нравилось					
9.	иметь работу, к которой Ваша семья и друзья относились бы с уважением					
10.	иметь возможность продвижения по службе					

Оцените, насколько в Вашей личной жизни для Вас важно следующее:

11.	наличие свободного времени для развлечений					
12.	умеренность: не желать многого					
13.	быть щедрым по отношению к друзьям					
14.	скромность: не тратить больше необходимого					

№	Утверждение	Постоянно	Часто	Иногда	Редко	Никогда
15.	Как часто вы чувствуете себя нервным или напряженным?					
16.	Вы чувствуете себя счастливым?					
17.	Если Вы очень хотите что-то сделать, способны ли другие люди или обстоятельства остановить Вас?					

18. Как бы Вы в целом описали ваше состояние здоровья в настоящее время?

1. очень хорошее	4. плохое
2. хорошее	5. очень плохое
3. среднее	

19. Вы гордитесь быть гражданином своей страны?

1. очень горжусь	4. скорее не горжусь
2. горжусь	5. совсем не горжусь
3. отчасти горжусь	

20. Как часто, исходя из Вашего опыта, подчинённые боятся возражать начальству (или студенты возражать преподавателю?)

1. никогда	4. часто
2. редко	5. постоянно
3. иногда	

№	Отметьте, в какой степени вы согласны с каждым из следующих утверждений:	Полностью согласен	Согласен	Затрудняюсь ответить	Не согласен	Совершенно не согласен
21.	Можно быть хорошим руководителем, даже не имея ответа на каждый вопрос подчиненного, связанный с его работой					
22.	Упорный труд это самый надёжный путь достичь результата					
23.	Необходимо любой ценой избегать такой организационной структуры, где у одного подчиненного два начальника					
24.	Правила, принятые в организации, не должны нарушаться, даже если сотруднику кажется, что такое нарушение было бы в интересах организации					

БЛОК 9

Как Вы считаете, насколько характерны данные качества для людей Вашей национальности? Оцените выраженность каждого качества по 4-балльной шкале:

- 1 – данное качество отсутствует,
- 2 – качество выражено слабо,
- 3 – качество выражено средне,
- 4 – качество выражено в полной мере.

Обведите кружком ответ, который вы считаете правильным.

Взаимовыручка	4 3 2 1	4 3 2 1	Разобщенность
Замкнутость	4 3 2 1	4 3 2 1	Открытость
Дисциплинированность	4 3 2 1	4 3 2 1	Своеволие
Агрессивность	4 3 2 1	4 3 2 1	Миролюбие
Верность традициям	4 3 2 1	4 3 2 1	Разрушение традиций
Осторожность	4 3 2 1	4 3 2 1	Склонность к риску
Уважение власти	4 3 2 1	4 3 2 1	Недоверие к власти
Сердечность	4 3 2 1	4 3 2 1	Холодность
Подчинение	4 3 2 1	4 3 2 1	Самостоятельность
Устремленность в прошлое	4 3 2 1	4 3 2 1	Устремленность в будущее
Законопослушность	4 3 2 1	4 3 2 1	Анархия
Уступчивость	4 3 2 1	4 3 2 1	Соперничество

БЛОК 10

Оцените, пожалуйста, степень своего согласия или несогласия со следующими высказываниями от 0 – «абсолютно согласен», до 10 – «полностью не согласен».

1.	Обсуждение культурных традиций делает многонациональный коллектив более успешным	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
2.	Людей разных национальностей лучше объединять в отдельные трудовые коллективы, так как они очень сильно отличаются друг от друга	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
3.	Думаю, что человек вполне может вести себя в трудовом коллективе согласно своим культурным традициям (в рамках организационных правил)	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
4.	Слова человека иной национальности могут иметь особое значение, которое для нас сразу не очевидно.	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
5.	Иногда я испытываю антипатию к коллеге (сотруднику, однокурснику) иной, чем я, национальности	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
6.	Лучший способ избежать конфликтов - стараться обходить этнические и национальные различия людей	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
7.	Если человек иной национальности отстает в учебе или работе, причина чаще всего в особенностях его национальной культуры	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
8.	Я стараюсь вести себя так, чтобы проявлять уважение к особенностям людей, принадлежащих к иной национальности	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
9.	Мое поведение для людей из иной культуры может иметь совершенно другой смысл, о котором я могу не догадываться	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
10.	Я всегда внимательно выслушиваю собеседника любой национальности	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
11.	В вузе или на производстве люди других национальностей должны вести себя так же как и все остальные.	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
12.	Наличие в трудовом коллективе или студенческой группе нескольких национальностей всегда усложняет работу руководителя или преподавателя.	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
13.	Важно обращать внимание однокурсников или коллег по работе как на культурные различия, так и подмечать сходства	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
14.	Считаю, что для межнациональной гармонии необходимо, чтобы местное население старалось лучше понимать людей из других культур	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
15.	Я всегда тщательно обдумываю индивидуальный подход к каждому коллеге по работе или однокурснику	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
16.	Трудности, возникающие при работе с людьми из различных культур, одинаковы	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
17.	Есть люди таких национальностей, с которыми практически невозможно прийти к согласию	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен

18.	Я уверен(а), что у людей разных национальностей может быть разное понимание конфликтных ситуаций	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
19.	Это естественно, что люди другой культуры часто не понимают моих просьб или замечаний	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
20.	Я всегда охотно признаю свои ошибки	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
21.	Я считаю правильным использовать единый подход к обучению или работе с людьми из различных культур	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
22.	Причиной конфликтов в студенческой группе или трудовом коллективе часто являются люди отдельных высоко конфликтных национальностей	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
23.	Я понимаю, что людям других культур может быть трудно освоить правила и нормы нашего вуза или организации	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
24.	При разборе конфликтной ситуации с коллегой или однокурсником иной национальности я стараюсь посмотреть на случившееся его глазами	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
25.	Бывает, что я иронически высказываюсь о людях другой национальности	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
26.	Если руководитель или преподаватель уделяет мало внимания межкультурным различиям в многонациональном трудовом коллективе или студенческой группе, то возникают проблемы	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
27.	Конфликт между людьми разных национальностей часто возникает без национальных противоречий	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
28.	Надо быть аккуратнее в отношении людей из других культур, потому что национальность – это очень глубокая вещь	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
29.	Понять, как воспринимают учебные задания студенты из другой культуры, - важная педагогическая задача	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
30.	Я всегда внимательно слежу за тем, как я веду себя с однокурсниками или коллегами	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
31.	Люди разных культур ведут себя друг с другом практически одинаково	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
32.	Часто личные особенности коллеги или однокурсника оказываются важнее, чем национальные различия	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
33.	Можно добиться того, чтобы люди разных национальностей понимали учебные или рабочие задания одинаково	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
34.	Я считаю, что для руководителя важно уметь посмотреть на ситуацию глазами человека из другой культуры	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
35.	Иногда мне трудно найти подход к однокурснику или коллеге	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
36.	Люди разных национальностей в работе или учёбе и	Абсолютно	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью

	поведении практически одинаковы	согласен		не согласен
37.	В многонациональном коллективе всегда будут конфликты из-за национальных различий	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
38.	Я могу уважать неприятные мне отличия в поведении людей других национальностей	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
39.	Как однокурсник или коллега, я стремлюсь к тому, чтобы люди разных национальностей в моей группе или коллективе, разделяли все мои ценности	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
40.	Иногда я позволяю себе резкие замечания по отношению к однокурснику или коллеге	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
41.	Лучший способ борьбы с национализмом - как можно меньше говорить о национальности и национальном	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
42.	Люди одной национальности обязательно будут обладать целым рядом схожих особенностей поведения и мышления	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
43.	Меня очень сильно раздражает, когда человек иной культуры не понимает очевидных вещей	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
44.	Я стараюсь ставить себя на место моих однокурсников или коллег из других культур	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
45.	Я всегда помогаю тем, кто нуждается в моей поддержке	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
46.	Отношения между людьми в многонациональной группе, коллективе почти такие же, как в мононациональной	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
47.	Национальный менталитет определяет практически все особенности личности	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
48.	При разрешении конфликтов между людьми разных национальностей нужно сначала четко разобраться, какую роль здесь играют именно национальные противоречия	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
49.	Я не обязан вникать, как сотрудник или студент другой культуры воспринимает то, что происходит в группе	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
50.	Иногда я люблю позлословить о коллегах или однокурсниках	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен
51.	Грамотный руководитель может обойтись без выделения сотрудников по национальному признаку	Абсолютно согласен	0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	Полностью не согласен

БЛОК 11

Напишите пять ответов на вопрос «Кто Я?»

1) Я - _____

2) Я - _____

3) Я - _____

4) Я - _____

5) Я - _____

БЛОК 12

Оцените, свойственны ли вам следующие особенности. Если Вы согласны с утверждениями, ставьте рядом знак «+», если не согласны – знак «-».

1. У меня есть привычка внимательно изучать лица и поведение людей, чтобы понять их характер, наклонности, способности.	
2. Если окружающие проявляют признаки нервозности, я обычно остаюсь спокойным.	
3. Я больше доверяю доводам своего рассудка, чем интуиции.	
4. Я считаю вполне уместным для себя интересоваться домашними проблемами сослуживцев.	
5. Я могу легко войти в доверие к человеку, если потребуется.	
6. Обычно я с первой же встречи угадываю «родственную душу» в новом человеке.	
7. Я из любопытства обычно завожу разговор о жизни, работе, политике со случайными попутчиками в поезде.	
8. Я теряю душевное равновесие, если окружающие чем-то угнетены.	
9. Моя интуиция - более надежное средство понимания окружающих, чем знания или опыт.	
10. Проявлять любопытство к внутреннему миру другого человека — бестактно.	
11. Часто своими словами я обижаю близких мне людей, не замечая этого.	
12. Я легко могу представить себя каким-то животным, ощутить его повадки и состояния.	
13. Я редко рассуждаю о причинах поступков людей, которые имеют ко мне непосредственное отношение.	
14. Я редко принимаю близко к сердцу проблемы своих друзей.	
15. Обычно за несколько дней я чувствую: что-то должно случиться с близким мне человеком, и ожидания оправдываются.	
16. В общении с деловыми партнерами обычно стараюсь избегать разговоров о личном.	
17. Иногда близкие упрекают меня в черствости, невнимании к ним.	
18. Мне легко удается копировать интонацию, мимику людей, подражая людям.	
19. Мой любопытный взгляд часто смущает новых партнеров.	
20. Чужой смех обычно заражает меня.	
21. Часто, действуя наугад, я тем не менее нахожу правильный подход к человеку.	
22. Плакать от счастья глупо.	
23. Я способен полностью слиться с любимым человеком, как бы растворившись в нем.	
24. Мне редко встречались люди, которых я бы понимал с полуслова, без лишних слов.	
25. Я невольно или из-за любопытства часто подслушиваю разговоры посторонних людей.	
26. Я могу оставаться спокойным, даже если все вокруг меня волнуются.	
27. Мне проще подсознательно почувствовать сущность человека, чем понять его, "разложив по полочкам".	
28. Я спокойно отношусь к мелким неприятностям, которые случаются у кого-либо из членов семьи.	
29. Мне было бы трудно задушевно, доверительно беседовать с настороженным, замкнутым человеком.	
30. У меня творческая натура — поэтическая, художественная, артистичная.	
31. Я без особого любопытства выслушиваю исповеди новых знакомых.	
32. Я расстраиваюсь, когда вижу плачущего человека.	
33. Мое мышление больше отличается конкретностью, строгостью, последовательностью, чем интуицией.	
34. Когда друзья начинают говорить о своих неприятностях, я предпочитаю перевести разговор на другую тему.	
35. Если я вижу, что у кого-то из близких плохо на душе, то обычно воздерживаюсь от расспросов.	
36. Мне трудно понять, почему пустяки могут так сильно огорчать людей.	

Приложение 3. Социально-демографические показатели по выборке.

1. Пол респондентов

Пол	Наблюдения (N)	Процент	Процент без учета пропущенных значений
женский	1047	67.8	67.8
мужской	498	32.2	32.2

2. Уровень образования респондентов

Уровень образования	Наблюдения (N)	Процент	Процент без учета пропущенных значений
Среднее	540	35.0	35.0
Среднее специальное	131	8.5	8.5
Высшее (бакалавр)	291	18.8	18.9
Высшее (специалист, магистр)	419	27.1	27.2
Несколько высших	94	6.1	6.1
Послевузовское	67	4.3	4.3
Пропущенные значения	3	0.2	

3. Профессиональная занятость респондентов

Варианты ответа	Наблюдения (N)	Процент	Процент без учета пропущенных значений
Психология	440	28.5	31.5
Педагогика	437	28.3	31.3
Естественные науки	68	4.4	4.9
Экономика	118	7.6	8.5
Гуманитарные науки	143	9.3	10.3
Инженер	113	7.3	8.1
Менеджмент	50	3.2	3.6
Дизайн	26	1.7	1.9
Пропущенные значения	150	9.7	

4. Род занятий респондентов

Варианты ответа	Наблюдения (N)	Процент	Процент без учета пропущенных значений
студент	832	53.8	54
рабочий	78	5.0	5.1
служащий	237	15.3	15.4
ученый	63	4.1	4.1
военный	12	0.8	0.8
сотрудник полиции	5	0.3	0.3
пенсионер	23	1.5	1.5
домохозяйка	19	1.2	1.2

Варианты ответа	Наблюдения (N)	Процент	Процент без учета пропущенных значений
безработный	13	0.8	0.8
менеджер	65	4.2	4.2
чиновник	8	0.5	0.5
сотрудник частной компании	139	9.0	9.0
предприниматель	25	1.6	1.6
другое (что именно)	21	1.4	1.4
помогающие профессии	0	0.0	0.0
Пропущенные значения	5	0.3	

5. Место проживания респондентов

Город	Наблюдения (N)	Процент	Процент без учета пропущенных значений
Москва	862	55.8	55.8
Волгоград	230	14.9	14.9
Казань	69	4.5	4.5
Махачкала	104	6.7	6.7
Хабаровск	216	14.0	14.0
Уфа	17	1.1	1.1
Санкт-Петербург	21	1.4	1.4
Смоленск	26	1.7	1.7

6. Ответы на вопрос «Как давно Вы живете в данном населенном пункте?».

Срок	Наблюдения (N)	Процент	Процент без учета пропущенных значений
с рождения	771	49.9	50.0
менее 5 лет	258	16.7	16.7
от 5 до 10 лет	129	8.3	8.4
10 до 15 лет	96	6.2	6.2
от 15 до 20 лет	95	6.1	6.2
более 20 лет	194	12.6	12.6
Пропущенные значения	2	0.1	

7. Оценка материального положения

Варианты ответа	Наблюдения (N)	Процент	Процент без учета пропущенных значений
отличное	45	2.9	3.0
хорошее	447	28.9	30.1
среднее	779	50.4	52.5
ниже среднего	175	11.3	11.8
плохое	38	2.5	2.6
Пропущенные значения	61	3.9	

8. Национальность

Варианты ответа	Наблюдения (N)	Процент	Процент без учета пропущенных значений
Не определяю/не знаю	3	0.2	0.2
русские	1192	77.2	77.2
РФ/россияне	18	1.2	1.2
аварцы	39	2.5	2.5
азербайджанцы	17	1.1	1.1
армяне	27	1.7	1.7
башкиры	16	1.0	1.0
белорусы	8	0.5	0.5
дагестанцы	14	0.9	0.9
евреи	11	0.7	0.7
казахи	7	0.5	0.5
корейцы	8	0.5	0.5
кумыки	15	1.0	1.0
лакцы	8	0.5	0.5
табасаранцы	16	1.0	1.0
татары	72	4.7	4.7
узбеки	6	0.4	0.4
украинцы	19	1.2	1.2
ульчи	3	0.2	0.2
чеченцы	5	0.3	0.3
чуваши	3	0.2	0.2
эвенки	4	0.3	0.3
калмыки	3	0.2	0.2
греки	3	0.2	0.2
молдоване	2	0.1	0.1
нанайцы	3	0.2	0.2
метисы (русские+)	19	1.2	1.2
немцы	2	0.1	0.1
осетины	1	0.1	0.1
человек мира	1	0.1	0,1

9. Родной язык респондентов

Варианты ответа	Наблюдения (N)	Процент	Процент без учета пропущенных значений
русский	1343	86.9	86.9
не русский	181	11.7	11.7
русский+не русский	21	1.4	1.4

10. Количество языков, кроме родного, которыми владеет респондент

Варианты ответа	Наблюдения (N)	Процент	Процент без учета пропущенных значений
Не владею	359	23.2	23.2
1 дополнительный язык	748	48.4	48.4
2 дополнительных языка	363	23.5	23.5
3 дополнительных языка	61	3.9	3.9
4 дополнительных языка	14	0.9	0.9

11. Язык общения в семье респондента

Варианты ответа	Наблюдения (N)	Процент	Процент без учета пропущенных значений
русский	1354	87.6	87.6
не русский	64	4.1	4.1
русский+не русский	127	8.2	8.2

12. Ответы на вопрос «Как часто Вы общаетесь с представителями других национальностей?»

Варианты ответа	Наблюдения (N)	Процент	Процент без учета пропущенных значений
Ежедневно	567	36.7	38.1
Часто (2-3 раза в неделю)	228	14.8	15.3
Иногда (раз в неделю)	260	16.8	17.5
Очень редко (несколько раз в месяц)	385	24.9	25.9
Никогда	48	3.1	3.2
Пропущенные значения	57	3.7	

13. Ответы на вопрос «Есть ли среди Ваших близких друзей представители других национальностей?»

Варианты ответа	Наблюдения (N)	Процент	Процент без учета пропущенных значений
Да, большинство	144	9.3	9.7
Да, достаточно много	336	21.7	22.7
Да, но немного	695	45.0	46.9
Нет	263	17.0	17.8
Не знаю их национальностей	43	2.8	2.9
Пропущенные значения	64	4.1	

14. Ответы на вопрос «Есть ли среди Ваших коллег представители других национальностей?»

Варианты ответа	Наблюдения (N)	Процент	Процент без учета пропущенных значений
Да, большинство	152	9.8	10.3
Да, достаточно много	401	26.0	27.1
Да, но немного	759	49.1	51.2
Нет	116	7.5	7.8
Не знаю их национальностей	54	3.5	3.6
Пропущенные значения	63	4.1	

15. Ответы на вопрос «Как Вы считаете, какое влияние оказывает присутствие представителей разных национальностей на обстановку в учебной или рабочей среде?»

Варианты ответа	Наблюдения (N)	Процент	Процент без учета пропущенных значений
положительное	467	30.2	31.6
негативное	50	3.2	3.4
никак	875	56.6	59.1
другое	88	5.7	5.9
Пропущенные значения	65	4.2	

16. Ответы на вопрос «Как Вы оцениваете Ваше взаимодействие с представителями других национальностей?»

Варианты ответа	Наблюдения (N)	Процент	Процент без учета пропущенных значений
Очень успешно	298	19.3	21.1
В основном успешно	763	49.4	54.0
Иногда успешно, иногда неуспешно	266	17.2	18.8
В основном неуспешно	26	1.7	1.8
Совсем неуспешно	11	0.7	0.8
Другое	49	3.2	3.5
Пропущенные значения	132	8.5	

17. Ответы на вопрос «Вы когда-нибудь были за границей?»

Варианты ответа	Наблюдения (N)	Процент	Процент без учета пропущенных значений
Да, один раз	170	11.0	11.6
От двух до пяти раз	336	21.7	23.0
Более пяти раз	366	23.7	25.0
Выезжаю несколько раз в году	185	12.0	12.6
Никогда не выезжал за границу	407	26.3	27.8
Пропущенные значения	81	5.2	

18. Ответы на вопрос «Вы когда-нибудь жили в другой стране?»

Варианты ответа	Наблюдения (N)	Процент	Процент без учета пропущенных значений
Да	273	17.7	18.3
Нет	1215	78.6	81.7
Пропущенные значения	57	3.7	NA

19. Ответы на вопрос «В какой стране вы жили?» (регионы)

Варианты ответа	Наблюдения (N)	Процент	Процент без учета пропущенных значений
Средняя Азия	42	2.7	15.6
Европа	95	6.1	35.3
Кавказ	26	1.7	9.7
Азия	20	1.3	7.4
Прибалтика	6	0.4	2.2
Восточная Европа (Украина, Беларусь, Молдова, Болгария)	20	1.3	7.4
Африка	5	0.3	1.9
В нескольких регионах	8	0.5	3.0

Варианты ответа	Наблюдения (N)	Процент	Процент без учета пропущенных значений
Бл. Восток, (Турция, Иран)	10	0.6	3.7
США, Северная Америка	22	1.4	8.2
Латинская Америка	8	0.5	3.0
Россия	7	0.5	2.6
Пропущенные значения	1276	82.6	

20. Ответы на вопрос «В каком возрасте Вы жили в другой стране?»

	Наблюдения (N)	Процент	Процент без учета пропущенных значений
детство	103	6.7	38.9
юность	134	8.7	50.6
взрослость	28	1.8	10.6
Пропущенные значения	1280	82.8	

Приложение 4. Результаты корреляционного анализа культурного интеллекта и межкультурной сензитивности с другими методиками

1. «Большая пятерка личностных черт»

Шкалы и субшкалы		Экстраверсия	Доброжелательность	Добросовестность	Нейротизм	Открытость
Культурный интеллект	Общий КИ	0.225***	0.202***	0.094**	-0,039	0.280***
	Мотивация КИ	0.250***	0.172***	0.078*	-0.073*	0.287***
	Знания КИ	0.209***	0.104***	0,002	-0,036	0.267***
	Стратегия КИ	0.129***	0.170***	0.143***	-0,045	0.175***
	Поведение КИ	0.151***	0.220***	0.094**	0,021	0.192***
	Внутренняя мотивация	0.200***	0.220***	0.076*	0,014	0.287***
	Внешняя мотивация	0.211***	0.084**	0,03	-0,035	0.228***
	Самоэффективность в адаптации	0.201***	0.112***	0.087**	-0.168***	0.182***
	Общие знания	0.198***	0.105***	0,038	-0.066*	0.270***
	Контекстные специфич. знания	0.184***	0.085**	-0,032	-0,003	0.218***
	Осознание	0.107***	0.112***	0.086**	-0,046	0.187***
	Планирование	0.105***	0.130***	0.137***	-0,017	0,057
	Проверка	0.107***	0.180***	0.128***	-0,052	0.198***
	Речевые акты	0.128***	0.232***	0.100**	0,004	0.136***
	Вербальное поведение	0.161***	0.190***	0.073*	0,011	0.180***
Невербальное поведение	0.108***	0.153***	0.073*	0,039	0.187***	
Межкультурная сензитивность	Принятие	0.097**	0.308***	0.205***	-0,01	0.159***
	Преумьшение	0,022	-0.065*	-0.076*	0,047	0,007
	Абсолютизация	0,013	0.107***	-0,019	0,02	0.099**
	Амбивалентность	0,02	0.140***	0,029	0.073*	0,055

Примечание: * - $p < 0.05$, ** - $p < 0.01$, *** - $p < 0.001$ (далее также)

2. «Краткая версия теста жизнестойкости»

Шкалы и субшкалы		Общий уровень жизнестойкость
Культурный интеллект	Общий КИ	0.167***
	Мотивация КИ	0.182***
	Знания КИ	0.116***
	Стратегия КИ	0.175***
	Поведение КИ	0.084**
	Внутренняя мотивация	0.135***

	Внешняя мотивация	0.104***
	Самоэффективность в адаптации	0.212***
	Общие знания	0.142***
	Контекстные специфич. знания	0.073*
	Осознание	0.127***
	Планирование	0.137***
	Проверка	0.168***
	Речевые акты	0.114***
	Вербальное поведение	0.073*
	Невербальное поведение	0,032
Межкультурная сензитивность	Принятие	0.131***
	Преуменьшение	-0.107***
	Абсолютизация	0,027
	Амбивалетность	-0,036

3. «Типы этнической идентичности»

Шкалы и субшкалы		Этнонигилизм	Этническая индифферентность	Позитивная этническая идентичность	Этногоизм	Этноизоляционизм	Этнофанатизм
Культурный интеллект	Общий КИ	-0.096**	0,053	0.371***	-0.376***	-0.293***	-0.253***
	Мотивация КИ	-0.134***	0.134***	0.432***	-0.485***	-0.381***	-0.314***
	Знания КИ	-0,054	0,05	0.273***	-0.323***	-0.205***	-0.224***
	Стратегия КИ	-0.110***	-0,016	0.301***	-0.211***	-0.194***	-0.162***
	Поведение КИ	-0,027	0,005	0.227***	-0.223***	-0.191***	-0.138***
	Внутренняя мотивация	-0.107***	0.141***	0.453***	-0.516***	-0.434***	-0.358***
	Внешняя мотивация	-0,054	0.116***	0.281***	-0.328***	-0.275***	-0.240***
	Самоэффективность в адаптации	-0.172***	0.065*	0.319***	-0.335***	-0.212***	-0.160***
	Общие знания	-0.083**	0,053	0.321***	-0.367***	-0.271***	-0.240***
	Контекстные специфич. знания	-0,019	0,038	0.181***	-0.226***	-0.110***	-0.171***
	Осознание	-0.099**	-0,045	0.259***	-0.171***	-0.175***	-0.135***
	Планирование	-0,023	-0,037	0.148***	-0,059	-0,047	-0,034
	Проверка	-0.160***	0,047	0.350***	-0.306***	-0.272***	-0.245***
	Речевые акты	-0,039	0,021	0.226***	-0.193***	-0.166***	-0.107***
	Вербальное поведение	-0,022	-0,008	0.204***	-0.218***	-0.176***	-0.128***
	Невербальное поведение	-0,009	0	0.164***	-0.172***	-0.157***	-0.127***

Межкультурная сензитивность	Принятие	-0.133***	0,03	0.343***	-0.293***	-0.283***	-0.200***
	Преуменьшение	0.163***	-0,047	-0.190***	0.066*	0.135***	0,036
	Абсолютизация	-0.164***	0.189***	0.194***	-0.350***	-0.343***	-0.347***
	Амбивалетность	-0.071*	0.152***	0.122***	-0.202***	-0.156***	-0.172***

4. «Индекс толерантности»

Шкалы и субшкалы		Общий уровень толерантности	Этническая толерантность	Социальная толерантность	Толерантность как черта личности
Культурный интеллект	Общий КИ	0.263***	0.292***	0.152***	0.135***
	Мотивация КИ	0.333***	0.390***	0.171***	0.169***
	Знания КИ	0.184**	0.225**	0.123**	0,053
	Стратегия КИ	0.158***	0.148***	0.074*	0.131***
	Поведение КИ	0.193***	0.199**	0.131**	0.099**
	Внутренняя мотивация	0.402***	0.465***	0.222***	0.197***
	Внешняя мотивация	0.241***	0.267***	0.120***	0.144***
	Самозффективность в адаптации	0.159***	0.211**	0.070*	0.064*
	Общие знания	0.224***	0.263***	0.124***	0.105***
	Контекстные специфич. знания	0.115***	0.152**	0.102**	-0,004
	Осознание	0.082**	0.080*	-0,005	0.106***
	Планирование	0.087**	0.070*	0,048	0.079*
	Проверка	0.229***	0.225***	0.142***	0.143***
	Речевые акты	0.156***	0.165***	0.102**	0.078*
	Вербальное поведение	0.197***	0.202***	0.137***	0.097**
Невербальное поведение	0.153***	0.154***	0.102**	0.084**	
Межкультурная сензитивность	Принятие	0.238***	0.206**	0.158***	0.172***
	Преуменьшение	-0,016	0,008	0,013	-0,061
	Абсолютизация	0.352***	0.393***	0.251***	0.133***
	Амбивалетность	0.261***	0.288***	0.222***	0.067*

5. «Новый опросник толерантности к неопределенности»

Шкалы и субшкалы		Толерантность к неопределенности	Интолерантность к неопределенности	Межличностная интолерантность к неопределенности
Культурный интеллект	Общий КИ	0.285***	0.079*	0,019
	Мотивация КИ	0.294***	0.076*	-0,024
	Знания КИ	0.217***	0,037	-0,028
	Стратегия КИ	0.234***	0.103***	0.064*
	Поведение КИ	0.199***	0,052	0,056
	Внутренняя мотивация	0.258***	0,049	0,025

	Внешняя мотивация	0.230***	0,044	0,031
	Самозффективность в адаптации	0.232***	0.096**	-0.124***
	Общие знания	0.224***	0,045	-0,049
	Контекстные специфич. знания	0.173***	0,022	-0,005
	Осознание	0.242***	0.120***	0.078*
	Планирование	0.112***	0.067*	0.066*
	Проверка	0.233***	0.068*	0,011
	Речевые акты	0.161***	0.068*	0,04
	Вербальное поведение	0.179***	0,046	0,036
	Невербальное поведение	0.182***	0,022	0.070*
Межкультурная сензитивность	Принятие	0.187***	0.137***	0.072*
	Преуменьшение	-0.117***	-0.118***	-0,007
	Абсолютизация	0,023	-0.199***	-0.140***
	Амбивалентность	-0,042	-0,011	0,014

6. «Диагностика уровня эмпатических способностей»

Шкалы и субшкалы		Общий уровень эмпатии	Рациональный канал	Эмоциональный канал	Интуитивный канал	Установки, способствующие эмпатии	Проникающая способность в эмпатии	Идентификация
Культурный интеллект	Общий КИ	0.201***	0.160***	0.067*	0,044	0.087**	0.111***	0.212***
	Мотивация КИ	0.143***	0.153***	0,006	-0,006	0.089**	0.077*	0.180***
	Знания КИ	0.195***	0.164***	0,034	0,049	0.069*	0.112***	0.233***
	Стратегия КИ	0.147***	0.121***	0.065*	-0,006	0.074*	0.114***	0.142***
	Поведение КИ	0.175***	0.092**	0.114***	0.101**	0,057	0.065*	0.144***
	Внутренняя мотивация	0.201***	0.180***	0.107***	0,03	0.123***	0,053	0.192***
	Внешняя мотивация	0.102**	0.119***	0,017	-0,02	0.077*	0,028	0.138***
	Самозффективность в адаптации	0,038	0.069*	0.120***	-0,028	0,012	0.110***	0.106***
	Общие знания	0.141***	0.149***	0,017	-0,006	0,051	0.090**	0.189***
	Контекстные специфич. знания	0.210***	0.149***	0,044	0.090**	0.074*	0.113***	0.232***
	Осознание	0.149***	0.142***	0,05	0,004	0.081**	0.099**	0.140***
	Планирование	0.093**	0,04	0,049	0,011	0,047	0.089**	0.082**
	Проверка	0.124***	0.125***	0.062*	-0,032	0,057	0.095**	0.131***
	Речевые акты	0.142***	0,057	0.103***	0.088**	0,037	0.065*	0.111***
	Вербальное поведение	0.156***	0.099**	0.087**	0.089**	0,032	0.066*	0.138***
	Невербальное поведение	0.161***	0.084**	0.107***	0.089**	0.080*	0,038	0.129***

Межкультурная сензитивность	Принятие	0.151***	0,054	0.125***	0,037	0.102**	0.090**	0.101**
	Преуменьшение	0,022	0.078*	0,008	0,021	0	-0.064*	0,028
	Абсолютизация	0.084**	0,035	0.103***	-0,014	0,05	0.070*	0,046
	Амбивалетность	0,046	0,009	0.079*	0,051	0,018	-0,029	0,013

7. «Культурно-ценностный дифференциал»

Шкалы и субшкалы		Ориентация на группу	Ориентация на изменения	Ориентация друг на друга	Ориентация на власть
Культурный интеллект	Общий КИ	0,001	0,059	0.076*	0,03
	Мотивация КИ	0,018	0,037	0.065*	0.067*
	Знания КИ	-0,003	0,026	0.061*	0,02
	Стратегия КИ	-0,015	0.088**	0.079*	0,016
	Поведение КИ	0,001	0,048	0,047	-0,003
	Внутренняя мотивация	0,028	0,026	0.064*	0.063*
	Внешняя мотивация	-0,018	-0,004	0,037	0,043
	Самозффективность в адаптации	0,036	0.073*	0,057	0,06
	Общие знания	0,005	0,042	0,052	0,054
	Контекстные специфич. знания	-0,01	0,007	0,059	-0,015
	Осознание	0,002	0.090**	0.075*	0,058
	Планирование	-0,01	0.065*	0.078*	-0,006
	Проверка	-0,029	0.063*	0,039	-0,011
	Речевые акты	0,011	0,042	0,035	-0,014
	Вербальное поведение	0,007	0,025	0,014	0,01
	Невербальное поведение	-0,016	0,058	0.076*	-0,003
Межкультурная сензитивность	Принятие	0,051	0.091**	0.096**	0,052
	Преуменьшение	0,045	-0,036	-0,03	0,005
	Абсолютизация	0,054	0,009	0,02	-0,041
	Амбивалетность	0.127***	0,048	0.063*	0,013

8. «Модуль исследования ценностей»

Шкалы и субшкалы		Дистанция власти	Индивидуализм	Маскулинность	Избегание неопределен.	Долгосрочная ориентация	Гедонизм
Культурный интеллект	Общий КИ	-0,004	0.062*	-0,029	-0.086**	0,036	0.131***
	Мотивация КИ	-0,009	0.105***	0,009	-0.098**	0.065*	0.146***
	Знания КИ	-0,011	0,045	-0,039	-0,059	0,027	0.129***
	Стратегия КИ	0,016	0,059	-0,021	-0.085**	0,025	0.081**
	Поведение КИ	-0,006	0,001	-0,043	-0,045	0,004	0.074*
	Внутренняя мотивация	-0,036	0.092**	-0,027	-0.088**	0.074*	0.107***
	Внешняя мотивация	-0,001	0,057	0.082**	-0.084**	0,061	0.107***
	Самозффективность в адаптации	0,017	0.111***	-0,037	-0.067*	0,02	0.146***
	Общие знания	-0,01	0,052	-0,014	-0.070*	0.073*	0.127***
	Контекстные специфич. знания	-0,009	0,031	-0,054	-0,038	-0,019	0.108***
	Осознание	0,039	0.076*	0,007	- 0.111***	0,014	0.064*
	Планирование	0,003	-0,008	-0,022	-0,001	0,012	0,046
	Проверка	-0,001	0.086**	-0,037	- 0.107***	0,036	0.092**
	Речевые акты	0,006	0,015	-0,05	-0,061	-0,008	0,054
	Вербальное поведение	-0,055	-0,017	-0,027	-0,031	0,014	0.075*
	Невербальное поведение	0,033	0,003	-0,035	-0,025	0,004	0.065*
Межкультурная	Принятие	0,041	0,01	-0,017	-0.095**	0,037	0.072*
	Преуменьшение	-0,044	-0,018	0,035	0,057	0,02	-0,005
	Абсолютизация	-0.088**	0.106***	0,003	-0,02	0,039	0
	Амбивалентность	-0.096**	0,033	-0,003	0,039	0,013	-0,008

9. «Индекс ксенофобии»

Шкалы и субшкалы		Ксенофобия
Культурный интеллект	Общий КИ	-0.122***
	Мотивация КИ	-0.175***
	Знания КИ	-0.062*
	Стратегия КИ	-0,046
	Поведение КИ	-0.119***
	Внутренняя мотивация	-0.178***
	Внешняя мотивация	-0.132***
	Самозффективность в адаптации	-0.116***
	Общие знания	-0,052
	Контекстные специфич. знания	-0,06

	Осознание	-0,014
	Планирование	-0,036
	Проверка	-0.065*
	Речевые акты	-0.104***
	Вербальное поведение	-0.125***
	Невербальное поведение	-0.081**
Межкультурная сензитивность	Принятие	-0.104***
	Преуменьшение	-0.063*
	Абсолютизация	-0.125***
	Амбивалетность	-0.132***